НАЧАЛЬНИК ВНЕШНЕЙ РАЗВЕДКИ

В.И. Прокофьев

ГРИФ СЕКРЕТНОСТИ СНЯТ

ДЕЛО № 14-038

НАЧАЛЬНИК ВНЕШНЕЙ РАЗВЕДКИ

Спецоперации генерала Сахаровского

В.И. Прокофьев

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Вниманию читателей предлагается документальная повесть о начальнике советской внешней разведки Александре Михайловиче Сахаровском, написанная на основании воспоминаний о нем его современников и коллег по работе и охватывающая события не столь давней истории: довоенный период, годы военного лихолетья и холодной войны.

Внешняя разведка, которую на протяжении 16 лет возглавлял А.М. Са-харовский, — это не только государственная организация, предназначенная для решения задач обеспечения безопасности страны особыми средствами, но и хранилище памяти славных дел чекистов-разведчиков, о которых также рассказывается на страницах книги.

- Начальник внешней разведки. Спецоперации генерала Сахаровского
  - ОТ АВТОРА
  - ЛЮДИ ОСОБОГО ПРЕДНАЗНАЧЕНИЯ (Вместо предисловия)
  - Глава 1. «ЮНОСТЬ КОМСОМОЛЬСКАЯ МОЯ»
  - Глава 2. В ГУЩЕ ПАРТИЙНОЙ ЖИЗНИ
  - Глава 3. В ОСАЖДЕННОМ ЛЕНИНГРАДЕ
  - Глава 4. ПУТИ СУДЬБЫ НЕИСПОВЕДИМЫ
  - Глава 5. НАЧАЛЬНИК ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ РАЗВЕДКИ
  - Глава 6. НА ВОЛНАХ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ
  - Глава 7. ГЛАВНЫЙ ПРОТИВНИК И РАЗВЕДКИ СТРАН ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ
  - Глава 8. ОНИ СЛУЖИЛИ ВМЕСТЕ С САХАРОВСКИМ
  - Глава 9. ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ
    -
    - ДЕТСТВО И ЮНОСТЬ
    - В ГОДЫ ЛИХОЛЕТЬЯ
    - ВСПОМИНАЮТ СОСЛУЖИВЦЫ САХАРОВСКОГО
  - С ВЕРОЙ В БУДУЩЕЕ (заключение)
  - ПРИЛОЖЕНИЯ
    - Приложение 1
    - Приложение 2. РУКОВОДИТЕЛИ ВНЕШНЕЙ РАЗВЕДКИ РСФСР, СССР И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
    - Приложение 3. РУКОВОДИТЕЛИ ВНЕШНЕЙ РАЗВЕДКИ (краткие биографические сведения)

- ДАВЫДОВ (ДАВТЯН) Яков Христофорович
- КАТАНЯН Рубен Павлович
- МОГИЛЕВСКИЙ Соломон Григорьевич
- ТРИЛИССЕР Михаил (Меер) Абрамович
- МЕССИНГ Станислав Адамович
- АРТУЗОВ (ФРАУЧИ) Артур Христианович
- СЛУЦКИЙ Абрам Аронович
- ШПИГЕЛЬГЛАС Сергей Михайлович
- ПАССОВ Зельман Исаевич
- СУДОПЛАТОВ Павел Анатольевич
- ДЕКАНОЗОВ Владимир Георгиевич
- ФИТИН Павел Михайлович
- КУБАТКИН Петр Николаевич
- ФЕДОТОВ Петр Васильевич
- САВЧЕНКО Сергей Романович
- ПИТОВРАНОВ Евгений Петрович
- РЯСНОЙ Василий Степанович
- КОРОТКОВ Александр Михайлович
- ПАНЮШКИН Александр Семенович
- САХАРОВСКИЙ Александр Михайлович
- МОРТИН Федор Константинович
- КРЮЧКОВ Владимир Александрович
- КИРПИЧЕНКО Вадим Алексеевич
- ШЕБАРШИН Леонид Владимирович
- ГУРГЕНОВ Вячеслав Иванович
- ПРИМАКОВ Евгений Максимович
- ТРУБНИКОВ Вячеслав Иванович
- ЛЕБЕДЕВ Сергей Николаевич
- ФРАДКОВ Михаил Ефимович

- Приложение 4. ЛЕТОПИСЬ СОВЕТСКОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ И МЕРОПРИЯТИЙ СССР ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА (хронология событий: 1954—1971 гг.)

- СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
- ИЛЛЮСТРАЦИИ

Начальник внешней разведки. Спецоперации генерала Сахаровского
Валерий Прокофьев

ОТ АВТОРА

Деятельность органов, обеспечивающих безопасность государства, неразрывно связана с его историей. В декабре 2015 года будет отмечаться 95-летие внешней разведки нашей страны. Уникальные профессиональные традиции, опыт, накопленный предыдущими поколениями, во многом определяют сегодняшнее лицо Службы внешней разведки Российской Федерации.

Работа каждой государственной организации во многом зависит от конкретного лица, которое ее возглавляет. Начальник разведки любого государства всегда окружен ореолом таинственности и исключительности. За годы существования внешней разведки нашей страны всего 29 человек стояли во главе неё или исполняли обязанности её руководителей. Каждый из них являлся личностью, достойной уважения хотя бы за то, что по мере своих сил и способностей полностью отдавал себя решению задач в этой чрезвычайно деликатной области человеческой деятельности.

А.М. Сахаровский, возглавлявший советскую внешнюю разведку с 23 июня 1955 года по 15 июля 1971 года, достоин того, чтобы хоть в малой степени попытаться оценить его роль и вклад в общее дело обеспечения безопасности Советского государства, понять насколько ответственны были те задачи, которые приходилось ему решать.

Однако публикация книги о генерал-полковнике Александре Михайловиче Сахаровском вряд ли была бы возможна до появления в свет пятого тома «Очерков истории российской внешней разведки», который посвящен работе «легальных» и нелегальных резидентур, а также их сотрудников в 1945— 1965 годах.

Деятельность разведки в эти годы была нацелена на обеспечение мирных условий для послевоенного развития страны, недопущение перерастания холодной войны в третью мировую войну, на помощь народно-освободительным движениям в колониальных странах в их борьбе за независимость. Советская разведка продолжала отслеживать планы и намерения ведущих капиталистических стран по изменению в свою пользу соотношения сил в мире, содействовала преодолению монополии США на ядерное оружие и научно-техническому прогрессу нашей страны.

А.М. Сахаровский в этот период прошел путь от начальника отдела, подполковника территориального управления НКГБ, до начальника Первого главного управления КГБ при СМ СССР,

генерал-полковника. Возглавляя внешнюю разведку, он являлся проводником идей высшего политического руководства страны, которые затем воплощались в оперативные мероприятия, и, наоборот, аккумулировал полученную посредством оперативных мероприятий информацию и в концентрированном виде доводил ее до высшего руководства страны.

Ему довелось на практике познать всю сложность отношений, существовавших между КГБ и ЦК КПСС, и степень ответственности за принимаемые решения. Он всячески отстаивал на всех уровнях профессионалов-разведчиков, честно и самоотверженно трудившихся в системе государственной безопасности на благо Родины.

Александру Михайловичу пришлось работать в один из самых сложных периодов холодной войны, когда произошел новый раскол мира на военно-политические блоки, а Советский Союз со всех сторон был окружен сетью военных баз, в том числе с ядерным оружием. Берлинский и Суэцкий кризисы, осложнение обстановки на Ближнем Востоке, распад колониальной системы, агрессия против Кубы, поставившая мир на грань ядерной войны, — все это значительно обостряло международное положение.

В чем же состояла роль начальника Первого главного управления Комитета государственной безопасности, от которого во многом зависела эффективная работа внешней разведки? Об этом мы и попытаемся рассказать читателю.

В. Прокофьев

ЛЮДИ ОСОБОГО ПРЕДНАЗНАЧЕНИЯ (Вместо предисловия)

Гвозди б делать из этих людей:
Крепче б не было в мире гвоздей.

Н. Тихонов

Поколению людей, родившихся в России в начале XX века, суждено было жить в сложнейшую историческую эпоху и преодолеть суровые испытания, главными из которых были революции, Гражданская война, голод и разруха, тревожные предвоенные годы, Великая Отечественная война и послевоенное восстановление разрушенных городов и поселков, промышленного и сельскохозяйственного потенциала.

В трудные времена наиболее ярко проявляются лучшие черты характера человека, такие, как преданность благородной идее, высокие моральные и нравственные качества, умение взять ответственность на себя и повести за собой людей. Чтобы в сложных условиях быть лидером, надо являться незаурядной личностью, человеком «особого предназначения». При этом совсем не обязательно занимать высокие государственные посты, но обязательно надо быть примером для подражания в том коллективе, в котором ты трудишься.

Герой книги Н. Островского «Как закалялась сталь» Павел Корчагин, а также Алексей Стаханов, Валерий Чкалов, Александр Матросов, Сергей Королев и многие другие были теми лидерами, которым подражало не одно поколение советских людей. Они восстанавливали разрушенные революцией и Гражданской войной промышленность и сельское хозяйство, выполняли план ГОЭЛРО, строили Байкало-Амурскую магистраль, поднимали целину, создавали «катюшу» и запускали в космос спутники, сохраняли русскую культуру и наши традиции.

Но есть еще одна не менее почетная профессия — Родину защищать. На долю людей этой профессии выпала честь охранять безопасность Русской земли, которая раскинулась «от финских хладных скал... до стен недвижного Китая!» И не вина донского казака Ермака Тимофеевича, который пришел на дикие берега Иртыша и нашел вечный покой под его студеными водами, что эта прекрасная земля долгое время была местом ссылок и сплошной каторги.

Дмитрий Донской, Александр Невский, простой посадский

человек Кузьма Минин и воевода князь Пожарский, Александр Суворов и Михаил Кутузов всегда опирались на тысячи оставшихся безвестными русских ратников, которые могли постоять за честь и славу своего государства. И поколение, рожденное на рубеже XIX и XX веков, может гордиться тем, что оно добилось очень многого в различных областях человеческой деятельности.

Ясный ум, стойкий характер, терпение, непоколебимая вера в правоту своего дела, помноженные на глубокие патриотические чувства, — все эти качества присущи людям «особого предназначения». Им бесконечно дорого славное прошлое нашей Родины. Но, как говорил русский писатель Леонид Леонов, «одним воспоминанием прошлого не проживешь». «Старина, — подчеркивал он, — любит красоваться в раме могучей современности, и сколько на нашей памяти увяло слав былых, не поддержанных деяниями потомков. Плохо бывает не успевшим включиться в стремительный Гераклитов поток. Громадные империи уходят в пучину, как разломленные на штормовой волне старомодные корабли,—даже надменные религии пытаются пристроиться к ритму текущей жизни. Время от времени врываясь в застойные будни, новые, высшей целесообразности идеи порождают гигантские, подобные Октябрю, события—они перепахивают карту мира, разоблачают мнимое благообразие прежнего уклада, ускоряют бег технического прогресса: так было и с нашей страной. Неторопливые историки, когда придут на смену нынешним летописцам, подведут окончательный баланс совершившимся преобразованиям с учетом и материальных достижений, выдвинувших нашу державу на полупервейшее индустриальное место».

Писатель предупреждал современников и тех, кто придет им на смену на этой земле, что будущее нуждается в опоре на дни минувшие, а также на материальные и, в особенности, на духовные ценности, оставленные предшественниками. И чем трущее время, чем суровее испытания, тем больше нужда в такой опоре. Поэтому известную поговорку относительно того, что «надобно всегда держать порох сухим», следует рассматривать, несомненно, с точки зрения состояния всего арсенала духовных ценностей, который, быть может, прежде всего и должно охранять.

Духовные же ценности, равно как и материальные, создавались людьми, причем людьми конкретными, своими деяниями и активной позицией вошедшими в историю той сферы деятельности, на которую их поставило трудное время.

К таким людям, безусловно, принадлежит и Александр

Михайлович Сахаровский, который длительное время возглавлял советскую внешнюю разведку и который своим бескорыстным служением Отечеству заслужил встать в ряды активных создателей его могущества.

Глава 1. «ЮНОСТЬ КОМСОМОЛЬСКАЯ МОЯ»

Александр Михайлович Сахаровский родился 3 сентября 1909 года в деревне Большое Ожогино Палкинского района Костромской губернии, в самой русской глубинке.

История этого края как самостоятельного удельного княжества восходит к началу XII века, а с середины XIV века оно вошло в состав Московского государства. Расположение в глубине России не спасло этот край от неоднократных нашествий чужеземцев (татар, новгородских ушкуйников, польско-литовских войск и др.). Может быть, с тех далеких времен и происходила фамилия Сахаровский, редко встречавшаяся в данной местности? Кстати, отчество прадеда А.М. Сахаровского было тоже несколько странным — его звали Федор Вулевич.

Издавна население края играло видную роль в различных освободительных движениях, в том числе и в ополчении Кузьмы Минина и Дмитрия Пожарского, помогая им как материальными средствами, так и непосредственным участием костромичей. Не одно поколение русских людей воспитывалось на легендарном патриотическом подвиге в борьбе с интервентами костромского крестьянина Ивана Сусанина.

Родители Александра Михайловича тоже крестьянствовали в тех же местах. Деревня Большое Ожогино была типичной русской деревней средней полосы, окруженной чарующим лесом, где сосновые боры сменялись березовыми рощами, а в междулесье благоухали луга вперемежку с небольшими, но богатыми живностью болотами.

Раньше в той деревне жила семья Сахаровских. Как и в любой простой крестьянской семье, особого достатка не было. Поэтому и отец, и мать постоянно работали. Мать, Анна Марковна, с детства —в поле. Она и сына Александра родила там, в стоге сена. «Повивальными бабками» были соседки по деревне, а домой после родов добирались на телеге, предназначенной для перевозки сена, по ухабам да рытвинам.

Отец, Михаил Федорович, с двенадцати лет занимался отхожим промыслом в Костромской губернии: трудился в бригаде по строительству и ремонту церквей. Приходилось малярничать, лепить, заниматься живописью. В народе таких людей называли «богомазами». Он был человеком талантливым и настойчивым в работе. Сколько специальностей пришлось ему освоить за свою жизнь! И везде помогали ему его «золотые руки» и

исключительная работоспособность. До Первой мировой войны Михаил Федорович успел потрудиться и в крестьянском хозяйстве, и у подрядчиков из Санкт-Петербурга, и на заводах, в том числе — на Балтийском судостроительном и Галерном (позднее — завод имени Марти).

В 1914—1917 годах Михаил Федорович служил в армии, участвовал в сражениях Первой мировой войны, получил награды и чин унтер-офицера. Вернувшись в деревню, работал старостой лесозаготовительной артели, затем на лесозаготовках был начальником участка по ремонту железнодорожных путей. В 1935—1941 годах являлся мастером по реставрации живописи в Ленинграде, а в последние годы жизни преподавал практики в Высшем художественном училище. Являлся автором брошюры, посвященной технологии реставрации архитектурных сооружений.

Разносторонние интересы отца, его недюжинные способности, пример других членов семьи, особенно трудолюбивой матери, имели огромное влияние на формирование характера Александра Сахаровского.

В семь лет Саша пошел учиться в начальную сельскую школу. Застал еще Закон Божий, но после февраля 1917 года его отменили. Учеба шла легко. Быстро пролетели три года. Начальная школа окончена. Но до последних дней жизни помнил Александр Михайлович свою первую учительницу Ларису Михайловну, увлекательно проводившую занятия. Особенно нравилась ему математика: он уже решал задачи на дроби и когда приехал з старинный русский городок Галич поступать в школу второй ступени, то удивил учителей на экзамене знанием обыкновенных и десятичных дробей.

Окончив восемь классов школы второй ступени, Александр отправляется в Ленинград. Время было горячее. Страна брала курс на индустриализацию, и четырнадцатилетние школьники, вступавшие в пору юности, уже понимали, что именно на заводах и фабриках будут свершаться большие дела. Слова «металл», «станки», «машины» определяли дискуссии на всех мальчишниках. В 1926 году он поступает учиться в фабрично-заводское училище (ФЗУ) при Балтийском судостроительном заводе, а по окончании работает там же учеником разметчика.

Следует отметить, что Балтийский судостроительный завод, расположенный в Василеостровском районе города, был основан еще в 1857 году. К 1917 году численность рабочих на нем достигала 6700 человек, и организация РСДРП, созданная в марте 1917 года, вела борьбу за массы с крупными заводскими организациями эсеров и меньшевиков. Большевики завода были

ядром одного из подрайкомов партии Василеостровского района. В дни Октябрьского вооруженного восстания на заводе был создан ревком. Отряд Красной гвардии участвовал в охране района, в захвате Главного телеграфа, Биржевого и Тучкова мостов, в штурме Зимнего дворца. Рабочие завода помогали красногвардейцам других предприятий оружием и снаряжением.

В 1920-е годы партийная и комсомольская организации под держивали славные трудовые и революционные традиции завода, и Александр Сахаровский получил хорошую рабочую и политическую закалку.

Эти годы были чрезвычайно сложными в истории нашей страны. В повседневной политической жизни все чаще звучали слова «ленинизм» и «троцкизм». Но на молодежь, в силу их возраста, большее влияние оказывали первые итоги НЭПа. Они внесли заметное оживление в экономику страны, в жизнь крупных городов. Развернулось частное предпринимательство. По праздникам людей радовали шумные, многолюдные ярмарки с каруселями и цирковыми представлениями. В этой обстановке для людей, перебравшихся из деревень в город, существенным было то, что им стало легче найти работу.

В декабре 1925 года открылся XIV съезд партии. Он проходил в напряженной внутрипартийной обстановке. За все время существования партии еще не было такого случая, чтобы вся делегация крупнейшего партийного центра — ленинградская — выступила против ЦК. Представитель ленинградцев — зиновьевец Сокольников — предложил на съезде план развития, по которому СССР должен был оставаться аграрной страной, производящей главным образом сырье и продовольствие. Тем не менее съезд принял план социалистической индустриализации. Зиновьевцы, не удовлетворенные таким решением, пытались его сорвать.

Сразу же после XIV съезда Зиновьев инициировал собрание Ленинградского губкома комсомола, которое вынесло постановление об отказе подчиниться решениям съезда партии. В свою очередь большевики направили в Ленинград группу своих представителей, среди которых были Молотов, Ворошилов, Киров и другие, для разъяснения решений съезда. Собрания с участием большевиков проходили бурно.

Оставаться в стороне от общественной жизни было не в характере Александра. В 1926 году он вступает в комсомол.

Партийному и комсомольскому активу предстояла большая разъяснительная работа в массах по ликвидации последствий раскольнической линии Зиновьева и Каменева. Не случайно партийный съезд в своей резолюции «О работе комсомола», выразив озабоченность деятельностью комсомольских

организаций, рекомендовал «усилить привлечение в комсомол передовой молодежи из рабочих и крестьян, улучшить коммунистическое воспитание комсомольцев». Осудив теории «нейтральности» и «равноправия» комсомола с партией, съезд предложил партийным организациям совершенствовать руководство комсомолом.

Молодой рабочий Александр Сахаровский активно, с увлечением включился в комсомольскую работу. В 1929 году его принимают в кандидаты, а в феврале 1930 года—в члены ВКП(б). Александр гордился тем, что одним из рекомендовавших его в партию был рабочий Блинов, который, работая в Смольном в октябрьские дни семнадцатого года, неоднократно встречался с Лениным.

В 1929 году Сахаровский перешел на работу разметчиком на завод «Северные судостроительные верфи» (позднее — завод имени Жданова). В феврале 1930 года в составе бригады ЦК ВЛКСМ молодой коммунист выезжал на несколько месяцев на посевную кампанию в Казахстан. В октябре того же года Сахаровский избирается агитпропом (агитатором-пропагандистом) комитета ВЛКСМ завода. Райком комсомола Московско-Нарвского района направляет его своим представителем в районный отдел народного образования. Одновременно он является инструктором по внешкольной работе при райсовете.

Наступил 1931 год. Трудное это было время — начало 1930-х годов, но в сознании молодого рабочего парня уже прочно осели идеологические основы построения социализма «в одной отдельно взятой стране». Большое влияние на Александра Сахаровского произвели его встречи с Кировым. Первая произошла именно в 1931 году. Вот как о ней вспоминал сам Александр Михайлович:

«Бывают в жизни человека короткие мгновения общения с яркой личностью, которые не только запоминаются на всю жизнь, но и оказывают на его дальнейшую судьбу решающее, благотворное влияние. Это счастливые моменты. У меня это были встречи с Сергеем Мироновичем Кировым. Их было три... Первая происходила так.

1931-й год. Смольный. На совещании комсомольских работников и творческой молодежи Ленинграда я участвовал от Нарвского райкома комсомола. Должен был выступать. Подготовка у меня — заводская, рабочая. Предоставляют мне слово. И я довольно остро критикую репертуар недавно созданного молодежного театра. В конце делаю вывод: театр должен глубже изучать интересы рабочей молодежи.

В перерыве между заседаниями С.М. Киров спустился в зал, сел на ступеньки, ведущие на сцену. Его окружили участники совещания, завязалась непринужденная беседа. Сергей Миронович любил непосредственное общение с участниками совещаний, задавал вопросы, высказывал свою точку зрения по тем или иным проблемам.

Заметив меня среди окружавшей его молодежи, Киров сказал тогда примерно следующее:

— Вот вы выступили с позиций рабочего. Вы понимаете, что нужно рабочей молодежи. Но и молодежь театра надо понять. Художественному коллективу ведь надо время, чтобы найти себя. Поэтому, может быть, не стоит предъявлять к нему сейчас слишком высокие требования. Ему надо помочь.

И, обращаясь уже к секретарю нашего райкома, предложил поручить мне вести секцию по связи рабочей молодежи с творческой.

Слова Сергея Мироновича я вспоминал потом не раз, находясь на различных участках партийной работы. Всякое новое дело требует времени, и задача коммуниста состоит в том, чтобы это новое “начало работать” на нас как можно быстрее».

Подошло время призыва Александра в Красную Армию. Для себя он считал службу в армии необходимой. Тем более что в октябре 1930 года вышло постановление ЦК ВКП(б) «О декаде обороны», в котором говорилось о необходимости укрепления материально-технического оснащения РККА и усилении пролетарского влияния на неё.

Александр видел себя уже в военной форме, но на райкомовских работников была наложена бронь. И все-таки решение его было твердым. В райкоме он выдвинул ультиматум: «Если не отпустите, то буду писать К.Е. Ворошилову». И добился своего.

В октябре 1931 года Александр Сахаровский был призван в РККА и стал красноармейцем 13-й отдельной местной стрелковой роты в городе Ленинграде, а в мае 1932 года — переведен во 2-й полк связи. Здесь, в полку, он становится секретарем бюро ВЛКСМ. Коммунист Сахаровский теперь должен был быть не только образцовым исполнителем своих прямых служебных обязанностей, но и нести непосредственную ответственность за политическую подготовку молодых воинов, за воспитание надежных защитников Страны Советов. И в этой обстановке у него проявились такие качества, как удивительная простота, чуткость и отзывчивость, прямота и искренность, умение расположить к себе молодежь. Об этих его качествах неоднократно вспоминали знавшие Александра Михайловича

коллеги, с которыми ему пришлось работать позже и на более ответственных участках.

Однако работа комсомольского вожака не только требовала полной самоотдачи, но и учила умению видеть и выделять главное, нацеливать коллектив на выполнение боевых задач.

В период военной службы Сахаровскому довелось во второй раз привлечь внимание Кирова, который присутствовал на окружном армейском совещании командиров и партийнокомсомольского актива.

«Я выступал тогда, — вспоминал А.М. Сахаровский,—по вопросу о “захолустных” частях. Захолустными они назывались потому, что находились как бы на отшибе, обеспечивая охрану различных объектов в области, и им не всегда уделялось должное внимание. Помню, когда я закончил выступление, Киров, обращаясь к сидевшему рядом с ним в президиуме начальнику политуправления округа Славину, сказал: “Надо прислушаться. Вопрос поставлен правильно”. Эта короткая реплика меня тогда очень ободрила».

В начале 1930-х годов партия резко повысила требования к руководящему составу Красной Армии. В постановлении ЦК ВКП(б) от 5 июля 1931 года «О командном и политическом составе РККА» подчеркивалось: «Выросший политически и культурно красноармеец требует более квалифицированного политического руководства. Это ставит перед политработниками и командирами задачу решительного повышения своих политических знаний, умения четко политически руководить красноармейскими массами».

Выполняя решения партии, политработники РККА пошли учиться. Среди них был и Сахаровский, который стал слушателем вечернего отделения ленинградской Военнополитической академии имени Толмачева (позднее — имени В.И. Ленина). Итак — вечерний комвуз, как тогда это называлось. Сохранилась одна из немногих фотографий довоенного периода жизни Александра Михайловича (большинство пропало в блокаду): двадцатидвухлетний Александр Сахаровский за рабочим столом. На столе папка с газетами, книги, бумаги... Александр в форме красноармейца (секретарям комсомольских бюро подразделений не присваивали в то время званий) выглядит, пожалуй, старше своих лет. А может быть, фотограф застал его во время глубоких раздумий, и это наложило свой отпечаток на образ, запечатленный на фотографии. А подумать было над чем.

Впервые появилась у него возможность изучать классиков марксизма-ленинизма. С его «ученым багажом» это было непросто, но, как он сам выражался, «...грыз науку, чтобы

свободно ориентироваться в полемике, которая велась в то время». Из ленинских работ особенно привлекала книга «Что делать?», поскольку «теоретический подход в ней ясно увязывался с решением практических вопросов революционной борьбы».

В 1933 году Александр получает предложение перейти на дневное отделение академии. Конечно, это была прекрасная возможность продолжить целенаправленную учебу, но ей не суждено было стать реальностью.

Международная обстановка требовала повышения боеготовности Красной Армии. В приветствии ЦК ВКП(б), РККА и Реввоенсовету СССР по случаю 15-й годовщины создания Красной Армии, опубликованном в газете «Красная звезда», указывалось: «Не забывайте ни на минуту об опасности военного нападения на Советский Союз! Враги за пределами наших границ продолжают вооружаться, готовятся протянуть свою разбойничью руку к границам Советской страны! Будьте начеку!»

По решению Политуправления РККА в октябре 1933 года Александр Сахаровский направляется на должность секретаря бюро ВЛКСМ 63-го отдельного строительного батальона в Советскую Гавань Дальневосточного края.

Позже А.М. Сахаровский вспоминал:

«Часть формировалась в Томске. Оттуда ехали поездом во Владивосток, а дальше — небольшим пароходом “Каширстрой” в Совгавань. После приличной болтанки высадились в Совгавани, добрались до места назначения, расположились в Константиновской бухте, неподалеку (по дальневосточным меркам) от рыболовецкого совхоза. Вели строительство военного объекта».

Изложено кратко, четко, доступно. Но на самом деле было не все так просто. Здесь, на краю земли, начались первые испытания для политработника Александра Сахаровского. Самой главной проблемой было питание. Пароход с продуктами, шедший вслед за ними, налетел на камни. Почти все продукты пришли в негодность. Только мука — она была в непромокаемой упаковке — осталась цела. Через несколько месяцев началась цинга, у людей от голода пухли ноги. Но батальон должен был выполнить поставленную перед ним задачу.

В такой обстановке, чтобы сохранить боевой дух подразделения, надо было знать каждого человека, его слабые и сильные стороны, наладить взаимопонимание и взаимопомощь.

С помощью местных жителей научились использовать подножный корм: дикий чеснок-черемшу, зелень, похожую на щавель, ягоду, сырую рыбу. Как-то раз удалось завалить кабана.

Здесь Александр впервые сошелся с морем один на один и

почувствовал дыхание смерти, когда вдали от берега в шторм перевернулась его лодка. Ему пришлось в полутьме вплавь добираться до скалистого берега и неоднократно пытаться взобраться на скалу. Только утром он был подобран рыбаками.

Обстановка на Дальнем Востоке в то время была очень сложной. Японское правительство, видя, что европейские державы и США целиком поглощены своими внутренними делами в связи с экономическим кризисом, решило воспользоваться случаем и попытаться нажать на слабо защищенный Китай. Используя ими же создаваемые «местные инциденты» на арендованной Японией Южно-Маньчжурской железной дороге, японцы ввели войска в Маньчжурию. Чтобы развязать себе руки, Япония вышла из Лиги Наций и стала усиленно вооружаться.

Это обстоятельство вынудило США, Англию и Францию на усиление своих военно-морских позиций на Дальнем Востоке. Понятно, что Советский Союз не мог пройти мимо такой опасности и стал усиленно укреплять обороноспособность Дальневосточного края, привлекая для этого как воинские подразделения, так и отдельные строительные батальоны. Они занимались строительством и охраной стратегически важных объектов — мостов на железных дорогах и магистральных шоссе. Командирам и комиссарам батальонов, которые зачастую формировались из представителей окраинных районов страны, приходилось много внимания уделять воспитанию комсомольцев. Иногда их суждения отличались некоторой резкостью и недовольством трудностями службы. В этой связи основное внимание в воспитательной работе приходилось уделять морально-волевой подготовке молодых бойцов.

К тому же в молодежном движении края чувствовалась существенная политическая разнородность, вызванная ориентацией молодых людей на различные политические движения и партии. Особой активностью отличались анархистский «Интернациональный союз», Восточно-Сибирское объединение молодых эсеров, американский «Христианский союз молодых людей». Поэтому было создано Дальневосточное бюро (Дальбюро) ЦК РКСМ, которое направляло в молодежные трудовые коллективы для активизации их деятельности наиболее опытных комсомольских работников.

Комсомольцы военных строительных батальонов принимали непосредственное участие не только в восстановлении железных дорог, железнодорожных станций, шахт по добыче угля, но и в воспитании молодежи. Трудностей было много. Даже климатические условия, особенно в зимний и осенний периоды, были чрезвычайно сложными. Но ни суровый климат, ни

постоянная вооруженная борьба с вредителями и остатками бандитских отрядов не страшили молодых бойцов. Им были присущи высокая сознательность и железная дисциплина. Они не знали, что такое не выполнить задание ячейки РКСМ, не явиться на собрание или субботник. В этом сочетании трудового фронта и военной службы мужал и закалялся и сам Сахаровский.

Несмотря на объективные и субъективные трудности, дальневосточные воинские подразделения с честью выполняли поставленные задачи. Выполнил свою задачу и батальон, в котором комсоргом был Александр Сахаровский. О людях, прошедших через испытания в бухте Константиновской, можно сказать, перефразируя слова Николая Островского: «Так закалялась сталь».

Сам Александр Михайлович позже подчеркивал: «Комсомол многое дал мне. В комсомольской работе у меня начала вырабатываться активная жизненная позиция».

Глава 2. В ГУЩЕ ПАРТИЙНОЙ ЖИЗНИ

В октябре 1934 года Сахаровский демобилизовался из армии и вернулся в Ленинград, который уже считал своим родным городом. В то время в партии и комсомоле проходило активное обсуждение решений XVII съезда ВКП(б), состоявшегося в январе того же года. Этот съезд вошел в историю как «Съезд победителей», который сформулировал организационные задачи партии на новом этапе. Среди них были выделены три основных направления деятельности коммунистов:

1. Согласовывать организационную работу с требованиями политической линии партии;

2. Поднять уровень организационного руководства до уровня политического руководства;

3. Добиться того, чтобы организационное руководство полностью обеспечивало проведение в жизнь политических лозунгов и решений партии.

В заключительной части доклада Сталина на съезде подчеркивалось: «...Не убаюкивать надо партию, а развивать в ней бдительность, не усыплять ее, а держать в состоянии мобилизации для осуществления второй пятилетки».

Молодой коммунист Сахаровский был готов на деле решать поставленные партией задачи.

Комсомольцы тех лет представляли собой часть общества, отличавшуюся особым восприятием к несправедливости и личным бесстрашием. Молодежь верила в то, что грандиозные планы второй пятилетки будут выполнены, что московское метро станет лучшим в мире, что советская литература — «самая идейная и самая передовая». В те годы на экраны страны вышел фильм братьев Васильевых «Чапаев», на который зрители ходили, как на праздник, советский стратостат «Осоавиахим» поднялся на рекордную высоту, было много и других достижений, которыми гордилась Страна Советов и которые создавали у советских людей образ успешного развития социалистического общества.

После возвращения из армии дела у Александра складывались достаточно благополучно. Он был рекомендован на должность секретаря комитета ВЛКСМ Канонерского завода Ленинграда. Работа, любимая девушка Вера, встречи с друзьями, походы на рыбалку, воспоминания о службе на Дальнем Востоке наполняли жизнь активным содержанием.

И вдруг сообщение в газетах в траурной рамке: «Центральный

комитет ВКП(б) и советское правительство с прискорбием извещают, что 1 декабря 1934 года в 16 часов 37 минут от рук подосланного врагами рабочего класса убийцы погиб член Политбюро и Оргбюро, секретарь ЦК ВКП(б), первый секретарь Ленинградского обкома партии Сергей Миронович Киров».

Это сейчас, когда с того рокового выстрела минуло 80 лет и появилось огромное количество публикаций, статей, научных исследований на данную тему, каждый интересующийся историей человек может выбрать себе версию по вкусу. (Но все равно остается ощущение неразгаданности тайны, ибо, как заметил однажды Н.С. Хрущев, «историки — опасные люди: они в состоянии все перепутать, их надо подправлять». —*Примем, авт.)* А в то время советская пропаганда и высшее партийное руководство использовали эту трагедию по максимуму для укрепления морального духа советских людей и уничтожения зиновьевско-каменевского блока.

Работники НКВД жестко пресекали распространявшиеся слухи относительно «личных обстоятельств» рокового выстрела, направляя ярость народа в нужное руководству страны русло. Выступая на митингах, проводимых в связи с убийством Кирова, Сахаровский с убежденностью говорил о том, что он верит, что не только на окраинах советского государства, таких, как Дальний Восток, но и в самом центре — в Москве и Ленинграде — есть люди, стремящиеся подорвать мощь Страны Советов.

Основной урок, который должны были извлечь парторганизации из прошедших судебных процессов по делу о злодейском убийстве С.М. Кирова, по мнению руководства партии, должен был состоять в том, чтобы «ликвидировать свою собственную политическую слепоту, ликвидировать свою политическую беспечность и повысить свою бдительность, бдительность всех членов партии».

Более того, в специальном письме ко всем организациям «Об учете, выдаче и хранении партбилетов» от 13 мая 1935 года ЦК партии предложил провести во всех организациях тщательную проверку партийных документов, «навести большевистский порядок в нашем собственном партийном доме».

Проще говоря, после убийства С.М. Кирова началась чистка партийных рядов, и она оказала решающее влияние на судьбу Александра Сахаровского. ЦК призвал пополнить партию и ее низовой руководящий состав за счет «действительно передовых, действительно преданных делу рабочего класса лучших люди нашей страны, прежде всего из рабочих, а также из крестьян и трудовой интеллигенции, проверенных на различных участках борьбы за социализм». К таким людям, безусловно, относился и

Сахаровский. В 1935 году он назначается инструктором политотдела Балтийского государственного морского пароходства, а в феврале 1938 года избирается секретарем его парткома.

Следует отметить, что уже в то время Ленинград являлся одним из крупнейших портов на Балтийском море. Несмотря на то что Невская губа замерзает на несколько месяцев, уже тогда ленинградский морской порт функционировал в течение всего года благодаря ледоколам, которые проводили в него морские суда. Порт играл важную роль в развитии экономических и культурных связей с зарубежными странами. Корабли Балтийского морского пароходства заходили в 400 портов 45 стран мира. Александру Сахаровскому не исполнилось еще и тридцати лет, когда он возглавил партийную организацию на одном из важнейших транспортных узлов страны.

Впоследствии свою работу в пароходстве Александр Михайлович оценивал как обычные будни партийного руководителя. Однако за этими словами скрывается большое содержание. Пароходство — это огромное хозяйство. И хотя оно является гражданским учреждением, законы его жизни сродни военным. Это связано и со строгим расписанием движения пассажирских и грузовых судов, и с тем, что основные принципы подбора и комплектования экипажей в пароходстве те же, что и на военно-морском флоте. Высокая партийная должность требовала от Сахаровского умения работать с людьми, внутренней самодисциплины, собранности. К такой работе он уже был подготовлен, более того — любил ее. А благодаря своим личным и деловым качествам он быстро снискал уважение коммунистов.

В то же время жизнь самого Сахаровского значительно осложнилась. На комсомольской работе было проще. Ведь комсомол, являясь помощником и резервом партии, трудился над претворением в жизнь ее планов, отвечавших интересам страны. Но работать под руководством всегда легче, чем самому руководить. Еще вчера он был просто Саша, свой парень, а сегодня уже Александр Михайлович — ответственный партийный работник.

Временной промежуток с 1935 по 1938 год признается всеми историками как чрезвычайно важный и насыщенный и в международной политике. В марте 1936 года, вопреки Версальскому договору, Гитлер приступил к милитаризации Германии. А еще раньше, в 1935 году, он ввел в стране всеобщую воинскую повинность. В 1936 году разразилась гражданская война в Испании. Для поддержания правых мятежников Гитлер и

Муссолини направили туда свои отборные части. По линии Коминтерна, поддерживавшего законное правительство Народного фронта, в Испанию направлялись международный контингент добровольцев и военные советники, технические специалисты и военная техника.

Но все же главными для Советского Союза в то время были внутренние проблемы. По стране прокатилась целая серия показательных судебных процессов, в том числе над представителями старой большевистской гвардии.

Все это существенно повлияло на формирование идейнополитических взглядов Сахаровского. Идеологическая борьба воспринималась им как данность, которую невозможно избежать. Каждый, кто листал подшивки газет и партийных документов за 1930-е годы, мог убедиться в том, что «от Москвы до самых до окраин» все безоговорочно одобряли политику партии и правительства.

Кроме того, этот период в партийной и государственной жизни страны был отмечен и немалыми сложностями, связанными с фактами нарушения партийной демократии и социалистической законности.

Тезис И.В. Сталина о том, что «в ходе упрочения позиций победившего социализма классовая борьба в стране обостряется», выдвинутый им на февральско-мартовском (1937 год) Пленуме ЦК ВКП(б), явился «теоретическим» обоснованием массовых репрессий и нарушений. Поставленные во главе НКВД сначала Ежов, а затем Берия своей деятельностью и публичными выступлениями вызывали смятение в широких партийных массах. Говорить о бесспорной и безошибочной линии партии становилось все труднее. Чувствовал это в своей работе и А.М. Сахаровский.

Подтверждением его сомнений стали решения январского (1938 год) Пленума ЦК ВКП(б) «Об ошибках парторганизаций при исключении коммунистов из партии, о формальнобюрократическом отношении к апелляциям исключенных из ВКП(б) и о мерах по устранению этих недостатков», а также состоявшегося в марте 1939 года XVIII съезда партии, который в резолюции «Изменения в Уставе ВКП(б)» подверг резкой критике «действия клеветников и карьеристов, порочивших кадры партии», и отменил массовые чистки. Правда, обосновывалось это тем, что с победой социализма они утратили свое значение.

Документы были приняты правильные и своевременные. Однако история свидетельствует, что порой от принятия решений высшим руководством той или иной страны до их исполнения

широкими массами наблюдается дистанция огромного размера. Да и сами решения подчас являются всего лишь «декларацией о намерениях». Нужны люди, которые будут продвигать их в массы. В тот период наиболее сложной прослойкой советского общества были правоохранительные органы. Считалось, что в них засели «враги народа», с которыми надо бороться. А с другой стороны, они сами боролись с «врагами народа». Чтобы исправить сложившееся положение, партия решила направить в НКВД большую группу коммунистов, имевших опыт руководящей партийной работы. В начале 1939 года поступило предложение перейти на работу в органы госбезопасности и Александру Михайловичу Сахаровскому.

К этому времени Александр Михайлович уже был женат, и в 1936 году в молодой семье родился сын Валерий. Энергии и задора было хоть отбавляй, работа — ответственная и интересная, перспективы — благоприятные. Но судьба, как мы видим, готовила новый поворот в его жизни. Сахаровскому предстояло принять важное решение. Приходилось учитывать массу обстоятельств, в том числе и международную обстановку, положение дел внутри государства, семейные интересы, материальное положение. Но главным для него был вопрос самовыражения: как сможет он проявить себя в новом качестве, реализовать свои способности и возможности.

Начиная с 1936 года Гитлер активно пытался занять центральное место в мировой политике. Он перестал выполнять версальские обязательства: создал сильную армию и в 1938 году аннексировал Австрию. Следующей его целью являлось включение чешских Судет, где преобладало немецкое население, в состав Германии.

К началу 1939 года стало очевидным, что Гитлер готовит войну против Польши. Если Польша будет разбита, немецкие войска продвинутся до советских границ. Сахаровский не раз задавал себе вопрос — остановятся ли они на границе?

Проницательный А.М. Сахаровский уже тогда понимал то, что будет зафиксировано позже на XVIII съезде ВКП(б): «новая империалистическая война за передел мира становится фактом». И он оставляет благополучную партийную карьеру и переходит на службу в органы государственной безопасности.

На наш взгляд, принятию такого решения способствовали и некоторые внутренние события в Советском Союзе.

Несмотря на подавляющую убежденность жителей страны в том, что имевшие место репрессии применяются против действительных врагов, определенная часть представителей среднего звена партийного руководства и рядовых членов партии

начинала понимать, что они охватывают значительную часть населения и наносят определенный ущерб социалистическому строительству. Причем эти нарушения законности и злоупотребления не связывались с именем Сталина. Большинство советских граждан считало Сталина активным борцом за победу социализма и полностью доверяло ему.

Одновременно высказывалось мнение о «нарушении ленинских принципов взаимоотношений между партией и органами НКВД» и о необходимости «проявлять настороженность и бдительность в отношении враждебных элементов из среды ликвидированных эксплуататорских классов и их агентуры». Александр Сахаровский считал для себя делом чести “активно и последовательно бороться за ленинскую генеральную линию партии».

Люди старшего поколения помнят, что кумиром конца 1930-х годов в СССР был Валерий Чкалов. Патриотично настроенный Сахаровский не случайно в 1936 году назвал своего первенца Валерием. И вот в декабре 1938 года приходит сообщение о гибели Чкалова. Обстоятельства гибели В.П. Чкалова при испытании нового истребителя И-180 долгое время не вызывали сомнений. Все придерживались официальной версии—это была случайность. Но затем поползли слухи и о других версиях. Например, американские историки авиации откровенно говорили об умышленном убийстве русского пилота с мировой славой. Наши известные летчики Г. Байдуков и А. Серов также не соглашались с официальной версией, то есть трагедия приобретала ореол таинственности и секретности. Многим тогда казалось, что все и обо всем знают только в спецслужбах.

А какой молодой человек не захочет попробовать реализовать свои способности в спецслужбах, если такая возможность ему предоставляется?

Когда-то в газете «Комсомольская правда» была опубликована статья о представителях редкой профессии — испытателях парашютов. В своих откликах читатели удивлялись тому, как можно выбрать такую профессию: зарплата не ахти какая, известности никакой, а риск огромный. А что движет первопроходцами, экспериментаторами, каскадерами, другими специалистами, работающими в чрезвычайных и экстремальных ситуациях? Почему Юрий Гагарин после своего полета в космос продолжал совершать учебные полеты на экспериментальных самолетах-истребителях, несмотря на то, что имел всемирную известность и спокойно мог всю оставшуюся жизнь купаться в лучах славы?

Интересно также, что среди сотрудников спецслужб и

населения сразу завоевало признание слово «чекист», хотя ЧК просуществовала всего чуть больше четырех лет. О сотрудниках ЧК слагались легенды. Чем это объяснить? Причин, конечно, много, но основных, вероятно, две: романтизм профессии и то, о чем сказал в одном из своих интервью уже в наше время бывший Директор Службы внешней разведки России генерал армии В.И. Трубников: «Молодые люди приходят сегодня в разведку прежде всего потому, что эта работа дает им возможность служить своей стране, приносить ей пользу в наше непростое время. Профессия разведчика позволяет человеку проявить себя как личность, реализовать свои деловые, волевые и моральные качества, иногда в экстремальных условиях, и стать высококлассным экспертом». 1930-е годы были непростым, но достаточно романтическим временем, и многим тогда казалось, что быть коммунистом-чекистом исключительно почетно.

Александр Сахаровский сделал свой выбор. В феврале 1939 года он был зачислен на службу в Управление НКВД по Ленинграду и Ленинградской области. Его назначили заместителем начальника 2-го отделения разведотдела УНКВД с присвоением звания младшего лейтенанта госбезопасности (соответствовало воинскому званию старший лейтенант). В этой должности он проработал до начала Великой Отечественной войны. На встрече с комсомольцами — сотрудниками советской внешней разведки в 1976 году он охарактеризовал этот период своей работы как «первый оперативный опыт».

Опыт приобретался разнообразный. Включал он и агентурную работу, причем не только в Ленинграде, но и за рубежом. В 1940 году почти непрерывно в течение семи месяцев Сахаровский находился в плавании в качестве помполита пассажирского судна «Сванетия». Побывал в нескольких странах Адриатики. Природная смекалка и жизненный опыт помогали ему успешно выполнять оперативные задания.

Но в деятельности Александра Михайловича в УНКВД была еще одна важная сторона. Он вел большую общественную работу. Являлся секретарем парторганизации отдела, а позже — заместителем секретаря парткома УНКВД.

Приведем скудные, в стиле формулировок того времени, строки из характеристики, утвержденной на партбюро 11 апреля 1940 года: «Партвзысканиям не подвергался, отклонений от генеральной линии ВКП(б) не имел... За период работы тов. Сахаровского секретарем парторганизации она значительно окрепла и идейно выросла».

«От нас, коммунистов, и рядовых, и руководителей, всегда требовалась партийная принципиальность, — рассказывал

Александр Михайлович. — В то время пришлось выработать в себе твердость и выдержку. Дискуссии тогда были очень острыми, особенно по вопросам о персональных делах сотрудников. ..»

Управление НКВД жило напряженной жизнью. Ленинград ощущал совсем рядом дыхание войны... Только что, в марте 1940 года, закончилась война между СССР и Финляндией, но уже в апреле гитлеровцы вторглись в Скандинавию, захватили Данию и Норвегию, а после поражения Франции ввели свои войска и в Финляндию. 22 июня 1941 года Ленинград стал фронтовым городом.

Глава 3. В ОСАЖДЕННОМ ЛЕНИНГРАДЕ

Январь 2014 года. Уже другая страна — не СССР — отмечает очередную годовщину снятия блокады Ленинграда. Российские средства массовой информации уделили этому событию должное внимание. О чем же писали центральные и местные газеты? О массовом патриотизме советских людей? О любви ленинградцев к своему городу? О величии подвига солдат на фронте и женщин и детей — тылу? Да, и об этом упоминалось в публикациях. Но главное прослеживалось в другом. Почитаем «юбилейную» статью в одном из центральных изданий. Ее подзаголовок гласит: «...В советское время правда о блокаде была закрыта цензурой, а в постсоветское — с непростительным снобистским равнодушием не востребована. И с течением времени подвиг **обреченных** (выделено автором) на героизм ленинградцев становится абстракцией. Единственное противоядие от беспамятства — знание правды, какой бы страшной она ни была».

В чем же состоит эта правда? По мнению автора, Кремль не обеспечивал ополченцев оружием, и они были вынуждены добывать винтовки в бою. Да и вообще в первые месяцы войны Кремль не давал разрешения на формирование ополченских бригад.

Касаясь попыток 2-й Ударной армии разомкнуть кольцо немецких войск в районе Мги, в статье утверждается, что план «спецоперации» наметили впопыхах, десятки тысяч безоружных, голодных солдат («рацион бойца составлял 50 граммов хлеба, ели лягушек и кору») пытались пройти сквозь плотно наступающие немецкие войска. В приведенном воспоминании одного из безымянных бойцов этой армии отмечается: «Под ногами началось какое-то месиво, как густое болото. Я был уже в полузабытьи и не смотрел вниз. А когда взглянул под ноги, увидел — земли нет, мы идем по телам».

В разделе статьи, озаглавленном «Уже едят человеческое мясо, которое выменивают на рынке», отмечается, что «социологический срез» типичных высказываний показывает отрицательные настроения среди населения города. «Наше правительство и ленинградские руководители бросили нас на произвол судьбы. Люди умирают, как мухи, а мер против этого никто не принимает...» Далее следует: «.. .Ежемесячно органы НКВД вербовали до полутора тысяч новых агентов. Стимул для сотрудничества с органами — шанс выжить, получив

дополнительный паек».

В заключительной части публикации, озаглавленной «У Жданова в вазе лежали буше», сообщается о высказывании опять-таки безымянного героя-блокадника, утверждающего, что руководству города на самолетах доставляли продукты: «Был у Жданова по делам водоснабжения. Еле пришел, шатался от голода... Шла весна 1942 года. Если бы я увидел там много хлеба и даже колбасу, я бы не удивился. Но там в вазе лежали пирожные буше...»

Если даже допустить, что все изложенное в статье соответствует действительности, то и тогда оно не сможет заслонить ту настоящую огромную правду о борьбе населения города-героя Ленинграда за свое человеческое достоинство, о доблести ленинградцев, которые воевали, трудились и побеждали. Эта правда присутствует в воспоминаниях командующего ленинградским фронтом Мерецкова и других военачальников. Что же предпринималось для защиты и облегчения участи блокадников?

Чтобы деблокировать Ленинград, Ставка Верховного Главнокомандования в декабре 1941 года приняла решение о формировании войск Волховского фронта, в состав которого вошли 4-я, 59-я и 2-я Ударная армии. Части и соединения 2-й Ударной армии во главе с генерал-лейтенантом Н.К. Клыковым 17 января 1942 года прорвали укрепленную оборону противника у Мясного Бора, на западном берегу Волхова, и вышли на подступы к городу Любань. Чтобы взять в кольцо крупную группировку противника, с северо-востока, через Синявинские болота, к ней с боями пробивалась 54-я армия Ленинградского фронта. Создались реальные предпосылки для прорыва блокады Ленинграда и непосредственная угроза для 18-й армии вермахта, входившей в группу «Север».

Для руководства действиями войск ударной группировки в составе 2-й Ударной армии и отдельных соединений 52-й и 59-й армий Военным советом Волховского фронта в начале марта 1942 года был командирован заместитель командующего фронтом генерал-лейтенант А.А. Власов. Командующего 2-й Ударной армией Н.К. Клыкова из-за тяжелой болезни 16 апреля срочно отправили в тыл. Приказом по Волховскому фронту от того же числа вместо Клыкова временно исполняющим обязанности командующего армией был назначен Власов.

Вступив в командование, Власов не сумел развить наступление, а когда оно захлебнулось, не принял необходимых мер для обороны флангов и, как было позже отмечено, пассивно относился к наведению порядка в войсках. К этому времени 2-я

Ударная армия оказалась в узком коридоре, в крайне невыгодной позиции, которая усугубилась с началом весны. Болотистая местность затрудняла использование бойцами земляных укрытий, поэтому советские войска попали в очень сложное положение.

Для ликвидации горловины прорыва противник бросил против 2-й Ударной армии одиннадцать дивизий и одну бригаду, в связи с чем резко изменилось соотношение сил на любанском направлении. 30 апреля войска Волховского фронта и 54-я армия Ленинградского фронта прекратили наступление в районе Любани и перешли к обороне. 28 мая немецкие войска прорвали оборону около деревни Финев Луг, закрыли коммуникации 2-й Ударной армии в районе Мясного Бора и Спасской Полисти, в результате чего советские части оказались в окружении. В этой обстановке новый командующий Власов проявил безволие, начал пьянствовать и практически прекратил руководить боевыми действиями, а после уничтожения средств связи совсем потерял управление войсками.

В архивах сохранились документы Особого отдела 2-й Ударной армии того времени. В них — свидетельства участников драматических событий лета 1942 года, подробности и детали, которые рассказывают об истинном героизме и самоотверженности советских солдат. Одновременно документы повествуют о трусости и предательстве генерала Власова.

Предательство Власова ни в коей мере не бросает тень на всех бойцов и командиров Ударной армии. Время показало, что его имя и отдельные негативные факты фронтовой обстановки того периода нельзя ассоциировать, как это делается кое-кем, с памятью о воинах, погибших в болотистых лесах на Волховском фронте, у Мясного Бора, о тех, кто с боями выходил из окружения, вынося на себе раненых товарищей. Они честно выполнили свой солдатский долг и внесли огромный вклад в защиту Ленинграда.

Один из защитников героического города, Д. Буданов, воевавший в составе 749-го полка 125-й стрелковой дивизии, которая обороняла Ораниенбаумский плацдарм, вспоминал:

«Захвату Ленинграда, как политическому центру страны, Гитлер отводил особое значение. В первых числах ноября он наметил провести бал победителей в Таврическом дворце. Уже были заготовлены пригласительные билеты. Однако намеченным планам не суждено было сбыться. Стабилизация фронта предопределила срыв молниеносного захвата Ленинграда. Не имея необходимых сил для штурма, Гитлер поставил задачу своим войскам разрушить город ударами авиации и дальнобойной артиллерии, а население—уморить голодом. Он

цинично заявлял, что пленение населения может подорвать ослабленную экономику Германии. Обстрелы велись методично по жизненно важным центрам, госпиталям и скоплениям людей. В результате жизнь в городе была парализована: остановились трамваи, прекратилась подача холодной и горячей воды. Главное, сократились нормы выдачи продуктов, хлеба — до 125 граммов, а на передовой — до 200 граммов. Наступил голод, от которого погибли сотни тысяч человек. В этот период я переболел дистрофией и цингой. Будучи раненным отказался идти в госпиталь, где грозила смерть от голода. Впрочем так делали многие, если можно было остаться в окопах.

Но жизнь в городе не замерла. На заводах изготавливались детали противотанковых препятствий, проводился ремонт военной техники, работала служба ПВО. Ленинградцев ни на минуту не оставляла надежда на помощь с Большой Земли. Наши войска, находящиеся на внешней стороне кольца блокады, неоднократно пытались прорвать немецкую оборону. К сожалению, безуспешно. Только в январе 1943 года ценой больших потерь удалось частично потеснить противника на 10—12 км от берега Ладожского озера, что позволило наладить известную всему миру ледовую Дорогу жизни. Это дало возможность завезти в город продукты, необходимую технику, людское пополнение и т.д. Из города были эвакуированы дети и часть взрослого населения. Постепенно стала налаживаться жизнь. Увеличились нормы выдачи населению и войскам продуктов питания. Оживилось на заводах выполнение военных заказов. В войсках и у населения возрастала уверенность в неприступности Ленинграда. Защитники города сознавали, что сдача города врагу может оказаться роковой для страны».

Приведенный выше рассказ ветерана наглядно иллюстрирует всю сложность положения наших войск под Ленинградом и обстановку в самом городе. В то же время он опровергает авторов тех публикаций, которым до сих пор не по нутру подвиг советского народа, сокрушившего фашизм и его военную машину. Ведь одинаково важно отстоять правду, касается ли она вклада СССР в разгром нацизма или возвращения доброго имени оболганному рядовому труженику войны.

Отдельным журналистам кажется, что поиск истины, утверждение правды состоят исключительно в том, чтобы нагнетать страсти вокруг потерь, поражений, неудач, бездарных действий. Они, видимо, полагают, что чем мрачнее, беспросветнее история, тем она правдивее. Но невозможно на одних только обличениях, игнорируя положительные примеры и подлинные причины победы советского народа в Великой

Отечественной войне, воспитать новое поколение защитников Отечества.

Историческая правда состоит в том, что героическая оборона Ленинграда, как и разгром гитлеровцев под Сталинградом положили начало коренному перелому в войне и оказали определяющее влияние на весь ее ход. Свою достойную лепту в общую победу внес и А.М. Сахаровский, для которого борьба с врагами Советского государства началась задолго до 22 июня 1941 года и продолжалась всю его дальнейшую жизнь.

В конце 1941 года Александр Михайлович возглавил Первый (разведывательный) отдел УНКВД, созданный накануне войны. Отдел занимался подготовкой и выводом в тыл врага разведывательно-диверсионных групп (параллельно с Четвертым управлением Центра), а также операциями по обезвреживанию немецких парашютистов и других диверсантов. Одновременно в задачу его сотрудников входила работа по пресечению морально-психологического давления на наши войска и гражданское население города со стороны немецких спецслужб.

Следует отметить, что немецкое командование, используя свои спецслужбы и пропагандистский аппарат, вело постоянную работу, направленную на разложение наших войск и гражданского населения, играя на имевшихся трудностях с продуктами питания. В боевые порядки забрасывалось большое количество листовок, организовывались направленные радиопередачи. Путем дезинформации и клеветы немцы пытались внушить обороняющимся сомнение в победе советской армии, восхваляли «новый порядок», установленный на оккупированной территории. Наших военнослужащих склоняли к сдаче в плен. К сожалению, имели место случаи, когда отдельные неустойчивые солдаты под воздействием вражеской пропаганды переходили на сторону немцев, особенно из числа тех, чьи семьи находились на оккупированной территории. Переход военнослужащего на сторону противника всегда рассматривался как тягчайшее преступление, так как изменник мог передать противнику важные сведения об обороне и тем самым нанести ей серьезный ущерб. Утверждение о том, что изменники вроде власовцев являлись борцами с существовавшим сталинским режимом абсурдны. Фактически причинами измены являлись трусость и тяготы службы.

Задачи, поставленные перед сотрудниками УНКВД, по борьбе с такими преступлениями, как шпионаж, измена Родине, паникерство, распространение вражеской пропаганды, способствовали усилению боеспособности и безопасности наших войск. Важное значение в этой работе отводилось быстрому, а

подчас и немедленному реагированию на происходящие события. Начальнику отдела нередко приходилось принимать решения самостоятельно.

Приведем несколько эпизодов из боевой службы А.М. Сахаровского военного периода, о которых позже рассказывали его коллеги.

Левый берег Невы был передним рубежом обороны Ленинграда. Оттуда организовывались выводы групп под Шлиссельбург, в тыл к немцам. Однажды чекисты получили донесение: есть «свободный коридор». Посадили несколько групп на машины, приехали на командный пункт на правом берегу. Ночью переправились через Неву. Решили все-таки уточнить обстановку. Сахаровский, возглавлявший операцию, разыскал командира дивизии НКВД, державшей оборону. Выяснилось — прохода нет. А вскоре начался мощный артиллерийский обстрел наших позиций. Пришлось возвращаться назад уже с ранеными. Свой берег был совсем близко, когда взрывной волной опрокинуло лодку, в которой находился Сахаровский. До берега добирались вплавь под обстрелом в полной темноте... «Эта операция была одной из первых и многому нас научила,— вспоминал Александр Михайлович.—Но отрадно то, что людей спасли, в город вернулись все».

Часто по тревоге весь Первый отдел, а состоял он тогда из 14 человек, выезжал на захват вражеских летчиков, которые выбрасывались с парашютом из подбитых в ленинградском небе фашистских самолетов. Порой часами длились поиск и преследование. Задача ставилась одна — взять летчика живым. И брали... Всю войну ходил Александр Михайлович с немецким пистолетом «Вальтер», доставшимся ему от захваченного фашиста.

Но гитлеровских летчиков нужно было не толью ловить, но и допрашивать, получая от них нужную информацию. Ослепленные паранойей фюрера, фашистские асы в первые месяцы войны вели себя надменно и нагло. Позже в их поведении преобладали уныние и страх.

«Сначала нас интересовали чисто военные данные, — рассказывал Александр Михайлович. — Но постепенно мы поняли, что можно получать и политическую информацию. Первая наша аналитическая справка была составлена на основании допросов группы пленных, среди которых был весьма осведомленный молодой офицер-евангелист, и посвящена она была вопросам идеологической работы национал-социалистов среди немецкого населения в ходе войны. Доложили материал А.А. Жданову. Он предложил направить аналитическую записку в

Москву».

Касаясь работы А.М. Сахаровского в тот период, в характеристике на него, составленной 15 марта 1942 года, в частности, говорилось:

«В период наиболее напряженного положения в Ленинграде лично провел специальную работу по созданию разведывательно-диверсионных групп в городе.

При непосредственном участии тов. Сахаровскош было создано и переправлено в тыл противника более 40 разведывательнодиверсионных групп, нанесших оккупантам значительный ущерб в живой силе и технике. Истреблено свыше 100 немецких солдат и офицеров, взорвано 3 железнодорожных моста на коммуникациях противника, систематически нарушалась связь противника с основными штабами, уничтожались огневые точки и автомашины с боеприпасами и вооружением».

За успешные действия в борьбе с немецкими захватчиками А.М. Сахаровский в 1942 году был награжден орденом «Знак Почета», а в 1943 году—медалью «За оборону Ленинграда». Войну он начал лейтенантом госбезопасности, а закончил подполковником.

Следует подчеркнуть, что ленинградские чекисты активно действовали в боевых условиях. Дома практически не бывали, да и не было у многих уже домов, бомбежки превратили их в развалины. Семьи сотрудников были эвакуированы. Жила в эвакуации в Костромской области на станции Шарья и семья Александра Михайловича: жена Вера Алексеевна, родившийся перед войной сын Валерий, отец, мать. Четыре года войны редкие «треугольники» писем связывали семью. Лишь один раз, в сорок четвергом, А.М. Сахаровский на несколько дней выезжал в Шарью. И не потому, что обстановка в Ленинграде стабилизировалась —пришло печальное известие о смерти матери. Только в 1945 году семья возвратилась домой.

Постепенно война перемещалась все дальше от Ленинграда на Запад, сжимая кольцо вокруг логова врага. 9 мая 1945 года пришла Победа. Истощенные голодом и бессонницей, измученные постоянным напряжением всех сил ленинградцы, как и вся страна, с удвоенным энтузиазмом трудились, восстанавливая разрушенное хозяйство.

Мирный труд... Для ленинградских чекистов это понятие было относительным. В 1945—1946 годах им приходилось принимать участие в проведении масштабных оперативных мероприятий в различных районах страны. А.М. Сахаровский руководил и лично участвовал в операциях по ликвидации

действовавших на территории СССР резидентуры СД противника и группы вражеских разведчиков из «Абверкоманды-204». Многие недели он находился на выездах. Такая работа была сопряжена не только с трудностями, но и с большой опасностью.

Как-то раз, собираясь на несколько месяцев в отъезд, Александр Михайлович уступил просьбе жены и взял семью с собой. Взял, но вскоре был вынужден отправить ее в Ленинград — слишком опасной была обстановка. А Вера Алексеевна и через тридцать лет после этого вспоминала «ужасную стрельбу ночью вблизи от дома, где они расположились, как будто вокруг еще шла война».

В документах УНКВД того времени указывалось:

«При личном участии тов. Сахаровского в 1945—1946 годах в ряде районов Ленинградской области были вскрыты и ликвидированы ряд оставшихся в освобожденных районах резидентур противника, арестована группа лиц из состава курсантов и обслуживающего персонала разведшколы “Абверкоманда-204”. Арестованные обучались в разведшколе, предназначались к выброске на территорию Ленинградской области и использовались для разведки переднего края частей Красной Армии в районе города Штеттина.

За 1945—1946 годы отделом вскрыт и ликвидирован ряд диверсионных групп, а также проведена работа по выявлению и разоблачению немецких резидентур и отдельных разведчиков, предателей и изменников.

Тов. Сахаровский находился в 1945 году в течение 6 месяцев в специальной командировке в составе оперативной группы в Латвии. Под руководством тов. Сахаровского были вскрыты и ликвидированы 2 группы, входившие в состав националистической организации, разоблачены 2 резидентуры, арестовано 5 сотрудников немецких разведывательных органов и ликвидированы 2 вооруженные бандгруппы».

В оперативных документах нет места для лирических отступлений. В них мы не найдем описания того, какие чувства охватывали чекистов в тех или иных ситуациях. Не найдем мы этого подчас и в памяти самих участников событий: с годами новые впечатления, как правило, стирают подробности прошлого. Остается же главное. А в то время главным было ощущение великой Победы. Ленинградские чекисты, как и все советские люди, с уверенностью смотрели вперед, направив свои духовные и физические силы на восстановление народного хозяйства, разрушенных городов и сел. Противники же советского государства продолжали свою тайную войну. По-разному она называлась: «психологической», «информационной», «холодной»,

но суть ее была одна — подрыв основ существовавшего в СССР строя.

Глава 4. ПУТИ СУДЬБЫ НЕИСПОВЕДИМЫ

В 1946 году Александр Михайлович Сахаровский получил назначение в Москву, в центральный аппарат МГБ СССР.

Советские чекисты — контрразведчики и разведчики — продолжали свою, подчас невидимую, войну с теми, кто всячески препятствовал построению социализма в нашей стране и вел беспощадную борьбу с ней за сферы влияния в различных точках земного шара. Александр Сахаровский оказался на переднем крае этой войны.

Холодная война являлась конфликтом двух систем — капиталистической и социалистической, в котором в качестве главных соперников выступали Соединенные Штаты и Советский Союз, при активнейшем участии, с одной стороны, ведущих стран Западной Европы и Японии, с другой — вновь образовавшихся стран Восточной Европы.

Понятие «холодная война» взято средствами массовой информации в 1947 году из выступления американского финансиста Бернарда Баруха в связи с планами президента Трумэна прийти на помощь Греции и Турции. Журналист Уолтер Липпман популяризировал этот термин, поставив его в заголовок серии статей и своей книги «Холодная война. Очерк внешней политики США (1947)». Но еще в 1946 году это определение вошло в лексикон некоторых политиков и политических обозревателей.

На Западе наиболее распространенной является версия о том, что начало холодной войне положили якобы действия Советского Союза в 1945 году, направленные на то, чтобы «советизировать» страны Восточной Европы, используя факт нахождения в них советских войск, а также с помощью местных коммунистических партий подорвать демократические режимы в странах Западной Европы. Действия же Соединенных Штатов и других держав, имевшие целью воспрепятствовать такому обороту дела, были согласно этой версии вынужденными, ответными.

Но в этом случае историки, видимо, не могут не задаться вопросом: а как и почему советские войска оказались в этих странах? Собственные интересы и реализм были важнейшими мотивами, определявшими характер международной политики. Дипломатическая история XIX и XX веков представляет собой цепь инцидентов, конфликтов, военных вмешательств и войн, менявшихся коалиций и союзов, обусловленных столкновением

национальных интересов великих держав.

В известном смысле история холодной войны началась с образования Советского государства. Вначале коммунистического режима не опасались, потому что никто, в том числе и немцы, не думал, что он долго продержится. Даже в 1934 году, когда Советский Союз по предложению Франции был принят в Лигу Наций в качестве полноправного члена, западные страны в гораздо большей степени были заняты последствиями депрессии и приходом к власти Гитлера, чем становлением нового социалистического государства. Но это вовсе не означает, что они не вели тайную, скрытную войну против СССР.

И только в 1945—1946 годах Советский Союз и страны капиталистического мира создали фатальные образы друг друга. Фатальные, потому что они были оторваны от действительности и являли собой смесь стереотипных представлений, параноидных фантазий, основанных главным образом на плохо осмысленном опыте Второй мировой войны, который был взят на вооружение в новой ситуации.

Для многих американцев не было никакого сомнения в том, что Сталин был столь же непредсказуем, как и Гитлер. В создании этого образа большую роль сыграли выступление Черчилля, в котором он говорил о «железном занавесе», и известная телеграмма Джорджа Кеннана.

В речи, произнесенной 5 марта 1946 года в Фултоне (США) в присутствии американского президента, Черчилль заявил, что Советский Союз не ищет войны, но зато стремится к безграничному распространению своего влияния и своей идеологии, и сдержать его может только союз англоговорящих демократических стран. Кеннан, американский поверенный в делах в Москве, считал, что советскому режиму нужно перманентное состояние вражды с Западом, чтобы сохранить диктатуру внутри страны. Запад опасался не военного нападения СССР, а успеха и возможного роста коммунистических партий в Западной Европе. Именно в это время западноевропейские страны и США изменили курс на поддержание отношений с СССР «как с равным» и перешли к политике «с позиции силы».

В период начала холодной войны Александр Михайлович прибыл для продолжения прохождения службы в Москву. Однако перевод Сахаровского в Центр был обусловлен, конечно же, не международными, а внутригосударственными событиями, которые, с одной стороны, возможно, уберегли его от опасности быть подвергнутым репрессии, а с другой —значительно осложнили его пребывание в центральном аппарате внешней разведки.

В годы войны Александр Михайлович тесно соприкасался по службе с начальником Управления госбезопасности по Ленинградской области Петром Николаевичем Кубаткиным. Расскажем о нем подробнее.

Петр Кубаткин родился в 1907 году в Елизаветградской губернии в семье шахтера Кольберовского рудника.

С 1921 по 1927 год работал шахтером, затем занимался комсомольской работой. С 1929 по 1932 год служил в погранвойсках, а с 1932 по 1937 год—в подразделениях госбезопасности Одесской области. В 1937 году окончил Центральную школу НКВД, затем работал старшим оперуполномоченным центрального аппарата НКВД, а в 1939 году был избран секретарем парткома ГУГБ НКВД СССР.

В 1939—1941 годах руководил Управлением госбезопасности по Московской области. С августа 1941 по июнь 1946 года возглавлял Управление госбезопасности по Ленинградской области. Одновременно в 1945 году являлся уполномоченным НКГБ СССР по 2-му Прибалтийскому фронту.

В период работы в Ленинграде и пересеклись судьбы члена Политбюро ЦК ВКП(б) и секретаря Ленинградского обкома партии Андрея Александровича Жданова и Петра Николаевича Кубаткина.

Для Кубаткина совместная работа со Ждановым оказалась весьма полезной. Как член Военного Совета Ленинградского фронта, Жданов был в курсе всех планов боевых операций. Функции органов государственной власти также были переданы Военному Совету. Поэтому Кубаткину приходилось едва ли не каждый день общаться со Ждановым, решая повседневно возникавшие проблемы.

После завершения военных операций, связанных с обороной Ленинграда, Жданов получил новое назначение — секретарем ЦК ВКП(б) по идеологической работе. Кубаткин же продолжал трудиться в Ленинграде. В столицу выезжал частенько как по служебным делам, так и для участия в работе сессий Верховного Совета СССР, депутатом которого он был избран по окончании войны.

После освобождения Павла Михайловича Фитина от должности начальника внешней разведки, которую он возглавлял с мая 1939 по июнь 1946 года, Сталин неожиданно дал добро назначить на эту должность Кубаткина. Возможно, мнение Жданова и его рекомендации сыграли в этом вопросе свою роль.

Повышение по службе не предвещало Петру Николаевичу спокойной жизни. Сотрудники внешней разведки трудились над решением первоочередных задач, поставленных перед ними

Сталиным. А задачи эти были неимоверно важными и крайне сложными: речь шла о содействии советским ученым в создании ядерного оружия.

Следует заметить, что вскоре после войны иллюзии на мирное сотрудничество с союзниками по антигитлеровской коалиции быстро улетучились. Вновь на горизонте обозначились признаки войны, пока что холодной. Имелись определенные трудности и в послевоенном восстановлении народного хозяйства.

В такой обстановке единственную возможность для нормальной деятельности вверенной ему Службы Кубаткин видел в опоре на надежных людей.

Из Ленинградского управления в центральный аппарат внешней разведки был переведен А.М. Сахаровский. Тогда же на работу во внешнюю разведку был направлен А.А. Крохин, который в годы войны был оперативным сотрудником Особого отдела НКВД Ленинградского округа, переведен в ПТУ МТБ СССР начальник отдела УНКГБ по Ленинградской области А.В. Красавин, на учебу в Высшую разведывательную школу МТБ СССР направлены Н.С. Дерябкин и некоторые другие сотрудники Ленинградского управления госбезопасности.

Едва Петр Николаевич начал глубоко вникать в дела разведки, последовал приказ об освобождении его от должности. В анкете, которую позже заполнял Кубаткин, о службе в разведке он написал так: «С 15 июня по 7 сентября 1946 года — начальник Главного управления МГБ СССР».

Существует ряд версий неожиданного освобождения Кубаткина от должности. Одна из них предполагает, что он сам не считал возможным возглавлять столь ответственный участок, поскольку не имел опыта зарубежной работы и не знал иностранных языков. С этой версией трудно согласиться прежде всего потому, что Кубаткин обладал немалым опытом организаторской работы и уже приступил к формированию коллектива высокопрофессиональных разведчиков. Кроме того, военный человек, генерал-лейтенант Кубаткин, награжденный орденами Ленина, Кутузова I и II степени, Трудового Красного Знамени, двумя орденами Красной Звезды не мог спасовать перед трудностями. Военные люди не обсуждают приказы начальников, а выполняют их.

Если даже он и написал рапорт с просьбой освободить его от занимаемой должности, то это должно было быть вызвано совсем другими причинами. Они таились скорее всего в сфере большой политики, поскольку в это время раскручивалось так называемое «ленинградское дело», подробности которого не подлежали

огласке. Сфабрикованные ближайшим окружением Сталина обвинения против «участников этого дела», обвиненных в попытке раскола партии, а также в шпионаже привели к жестокой расправе над ленинградскими руководителями.

Всем осужденным было предъявлено обвинение в том, что, якобы создав антипартийную группу, они проводили вредительскую подрывную работу, направленную на противопоставление Ленинградской партийной организации Центральному Комитету партии, превращение ее в опору для борьбы с партией и ЦК ВКП(б). Жертвами репрессий в связи с «ленинградским делом» стали все руководители областной, городской и районных партийных организаций, почти все советские и государственные деятели, которые после Великой Отечественной войны были выдвинуты из Ленинграда на руководящую работу в центральные партийные и советские аппараты, а также в областные партийные организации. Только в Ленинградской области были освобождены от партийной и советской работы более двух тысяч коммунистов.

Но пока был жив Жданов, Кубаткина не арестовывали. Сначала его направили руководить областным Управлением государственной безопасности в город Горький, а затем — заместителем председателя Саратовского облисполкома. Лишь в июле 1949 года была получена санкция на арест Кубаткина, а 27 октября 1950 года он был расстрелян.

В начале 1954 года по поручению ЦК КПСС Прокуратура СССР произвела ревизию «ленинградского дела» и установила, что оно было от начала и до конца сфальсифицировано. 26 мая 1954 года Петр Николаевич Кубаткин был реабилитирован.

Этот период жизни и службы для Сахаровского был, пожалуй, самым трудным. 30 мая 1947 года Совет Министров СССР принял постановление о создании Комитета информации (КИ) при Совете Министров, на который возлагались задачи политической, военной и научно-технической разведки. В результате разведывательные службы Министерства государственной безопасности и Министерства обороны были слиты воедино. Новый орган возглавил В.М. Молотов, бывший в то время заместителем Председателя Совета Министров СССР и одновременно министром иностранных дел. Его заместителем, который занимался участком внешней разведки, был назначен опытный чекист, в прошлом руководивший работой разведывательных и контрразведывательных подразделений Министерства госбезопасности, П.В. Федотов. Заместителями председателя КИ стали также заместитель министра иностранных дел Я.А. Малик и от министерства обороны Ф.Ф. Кузнецов. Они

представляли в Комитете интересы своих ведомств.

В таком статусе Комитет информации просуществовал до февраля 1949 года, когда после ухода В.М. Молотова с поста министра иностранных дел Комитет был передан под эгиду МИД, а его руководителем стал новый министр иностранных дел А.Я. Вышинский. Руководителем КИ он оставался недолго. В том же 1949 году председателем Комитета был назначен заместитель министра иностранных дел В.А. Зорин. Первым заместителем, ответственным за работу разведки, стал С.Р. Савченко, до этого возглавлявший Министерство госбезопасности Украины. Следует отметить, что уже в январе

1949 года правительство приняло решение вывести из Комитета информации военную разведку. Она была возвращена в Министерство обороны. В ноябре 1951 года было принято решение об объединении внешней разведки и внешней контрразведки под руководством Министерства госбезопасности и создании за границей единых резидентур.

* * *

Начальный период жизни и службы в Москве для Сахаровского оказался, пожалуй, самым трудным и сложным. С июня 1946 по июль 1953 года, до того как начальником внешней разведки стал Александр Семенович Панюшкин, Сахаровский сменил в разведке и контрразведке восемь должностей, в декабре 1948 года ему было присвоено воинское звание полковника МГБ, в 1951 году он был награжден орденом Красной Звезды, приобрел опыт выполнения серьезных спецзаданий за рубежом, в том числе в Финляндии. С мая 1950 по ноябрь 1952 года находился в длительной командировке в Румынии.

В одном из интервью в 1976 году, отвечая на вопросы журналиста о своей работе, он скажет:«.. .было нелегко, особенно в 1950-х годах...» И в эти несколько слов уложатся и трудоемкая работа тех дней, и крайне нервное напряжение в связи с «ленинградским делом», и сложность развития взаимоотношений с Георгиу-Дежем в Румынии.

Следует отметить, что смена власти в послевоенной Румынии имела свои особенности. Король Румынии Михай 23 августа 1944 года неожиданно изменил политические ориентиры. С помощью демократических политиков и коммунистов он арестовал военного диктатора маршала Иона Антонеску, заключил соглашение с Советским Союзом и объявил войну Германии. Румынию оккупировала Красная Армия, и было создано

правительство Национального фронта под руководством буржуазного политика Николае Рэдеску. В этом правительстве коммунисты, которых до войны в Румынии практически не было, заняли несколько важных постов. Рэдеску выступал против коммунистической агитации, и поэтому король Михай был вынужден его заменить на «более гибкого» Петру Гроза. Это произошло 6 марта 1945 года, а в августе 1946 года король попытался сместить Петру Гроза. Однако Гроза отказался уйти в отставку и просто игнорировал решение короля. В декабре 1947 года король Михай был вынужден отречься от престола, коммунисты добились единовластия и была провозглашена Румынская Народная Республика.

В первых числах ноября 1949 года Георге Георгиу-Деж обратился к Сталину с просьбой прислать советников по вопросам госбезопасности. 9 ноября того же года на заседании политбюро ЦК ВКП(б) было решено удовлетворить просьбу румынских товарищей. В Бухарест за подписью Сталина была направлена телеграмма, в которой сообщалось, что «в связи с Вашей просьбой прислать в Румынию работников для оказания помощи в разоблачении агентуры иностранных разведок к Вам будут направлены для этой цели работники МГБ СССР тт. Сахаровский и Патрикеев».

В беседах Сахаровского с руководством Комитета информации при МИД СССР при решении вопроса о его командировании в эту страну шла речь о глубине и масштабах политического и экономического сотрудничества СССР и Румынии, о том, что укрепление позиций демократического правительства страны вызвало ожесточенное сопротивление королевского двора и буржуазно-помещичьих кругов. Большое внимание было уделено позиции Англии и США в вопросе послевоенного устройства Румынии, а также их конкретной деятельности, направленной на ослабление влияния в стране Советского Союза. В частности, Москве было известно, что английская разведка еще с довоенного периода имела в Румынии широкую агентурную сеть и по окончании войны возобновила ее активное использование.

Руководство Комитета информации в беседе с Сахаровским прямо заявляло, что работа в Румынии будет нелегкой. Оформление и вся подготовка к командировке велись в сжатые сроки, поскольку решение о направлении советников принималось лично Сталиным.

Уже тогда было ясно, что аппарат советников при органах безопасности Румынии потребуется расширить, и оформление Сахаровского велось одновременно с подбором советников по

разведке, контрразведке, по линиям экономического, следственного и особого отделов.

Следует отметить, что ускоренное политическое сближение Румынии с Советским Союзом после отречения короля от престола и провозглашения Народной Республики, объединение коммунистической и социал-демократической партий в Румынскую рабочую партию и её превращение, по существу, в единственную правящую партию изменило агентурно-оперативную обстановку в стране.

Все это хорошо понимал Александр Михайлович и с удвоенной энергией искал пути активизации и совершенствования форм и методов работы, изучал исторический опыт деятельности румынских спецслужб. Его подготовленность к работе в Румынии сразу оценили будущие советники, когда он их собрал в начале 1950 года перед направлением в Румынию. Одним из таких советников являлся Михаил Иванович Филимонов.

Из биографии разведчика:

М.И. Филимонов родился 8 ноября 1912 года в селе Ново-Кирсановка Грибановского уезда Воронежской волости.

После окончания школы работал на производстве, был горным мастером. Затем окончил Институт сельскохозяйственного машиностроения и в 1939 году стал слушателем Центральной школы НКВД. С 1 марта 1941 года— начальник отделения в НКВД БССР.

С первых дней Великой Отечественной войны участвовал в разведывательно-диверсионных операциях в тылу врага.

После освобождения Белоруссии от фашистских захватчиков Михаил Иванович с 1944 по 1946 год являлся заместителем начальника УНКГБ по Гомельской области. В 1947 году стал начальником одного из отделов МГБ БССР.

В дальнейшем был переведен в центральный аппарат МГБ СССР, работал во внешней разведке. Выезжал в длительные загранкомандировки, в том числе в Румынию. Работал в центральном аппарате ПГУ КГБ СССР на руководящих должностях. Награжден многими орденами и медалями. В настоящее время полковник Филимонов находится на заслуженном отдыхе.

Автору удалось встретиться и побеседовать с Михаилом Ивановичем Филимоновым. Вот что он рассказал о совещании у А.М. Сахаровского в 1950 году перед отъездом в Румынию и о

своей работе с ним:

«Это была наша первая встреча. До этого мне не приходилось общаться с Александром Михайловичем. Сначала он познакомился с каждым из нас, чтобы определить участок работы, а затем перешел к особенностям нашей деятельности в Румынии. Сахаровский предупредил, что советническая работа значительно отличается от агентурной. Встречи с высокими правительственными чиновниками должны носить полуофициальный характер. Румынские политические деятели должны расценивать контакты с нами как естественную составную часть советско-румынского сотрудничества. Что касается руководителей спецслужб Румынии, то они должны видеть в нас старших и более опытных коллег, встречи с которыми следует использовать не только для взаимной передачи информации, но и для оказания помощи в решении оперативных вопросов.

Александр Михайлович остановился даже на особенностях национального характера румын, образе их мышления и линии поведения в отношениях друг с другом и с иностранцами. Он подчеркнул, что румыны проявляют склонность к национализму, крайне болезненно воспринимают высокомерное, а тем более пренебрежительное отношение к своей нации, своему государству и к себе лично. Они не терпят давления, с какой бы стороны оно ни исходило — от врагов или друзей. При этом следует учитывать, что румын, особенно достигший заметного служебного и общественного положения, — это довольно сложный по своему менталитету человек. Излишне энергичные и настойчивые попытки побудить его к откровенности, вызвать на разговор по душам могут дать обратный эффект и серьезно осложнить дальнейшее развитие отношений.

В заключение беседы .Сахаровский призвал руководствоваться основополагающим правилом: оперативный работник должен хорошо усвоить румынские быт, нравы, традиции и обычаи, национальные особенности, нормы поведения и правила, устоявшиеся формы их проявления, адаптироваться к ним. Важно помнить, что уважительное отношение к партнеру вызывает позитивную реакцию, а следовательно, способствует решению поставленных перед нами задач.

Таким образом, уже на первом инструктаже мы поняли, что с таким руководителем нам будет легче работать, поскольку он стремится поставить перед подчиненными реальные задачи и облегчить их выполнение.

Оформление в командировку было экстренным, поэтому в

первый период мы находились в стране без семей. Жили в отдельном особняке все вместе. Работали по 6 дней в неделю, часто до двух-трех часов ночи. За общим ужином обсуждали проблемы текущего дня, приглашая иногда и румынских товарищей. А потом, когда они уходили, намечали план на следующий день. Каждый из советников докладывал Сахаровскому обстановку на вверенном ему участке и совместно договаривались о работе на перспективу.

Являясь лидером по натуре, Сахаровский заботился и об активном досуге советников: здесь практиковались выезды на рыбалку, охоту, на дачу посольства, посещение памятников культуры и исторических мест, театров и концертов. Может быть, это и не всем нравилось—ведь не каждый любит охоту или рыбалку, но от коллектива не отрывались. На охоте Александр Михайлович сам расставлял советников по номерам, следя за тем, чтобы они случайно не подстрелили друг друга. Надо сказать, что Румыния в то время была сравнительно бедной страной, там действовала карточная система, запрещалось ношение оружия. Недостаток промышленных товаров первой необходимости, а также предметов питания неизбежно вел к невиданной спекуляции ими, стремительному росту цен, к снижению жизненного уровня населения, особенно городского.

Сахаровский понимал, что в условиях существовавшей тогда внутренней и международной обстановки осуществить переход на новые социально-политические рельсы только собственными силами в небольшой стране с полуфеодальными пережитками и предельно слабой и истощенной экономикой прогрессивным силам Румынии практически нереально. Этого можно было добиться только при мощной поддержке Советского Союза. И Александр Михайлович делал все возможное для укрепления доверия спецслужб Румынии к аналогичным службам СССР. Но уже в ноябре 1952 года его отозвали в Москву».

Существуют разные мнения по поводу непродолжительного пребывания Сахаровского в стране как старшего Группы советников. Первая версия строится на том, что он был отозван по просьбе Георгиу-Дежа. Возможно, в этом есть некоторый резон, поскольку Сахаровский быстро завоевывал авторитет в среде руководящих работников и сотрудников спецслужб Румынии, а Георгиу-Деж делал ставку на собственные силы и не хотел терять сугубо партийное и собственное влияние на органы госбезопасности. Высокий профессионализм и хорошие личные отношения между Георгиу-Дежем и Сахаровским играли здесь второстепенную роль.

Вторая версия базируется на внутренних проблемах наших

органов госбезопасности. В 1950 году был расстрелян Кубаткин, который привел группу ленинградских чекистов в центральный аппарат внешней разведки. У власти в тот момент еще находились люди, свершившие «скорый и неправый суд» по «ленинградскому делу». Домоклов меч висел еще над головами бывших ленинградских чекистов, и их присутствие в стране было, видимо, необходимо для возможного «нового» дела, а главное — менялись взгляды на роль советников в странах народной демократии.

Тем не менее оценка работы Сахаровского в Румынии была следующей:

«...Во время спецкомандировки за границу правильно решал поставленные перед ним задачи, умело руководил агентурой по оказанию влияния на общественно-политические круги в нужном СССР направлении. Работая советником МГБ СССР при органах безопасности Румынии, тов. Сахаровский оказал значительную помощь в организации деятельности этих органов. При его участии румынскими органами вскрыт и ликвидирован ряд резидентур американской и английской разведок, а также сионистских и других подпольных организаций, активно действовавших на территории Румынской Народной Республики».

С тяжелой душой возвращался Александр Михайлович в Москву. Совесть-то его была чиста: он добросовестно выполнил свои обязанности, был награжден орденом, ему удалось укрепить авторитет советских спецслужб в руководящих кругах Румынии. Но он знал: чистой была совесть и у Петра Николаевича Кубаткина.

А на дворе стоял ноябрь 1952 года. Только через четыре месяца, 17 марта 1953 года, Сахаровского назначили заместителем начальника Второго главного управления (внешняя разведка) МВД СССР и одновременно начальником его 12-го отдела. В то время (с 11 марта по 28 мая 1953 года) разведку возглавлял Василий Степанович Рясной. Пришедший ему на смену исполняющий обязанности начальника внешней разведки Александр Михайлович Коротков (находился на этой должности менее двух месяцев — с 28 мая по 17 июля) 5 июня 1953 года отправил Сахаровского служить в Первое главное управление (контрразведка) МВД СССР, где его назначили на должность заместителя начальника отдела.

В чем же причины столь крутых поворотов в судьбе А.М. Сахаровского? После смерти Сталина к руководству в МВД пришел Л.П. Берия, который подверг резкой критике деятельность разведки в послевоенные годы и начал энергично заниматься ее перестройкой. По указанию Берии Рясной вызвал в

Москву основных резидентов разведки, чтобы поставить перед ними новые задачи. Особое внимание он уделил руководителям представительств госбезопасности в странах народной демократии. Им даже устроили проверку знания иностранных языков. Берия хотел, чтобы они свободно владели языком страны пребывания и могли беседовать с руководителями секретных служб и лидерами государств без переводчиков. Он считал, что советники не должны вмешиваться во внутренние дела и давать рекомендации в ситуациях, которые возникали в результате внутренней борьбы в правящих кругах того или иного государства.

Вскоре Берия потерял интерес к Рясному. Он больше доверял своему первому заместителю Кобулову, который в то время курировал внешнюю разведку. Оперативными делами разведки руководил кадровый и проверенный в сложных операциях генерал Александр Михайлович Коротков. Но официальным руководителем разведки он так и не стал.

После ареста Берии в июне 1953 года на должность начальника Второго главного (разведывательного) управления назначается Александр Семенович Панюшкин. Это назначение сыграло существенно важную роль в судьбе А.М. Сахаровского.

Биография Панюшкина чем-то напоминает биографию самого Сахаровского. Родился он в городе Самаре в 1905 году в семье рабочего-слесаря. В 15 лет пошел работать, в 17 лет вступил в комсомол. В 19 лет по путевке губкома комсомола его направляют учиться в Ленинградскую кавалерийскую школу РККА, которую он окончил в 1927 году и был определен на службу в пограничные войска ОГПУ на Дальний Восток. В 1935 году поступил учиться в Военную академию РККА имени Фрунзе, которую окончил в 1938 году. Затем работал в центральном аппарате НКВД. За успешную работу был награжден знаком «Почетный чекист».

В июле 1939 году Панюшкина командируют в Китай в качестве уполномоченного Совета Народных Комиссаров СССР по реализации торгового соглашения с этой страной. В том же месяце он назначается Чрезвычайным и Полномочным Послом СССР в Китае и работает в этой должности до осени 1944 года. Одновременно является там же главным резидентом НКВД. По возвращении в Москву становится первым заместителем заведующего отделом международной информации ЦК ВКП(б). После создания единого разведывательного аппарата — Комитета информации при Совете Министров СССР, Панюшкин возвратился на руководящую работу во внешнюю разведку. Здесь и пересеклись пути Александра Семеновича и Александра

Михайловича.

Служба в пограничных войсках приучила Панюшкина к воинской дисциплине, собранности, требовательности. По работе в Китае он характеризовался как самоотверженный, целеустремленный и деятельный работник, тонкий дипломат, хороший организатор и умелый руководитель, чуткий и внимательный товарищ.

Все эти качества он сумел разглядеть и в Сахаровском во время их совместной работы. Политическая информация Сахаровского, трудившегося тогда в Финляндии, докладывалась Панюшкиным Молотову. После возвращения Сахаровского из командировки они вместе готовили для доклада Молотову некоторые информационные материалы.

Панюшкин требовал от подчиненных тщательности в работе над информационными документами. Лаконизм, четкость формулировок, максимальная достоверность фактов, ясность и краткость выводов — вот что ценил в документах Панюшкин и что находил он в материалах, подготовленных Сахаровским. Ему нравилось, что Александр Михайлович тщательно взвешивал каждый вывод, каждую рекомендацию, не нагромождал текст мелкими частностями, деталями, а главное внимание концентрировал на ключевых проблемах, острых ситуациях.

Позднее, когда А.С. Панюшкин возглавил внешнюю разведку, его стиль руководства оказал благотворное влияние на организацию работы ПГУ.

Узнав после своего назначения начальником внешней разведки о том, что Сахаровский переведен прежним руководством МВД в контрразведку, Панюшкин добился восстановления его в должности заместителя начальника ПГУ.

«Мне довелось работать вместе с А.С. Панюшкиным три года, — вспоминал Александр Михайлович. — Это был обаятельный человек, опытный руководитель, прошедший большую школу партийно-политической работы. Как политический работник он хорошо знал, какая информация нужна директивным органам. При Александре Семеновиче мы начали перестройку информационной работы, у нас укрепились хорошие деловые и товарищеские отношения в коллективе внешней разведки. Все это положительно влияло на повышение результативности в работе».

23 июня 1955 года Александра Семеновича Панюшкина назначили председателем комиссии ЦК КПСС по выездам за границу, а Александра Михайловича Сахаровского — первым заместителем начальника ПГУ КГБ при СМ СССР и одновременно исполняющим обязанности руководителя внешней разведки. Девять с половиной месяцев исполнял А.М. Сахаровский

обязанности начальника ПГУ (очевидно, искали более подходящую кандидатуру) и только 12 мая 1956 года его назначили на должность начальника внешней разведки.

Глава 5. НАЧАЛЬНИК ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ РАЗВЕДКИ

Гениальный Вильям Шекспир сказал: «Весь мир—театр и все мы в нем — актеры». Но есть актеры с большой буквы, которые на сцене превратили «комедианство» в искусство, и есть великие актеры в жизни, которые с блеском играли роль, отведенную им судьбой или стечением обстоятельств.

Перефразируя Шекспира, можно сказать: «Вся жизнь — борьба, и все мы в ней — разведчики». Ну как здесь не вспомнить известный закон единства и борьбы противоположностей или высказывание В.Г. Белинского, что «.. .борьба есть условие жизни: жизнь умирает, когда оканчивается борьба».

«Разведка была всегда...» Эта расхожая фраза переходит из одного литературного произведения в другое, и читатели чаще всего не задумываются над тем, в каком значении она используется.

Под термином «разведка» в широком смысле понимаются, с одной стороны, деятельность человека или группы лиц по добыванию интересующих их скрытных, тайных, секретных сведений, а с другой — организационная структура, силы и средства для осуществления этой деятельности.

Установить точную дату, когда начали осуществляться разведывательные операции в целях получения политической, военной и другой секретной информации, конечно, невозможно. Более того, известный историк и философ Л.П. Красавин в своей работе «Философия истории» писал, что «исторический метод не применим не только в математике и физике, но и в геологии и в естествознании вообще: не применим везде, где остается неопределенной пространственно-временная разъединенность». Поэтому не применим он и к разведывательной деятельности. Можно считать, что такая деятельность в ее первоначальном примитивном виде велась практически всегда и в данном случае выражение «разведка была всегда» правомочно.

Другое дело, когда речь идет об организации, занимающейся ведением разведки. Здесь дата ее образования, казалось бы, должна быть вполне конкретной.

В то же время деятельность любой разведывательной организации всегда велась и ведется конспиративно. Основой ее успешной работы является обеспечение максимальной секретности проводимых операций. Так что воссоздать подлинную картину искусно замалчиваемых событий — дело

достаточно сложное. Проходят многие десятилетия, прежде чем отдельные из них рассекречиваются и становятся известны широкой общественности. Более того, создать разведывательную организацию еще не значит официально признать ее существование.

Многие государства на всех этапах своего развития имели разведывательные структуры в различных дипломатических, внешнеторговых, военных, финансовых и иных ведомствах, но официально, де-юре, не признавали их.

Считается, что первой внешнеполитическую разведку, которая являлась частью государственного аппарата, финансировалась из госбюджета, предназначалась для тайного познания, разведывания секретов других стран и защиты собственных, действовала как в военное, так и в мирное время, признала Великобритания в 1909 году.

После этого подобные спецслужбы создали: Германия — в 1913 году, Франция — в 1935 году, США — в 1947 году. В настоящее время даже самое бедное государство не чувствует себя достигшим полного национального суверенитета до тех пор, пока не создаст свою внешнюю разведку.

Таким образом, только в начале XX века внешняя разведка стала официально признаваться необходимым государственным механизмом, способствующим решению целого ряда важнейших внешнеполитических задач. В современном мире ни одно из государств не ведет речи об отказе от разведки, которая является одним из инструментов государственной политики.

Советская власть с первых своих шагов вынуждена была отражать удары внешних и внутренних врагов, отстаивать независимость и территориальную целостность, по существу, нового государства, выводить его из изоляции. Для защиты национальных интересов наряду с другими государственными органами необходимы были спецслужбы. В соответствии с Декретом Совета Народных Комиссаров (СНК) 20 декабря 1917 года была образована Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем (ВЧК).

Зарождение внешней разведки относится к концу 1918 года, когда органы ВЧК вели острую, напряженную борьбу с многочисленными врагами Советского государства. На базе армейских чрезвычайных комиссий и органов военного контроля был создан Особый отдел ВЧК, на который наряду с задачами по борьбе против контрреволюции и шпионажа в армии и на флоте возлагалась организация агентурной работы за границей и в оккупированных иностранными державами или занятых белогвардейцами областях молодой республики.

Огромную опасность для советской власти представляли тайные контрреволюционные организации внутри страны и за рубежом, большая часть которых была связана с иностранными разведками, опиралась на их помощь и поддержку.

Взаимосвязь между внутренней и внешней угрозами потребовала возложения на ВЧК также разведывательных и контрразведывательных функций. Из-за своеобразия сложившихся исторических условий разведка оказалась в рамках силовых, репрессивных структур.

В целях укрепления руководства разведывательной работой в апреле 1920 года внутри Особого отдела ВЧК создается специальное подразделение—Иностранный отдел. При особых отделах фронтов, армий, флотов и в некоторых губерниях формируются иностранные отделения.

Таким образом, первоначально внешняя разведка Советской России зародилась в недрах Особого отдела ВЧК, еще не получив самостоятельного статуса и оставаясь внутри структур армейской контрразведки.

Война с Польшей в начале 1920 года, сложный комплекс взаимоотношений с Эстонией, Латвией, Литвой и Финляндией со всей остротой поставили вопрос о необходимости более полного и качественного обеспечения руководства страны разведывательной информацией.

В сентябре 1920 года Политбюро ЦК РКП(б) приняло решение о кардинальной реорганизации внешней разведки. В нем, в частности, говорилось: «Учитывая ту сложившуюся международную обстановку, в которой мы находимся, необходимо поставить вопрос о нашей разведке на надлежащую высоту. Только серьезная, правильно поставленная разведка спасет нас от случайных ходов вслепую».

В соответствии с этим решением Председатель ВЧК Ф.Э. Дзержинский 20 декабря 1920 года издал приказ № 169 об организации Иностранного отдела ВЧК (ИНО) как самостоятельного разведывательного подразделения. Этот приказ явился административно-правовым актом, оформившим создание советской внешней разведки, правопреемницей которой является действующая ныне Служба внешней разведки Российской Федерации.

Исторически сложилось так, что создание самостоятельной внешнеполитической разведки пришлось на период становления советской власти, и ее история органически связана со всеми этапами развития Советского государства.

Начальники разведки... За годы существования советской внешней разведки этот высокий и ответственный пост занимали

более 25 человек. Созданный 20 декабря 1920 года Иностранный отдел ВЧК возглавил профессиональный революционер и дипломат Яков Христофорович Давыдов (Давтян). В 1930-х годах у руководства внешней разведкой стоял видный политический и военный деятель, один из организаторов советской контрразведки Артур Христианович Артузов (Фраучи). В годы военного лихолетья внешней разведкой руководил Павел Михайлович Фитин, самый молодой из ее начальников, назначенный на этот пост в 31 год. Последним Директором Центральной службы разведки СССР с 22 октября по 18 декабря 1991 года был академик Евгений Максимович Примаков...

Некоторые из начальников разведки возглавляли ее лишь несколько месяцев, другие — несколько лет. Но всех их объединяло то, что это были яркие личности с обостренным чувством долга и преданности делу, талантливые организаторы и руководители, самоотверженные люди.

В своих мемуарах ветеран разведки генерал-лейтенант В.А. Кирпиченко писал: «Начальник разведки должен быть в курсе всех более или менее значительных событий, происходящих в мире, и даже предвидеть эти события, чувствовать различные тенденции, давать им оценку и в необходимых случаях предлагать возможные решения возникающих политических проблем. Работа в качестве начальника разведки практически не оставляет времени для личной жизни, как бы ни были высоки организаторские таланты того или иного руководителя».

Но все ли начальники внешнеполитической разведки должны сами быть великими разведчиками?

Опыт работы многих разведчиков, особенно разведчиков-нелегалов, их высокий профессионализм, умение осуществлять поиск источников, привлекать их к активному сотрудничеству, грамотно и порой деликатно, мужественно и неординарно действовать в сложных и чрезвычайных условиях, а в конечном итоге успешно решать разведывательные задачи — все это позволяет утверждать, что в агентурной разведке может и должно найти свое место такое понятие, как разведывательное искусство. Разве не владели этим искусством такие всемирно известные разведчики, как Ким Филби, Вильям Фишер (Рудольф Абель), Рихард Зорге, Николай Кузнецов и многие другие?

Что составляет основу разведывательного искусства? Для человека, занимающегося разведывательной деятельностью, это— широкая эрудиция, знание иностранных языков, умение контактировать и работать с людьми различных профессий и положения в обществе, строгое соблюдение требований конспирации, личное обаяние, владение логикой и определенным

внушением. Занимая порой невысокие должности по легенде, разведчики лично или через других лиц выходили на видных политиков, крупных бизнесменов, известных ученых. Как следствие—отличный результат: добываемые ими материалы способствовали защите интересов страны, помогали быстрее совершенствовать отечественные разработки в науке и технике, решали целый ряд других государственных задач.

И начальник разведки обязан помогать им в решении этих задач. Но самому ему мало быть просто хорошим разведчиком. Он должен понимать, что внешняя разведка—это внешнеполитический аппарат в структуре власти. Она оперативно обеспечивает выполнение государственной политики специальными средствами. Главная ее задача — стоять на страже государственных интересов, и выполнять ее может только сильная и высококвалифицированная организация, беззаветно преданная своему делу, своему народу, своему Отечеству.

Такую организацию и создавал ее двадцатый по счету руководитель Александр Михайлович Сахаровский.

Для того чтобы понять и правильно оценить его вклад в деятельность внешней разведки советских органов государственной безопасности, необходимо вспомнить, в какой политической и оперативной обстановке тогда действовала наша разведка, какие задачи и проблемы ей приходилось решать.

Прежде всего следует иметь в виду, что в тот период главные империалистические державы во главе с США на поднятой ими волне антисоветизма и антикоммунизма развязали холодную войну против Советского Союза и стран народной демократии, одновременно осуществляя меры по подготовке вооруженного нападения на нашу страну. В этой связи они окружили СССР целой системой антисоветских агрессивных военно-политических блоков: НАТО, СЕНТО, СЕАТО.

В этих условиях особое значение приобретало своевременное вскрытие агрессивных военно-политических и подрывных планов наших противников, объективное информирование о них высших партийных и государственных инстанций Советского Союза.

Между тем разведка КГБ еще не в полной мере оправилась от того урона, который был нанесен антипартийным руководством МВД в лице Берии. Достаточно сказать, что в то время она не имела агентурных позиций в аппаратах НАТО и других агрессивных блоков, а также во внешнеполитических и подрывных органах ряда империалистических государств.

В то же время под воздействием холодной войны резко осложнилась оперативная обстановка в основных капиталистических странах, в которых Первое главное

управление вело разведывательную работу.

Потребовались время, большие усилия всего оперативного состава разведки и настойчивость в достижении поставленной цели для того, чтобы нужные позиции в НАТО и других важных объектах противника были созданы и налажено систематическое поступление разведывательной информации, имеющей важное значение для обеспечения обороны и безопасности нашей страны.

Наличие информации о военно-политических и подрывных планах НАТО и других агрессивных блоков, а также некоторых ведущих капиталистических стран позволило нашей разведке осуществить ряд активных мероприятий, содействовавших разоблачению на Ближнем Востоке израильской агрессии против арабских государств в 1956 и в 1967 годах.

Не менее серьезные задачи решала разведка в связи с контрреволюционным выступлением в Венгрии, с подготовленной и осуществленной США интервенцией кубинской реакционной эмиграции на Кубу, а также в период Карибского кризиса, спровоцированного правительством США с целью вторжения на Кубу американских вооруженных сил.

В это время особенно большая ответственность за решение разведывательных задач ложилась на начальника Первого главного управления, и следует отметить, что А.М. Сахаровский в самые ответственные периоды своей деятельности на этом посту проявил себя как способный руководитель и хороший организатор. Он всегда умел отделять главное от второстепенного, действовать целеустремленно, твердо и настойчиво проводить намеченную линию в жизнь. При оценке политической и оперативной обстановки и крупных событий он стремился видеть перспективу их развития, проблемы и задачи, вытекающие из них для разведки.

Анализ и оценка перспектив деятельности разведки, а также расширение ее задач по линиям научно-технической разведки и внешней контрразведки привели руководство ПГУ к выводу о необходимости дальнейшей специализации кадров разведчиков и централизации руководства их работой на основных направлениях деятельности разведки. В связи с этим по инициативе руководства ПГУ и, в частности, А.М. Сахаровского, были приняты решения о создании Управления научно-технической разведки, о реформировании подразделения внешней контрразведки и ряда других подразделений Службы, а также о преобразовании Высшей разведывательной школы в Краснознаменный институт КГБ.

Жизнь подтвердила своевременность и целесообразность этих организационных и кадровых мероприятий. В последующем они

нашли дальнейшее развитие и были дополнены новыми важными шагами, направленными на совершенствование оперативной и информационной деятельности Первого главного управления и зарубежных аппаратов разведки.

Известно, что даже в самые трудные моменты для деятельности разведки, а таких моментов в силу специфики разведывательной работы бывает немало, Александр Михайлович Сахаровский проявлял выдержку и хладнокровие, не уклонялся от ответственности, умел сохранять нормальную рабочую обстановку, глубоко и трезво анализировал положение, изыскивая оптимальные пути преодоления трудностей. При этом он никогда не поступался принципиальным подходом и долгосрочными целями в угоду сиюминутным преимуществам.

Ценным качеством Сахаровского была его способность подбирать и правильно расставлять кадры разведчиков и руководителей с учетом их деловых и личных качеств, умение заинтересовать людей работой.

На кого же опирался в своей деятельности Александр Михайлович? Прежде всего, на руководителей подразделений.

Многолетний первый заместитель Сахаровского — Федор Константинович Мортин был человеком совсем иного склада. Он был моложе Александра Михайловича почти на девять лет, окончил Арзамасский государственный учительский институт, был директором районной средней школы, заведующим орготделом районного комитета партии. С июля 1942 года — на различных должностях в политотделах действующей армии, с августа 1945 года — слушатель Военнодипломатической академии Красной Армии, затем выезжал в длительную загранкомандировку, находился на ответственной работе в аппарате ЦК КПСС.

В октябре 1954 года Мортин был переведен на работу в органы государственной безопасности — на должность заместителя начальника внешней разведки. В отличие от Сахаровского он много ездил за рубеж, был более динамичен и даже более демократичен. Начинал свою деятельность с освоения ближневосточных проблем. Одну из своих первых командировок совершил по арабским странам, поскольку процессы, начавшиеся на Ближнем Востоке, и, в частности, намечавшийся в Египте поворот в сторону Советского Союза, требовали с нашей стороны более пристального внимания и корректировки внешней политики в сторону ее активизации в странах этого региона.

Считается, что наибольший вклад Мортин внес в развитие и укрепление научно-технической разведки (НТР), своевременно поняв перспективность этого направления деятельности. Но

справделивости ради следует сказать, что исключительная по значимости роль в этом принадлежит еще одному человеку — Леониду Романовичу Квасникову.

Наша справка:

Жизненный путь Леонида Романовича Квасникова начинался так, что он мог стать педагогом, ученым, крупным инженером в промышленности. Но ему суждено было иное — сыграть исключительную роль в истории становления и развития научно-технического направления деятельности внешней разведки Советского Союза, руководить разведчиками, которые добыли для нашей страны сверхсекретные материалы по американской атомной программе. И слова И.В. Курчатова о том, что «советская разведка оказала неоценимую помощь при создании советского ядерного оружия» можно отнести непосредственно к Леониду Романовичу.

Родился Леонид Квасников 2 июня 1905 года в семье железнодорожника, которая в то время жила на небольшой станции Узловая Тульской губернии.

Трудовую деятельность начал с 17 лет чернорабочим на строительстве моста Сызранско-Вяземской железной дороги в Пензе. После окончания в 1926 году Тульского железнодорожного техникума работал помощником машиниста паровоза, затем — с 1928 года — техником-чертежником. В 1929 году стал машинистом паровоза на Московско-Курской железной дороге.

В 1930 году Леонид Квасников поступил на механический факультет Московского института химического машиностроения. Окончил его с отличием в 1934 году. Год работал инженером на Чернореченском химическом комбинате в городе Дзержинске Горьковской области. Затем учился в аспирантуре МИХМ. В 1938 году, будучи аспирантом, принимал участие в работе специальной комиссии Наркомата оборонной промышленности СССР по обследованию заводов, выпускавших боеприпасы. Внес несколько рационализаторских предложений по автоматизации операций при снаряжении артиллерийских снарядов, которые были внедрены в производство.

В сентябре 1938 года Леонид Квасников был направлен по партийной линии на работу в органы государственной безопасности. Учился в Школе особого назначения (ШОН), готовившей кадры для внешней разведки. По окончании ШОН некоторое время работал в американском отделении 5-го отдела ГУГБ НКВД. Затем был назначен старшим оперуполномоченным

отделения научно-технической разведки (НТР).

В 1939—1940 годах Квасников входил в состав Советско-германской контрольно-пропускной комиссии. Неоднократно выезжал по линии этой комиссии в командировки в Германию и в немецкую зону оккупации бывшей Польши для выполнения разведывательных задач.

В феврале 1941 года Л.Р. Квасников назначается начальником отделения научно-технической разведки.

По роду своей деятельности Квасников не порывал связей с наукой и внимательно следил за появлением новых научных достижений. Не прошел он мимо и открытия в 1939 году цепной реакции деления атомов урана-235, ведущей к созданию атомного взрывчатого вещества и оружия с его использованием. В этот же период он обратил внимание на тот факт, что со страниц американских научных журналов полностью исчезли имена видных ученых и какие-либо упоминания об их работах в области ядерной физики и атомной энергии. Появились и другие настораживающие моменты. В частности, внешней разведке органов госбезопасности СССР стало известно, что в Германии ведутся работы по созданию «сверхбомбы» с использованием энергии деления атомов.

Незадолго до вероломного нападения гитлеровской Германии на СССР Леонид Квасников становится инициатором направления в ряд резидентур внешней разведки, в том числе в Лондон, Нью-Йорк, Берлин, Стокгольм и Токио, письма-ориентировки, предусматривающего проникновение в ведущие центры ядерных исследований и добычу информации о работах крупнейших физиков-атомщиков. Одновременно в документе содержалось указание приступить к получению сведений о возможных работах на Западе по созданию атомного оружия.

Проблема эта была новой, неизвестной для советских разведчиков, работавших за рубежом. Однако первые же результаты подтвердили: Квасников дал очень точную ориентировку. Уже в сентябре 1941 года лондонская резидентура НКВД, которую возглавлял в то время Анатолий Горский, сообщила, что идея создания «урановой бомбы» приобретает в Англии реальные очертания. От одного из ее агентов—Джона Кернкросса («Лист»), входившего в ставшую в дальнейшем знаменитой «Кембриджскую пятерку» советских разведчиков, поступили документальные данные о том, что английское правительство серьезно прорабатывает вопрос о создании бомбы большой разрушительной силы.

Эти сведения содержались в докладе Уранового комитета от 16 сентября 1941 года, предназначенном британскому премьер-

министру У. Черчиллю. В документе говорилось о начале работ по созданию в Великобритании и США атомной бомбы, о ее предполагаемой конструкции и о перенесении в США центра тяжести исследований и производства в связи с военной обстановкой в Европе. В докладе были также высказаны рекомендации Объединенного комитета начальников штабов (британского генштаба) о необходимости создания урановой бомбы в течение ближайших двух лет.

Следует подчеркнуть, что сведения, полученные «Листом», в дальнейшем сыграли важную роль в том, что Москва в конечном итоге озаботилась проблемой создания атомного оружия.

В конце 1941 года из Лондона поступила информация о том, что США и Великобритания приняли решение координировать свои усилия в работе по атомной энергии. Позднее была получена информация о том, что 20 июня 1942 года, во время переговоров в Вашингтоне, Черчилль и Рузвельт договорились строить атомные объекты в США, поскольку Англия подвергалась постоянным воздушным бомбардировкам германской авиации.

В конце 1942 года руководство разведки принимает решение о направлении Леонида Квасникова в командировку в США. Ему поручается наладить добывание информации об атомном оружии. Одновременно Квасников должен был возглавить резидентуру научно-технической разведки в Нью-Йорке. В середине января 1943 года он выехал к новому месту работы.

Под руководством Квасникова была добыта важнейшая научная и военно-техническая информация, в частности, материалы по использованию атомной энергии в военных целях. И когда 16 июля 1945 года близ Аламагордо (штат Нью-Мехико) был произведен первый ядерный взрыв — это событие не застало врасплох советское правительство.

В конце 1945 года завершилась командировка Л.Р. Квасникова в США. Возвратившись в Москву в декабре 1945 года, Квасников продолжил работу в центральном аппарате разведки. С 1948 по 1963 год он являлся бессменным руководителем отдела научно-технической разведки, который впоследствии был преобразован в управление. В 1964—1966 годах работал старшим консультантом при начальнике ЛГУ по научно-технической разведке. В декабре 1966 года вышел на пенсию.

За достижение высоких разведывательных результатов почетный сотрудник госбезопасности полковник Квасников был награжден орденом Ленина, двумя орденами Красного Знамени, орденами Отечественной войны 1-й и 2-й степени, двумя орденами Красной Звезды, многими медалями, а также нагрудным знаком «За службу в разведке».

Скончался Леонид Романович 15 октября 1993 года.

За успешное выполнение специальных заданий по обеспечению государственной безопасности в условиях, сопряженных с риском для жизни, проявленные при этом героизм и мужество Указом Президента Российской Федерации от 15 июня 1996 года Л.Р. Квасникову было посмертно присвоено звание Героя России.

Итак, с 1948 по 1963 год Л.Р. Квасников являлся бессменным начальником отдела НТР. В 1955 году он подготовил и направил в ЦК КПСС обстоятельную записку, в которой убедительно обосновал необходимость совершенствования структуры НТР. Была создана авторитетная комиссия, рассмотревшая этот вопрос. В 1956 году Политбюро ЦК КПСС приняло решение, направленное на укрепление центрального и заграничного аппаратов НТР, улучшение форм и методов ее работы.

Под непосредственным руководством Сахаровского Мортин и Квасников четко определили и сформулировали задачи, стоявшие перед научно-технической разведкой, и добились серьезных успехов в их решении.

К заслугам Мортина по справедливости относят также его личную инициативу относительно преобразования разведшколы № 101 в современный институт. Но и здесь он чувствовал всемерную поддержку начальника разведки. Активным помощником Мортина в данном вопросе был и Арсений Васильевич Тишков, который в 1954 году был назначен заместителем, а с 1960 по 1967 год являлся начальником школы № 101.

До назначения на работу в учебное заведение Арсений Васильевич неоднократно выезжал в долгосрочные загранкомандировки, возглавлял «легальные» резидентуры, имел дипломатический ранг Чрезвычайного и Полномочного Посла Советского Союза, несколько лет руководил нелегальной разведкой. В 1965 году Тишкову было присвоено воинское звание генерал-майор.

Под руководством Александра Михайловича Сахаровского в начальный период холодной войны активно пересматривались и другие направления деятельности внешнеполитической разведки. Так, время диктовало необходимость обратить особое внимание на акции содействия внешней политике СССР. В то время эти акции обозначались термином «активные мероприятия» и сюда включались не только мероприятия по содействию, но и по срыву антисоветских планов и намерений стран Запада, о которых разведка добывала сведения.

До 1959 года процесс практической реализации

разведдеятельности в сфере активных мероприятий шел медленно.

В 1959 году по инициативе Сахаровского в рамках ПГУ было создано специальное подразделение, которое должно было играть роль организатора и координатора всей работы внешней разведки в области разработки и реализации активных мероприятий. Руководителем отдела был назначен Иван Иванович Агаянц. Его разведывательная биография была тесно переплетена с политическими и дипломатическими событиями мирового масштаба.

Наша справка:

В истории советской внешней разведки было немало страниц, которыми могла бы гордиться любая держава. А на этих страницах блистали имена славных сынов своей страны, верных долгу и чести. Одним из таких людей был Иван Иванович Агаянц.

Ему было суждено сыграть заметную роль в деятельности внешней разведки Советского Союза, службе в которой он посвятил более 30 лет. Коллеги по работе, товарищи отзывались о нем как об энергичном, смелом, инициативном, одаренном и исполнительном человеке. Он с охотой брался за любое дело и выполнял его неизменно с положительным результатом. Оперативные сотрудники чувствовали уверенность в успехе любой, даже самой серьезной операции, если рядом находился Агаянц.

Иван Иванович Агаянц родился 28 августа 1911 года в азербайджанском городе Гянджа (до недавнего времени — Кировабад) в семье счетовода, армянина по национальности. Его отец позднее стал сельским учителем и священником (в 1924 году он отрекся от духовного сана).

Детские и школьные годы Ивана неотделимы от тех бурных революционных событий, которые происходили в стране и в его родном городе. Так случилось, что он воспитывался сестрой — врачом по профессии. В ее доме он приобщался к истокам культуры, знаниям в самых различных областях, к изучению иностранных языков. Одновременно ему импонировали взгляды и убеждения двух старших братьев, которые, безоговорочно и с энтузиазмом приняв советскую власть, активно участвовали в политической жизни послереволюционного Закавказья и со временем стали работать в органах ВЧК—ОГПУ. Это впоследствии определило и выбор самого Ивана. После окончания экономического техникума он сменил ряд профессий

на производстве, находился на комсомольской и партийной работе.

В 1930 году Иван Агаянц вслед за старшими братьями переезжает из Гянджи в Москву и поступает на работу в Экономическое управление ОГПУ. Через некоторое время молодые сотрудники ОГПУ выдвигают его на выборную должность — в течение нескольких лет Иван Агаянц руководит деятельностью их комсомольской организации.

Напряженная работа не стала помехой для совершенствования и приобретения знаний в области исторических и юридических наук, литературы и искусства. Благодаря исключительной способности к изучению иностранных языков, Иван Агаянц свободно владел французским, персидским, турецким и испанским языками, достаточно хорошо знал английский и итальянский.

В 1936 году энергичного молодого сотрудника переводят в аппарат внешней разведки, а уже в 1937 году направляют на оперативную работу во Францию. В парижской резидентуре он находился сначала под прикрытием сотрудника Торгпредства, а затем — заведующего консульским отделом Посольства СССР.

По возвращении в Москву в конце 1939 года после успешной отработанной командировки Агаянц становится начальником отделения, а вскоре — заместителем начальника одного из подразделений 5-го (разведывательного) отдела ГУГБ НКВД СССР (внешней разведки).

В начале 1940 года И.И. Агаянц направляется резидентом в Иран. Обстановка в этой стране в то время была сложной. Благодаря умелой, всесторонне продуманной организации широкого комплекса разведывательных мероприятий, большой личный вклад в которую внес Агаянц, резидентура успешно справилась со стоявшими перед ней задачами. Агаянц лично участвовал в проведении разведывательных операций, связанных порой с риском для жизни, проявлял незаурядные способности в вербовочной работе. В документах того времени, в частности, говорилось: «Важная оперативная разведывательная информация, получаемая советскими разведчиками в Иране, сыграла существенную роль при принятии военным командованием и руководством страны тех или иных политических и военно-стратегических решений».

Сложная и ответственная работа выпала Агаянцу и его сотрудникам накануне и в ходе Тегеранской конференции руководителей трех союзнических государств, состоявшейся в конце 1943 года. Советской разведке во главе с её главным резидентом в Иране удалось переиграть Отто Скорцени,

готовившего покушение на лидеров СССР, США и Великобритании, и разрушить замыслы террористов.

После Ирана, в 1946 году, Иван Иванович вновь выезжал в Париж, теперь уже в качестве резидента. Однако по состоянию здоровья командировка не была продолжительной (дал себя знать хронический туберкулез, которым этот энергичный и жизнестойкий человек страдал с середины тридцатых годов).

В то время в Париже проходила вторая сессия Совета министров иностранных дел СССР, США, Великобритании и Франции, готовившая проекты договоров для предстоящей Мирной конференции. Ивану Ивановичу пришлось организовывать работу по оказанию помощи советской делегации, которую возглавляли В.М. Молотов и А.Я. Вышинский.

Парижская резидентура под руководством Агаянца активизировала работу: был расширен круг источников за счет хорошо осведомленных людей, приобретены новые ценные агенты и доверительные связи. Сотрудникам резидентуры удалось добыть секретный вариант плана Маршалла, который дал возможность советской делегации строить свою работу с учетом политических целей США в Европе.

Только этих результатов, достигнутых за год работы Агаянца во главе резидентуры, хватило бы для того, чтобы оценить его как крупного разведчика, внесшего большой вклад в укрепление позиций СССР на международной арене.

С 1948 года Агаянц работал на руководящих должностях в центральном аппарате внешней разведки — начальником Управления Комитета информации, начальником кафедры Высшей разведывательной школы. В 1959 году возглавил Службу активных мероприятий. В середине 1960-х годов газета «Нью-Йорк геральд трибюн» сообщала, что ЦРУ направило в Конгресс США доклад, в котором, в частности, указывалось, что «осуществлению многих оперативных мероприятий американских спецслужб активно мешает деятельность управления советской внешней разведки, возглавляемого генералом Агаянцем». В 1967 году И.И. Агаянц был назначен заместителем начальника Первого главного управления КГБ при СМ СССР (внешняя разведка).

За успехи в разведывательной деятельности генерал-майор Агаянц был награжден орденами Ленина, Красного Знамени, Трудового Красного Знамени, Отечественной войны 2-й степени, двумя орденами Красной Звезды, многими медалями, а также нагрудными знаками «Заслуженный работник НКВД» и «Почетный сотрудник госбезопасности». 12 мая 1968 года Ивана Ивановича Агаянца не стало.

В некрологе для сотрудников внешней разведки,

подписанном А.М. Сахаровским, говорилось: «На всех участках работы почетный сотрудник госбезопасности генерал-майор Агаянц проявил себя талантливым и энергичным организатором, умным и вдумчивым человеком, обаятельным другом и товарищем... Его деятельность на практической агентурно-оперативной работе за рубежом была чрезвычайно продуктивной. Достаточно сказать, что в период командировки он лично завербовал несколько ценных агентов, которые по настоящее время являются источниками получения важной документальной информации... Несомненен и очевиден также личный вклад И.И. Агаянца в разработку и осуществление крупных комплексных активных мероприятий, нанесших видимый и зримый ущерб противнику».

Любая историческая эпоха, содержание которой характеризуется острым противоборством в обществе, всегда порождала и выдающихся руководителей, и выдающихся работников-исполнителей, чьим трудом и чрезмерными усилиями, потом и кровью осуществлялись передовые идеи того времени.

Сахаровский, родившийся в 1909 году, и Агаянц, родившийся в 1911 году, принадлежат к представителям того поколения советских людей, чьи молодые годы пришлись на период активного строительства нового государства, а зрелость — на восстановление его экономики после разрушительной войны. Их поколение впитало от своих предшественников романтическое стремление к новой жизни и неуемную энергию в борьбе за эту жизнь как на мирном трудовом фронте, так и с оружием в руках, если в этом возникала необходимость.

Их пути сошлись в сентябре 1947 года, когда Иван Иванович вернулся из Парижа в Москву и возглавил одно из управлений Комитета информации при СМ СССР, как тогда называлась разведка. К тому времени за плечами Агаянца был уже семнадцатилетний опыт работы в органах государственной безопасности и внешней разведки.

Сахаровский в то время занимал должность начальника 2-го отдела в управлении, которое возглавил Агаянц. Общение с Агаянцем, который был не только талантливым разведчиком, но и видным политиком и дипломатом, значительно расширило кругозор Сахаровского, приучило его не замыкаться в рамках узковедомственных интересов. Безусловно, школа Агаянца в дальнейшем способствовала успешной работе Сахаровского на посту начальника внешней разведки.

Именно Иван Иванович рекомендовал в октябре 1948 года Сахаровского на должность заместителя начальника одного из

управлений Комитета информации. Вновь их пути сошлись при создании в 1959 году во внешней разведке подразделения, на которое были возложены задачи по подготовке и проведению активных мероприятий за рубежом.

В конце 1965 года начальник внешней разведки А.М. Сахаровский подписал следующую характеристику на И.И. Агаянца:

«Полковник Агаянц И.И. в разведке работает более 30 лет, с 1940 года — на руководящих должностях, трижды находился в долгосрочных командировках в капиталистических странах, причем дважды в качестве резидента КГБ. Завербовал несколько ценных агентов, которые по настоящее время являются источниками получения весьма важной документальной информации.

С 1959 года работает начальником отдела активных мероприятий.

И.И. Агаянц обладает обширными знаниями. Исключительно инициативен и трудолюбив, в коллективе пользуется большим авторитетом как один из наиболее квалифицированных и заслуженных сотрудников разведки.

В настоящее время И.И. Агаянц занимает должность, которая по перечню должностей не подлежит замещению генералами. Однако, учитывая заслуги и многолетнюю деятельность И.И. Агаянца в органах разведки, а также то, что он многие годы занимал должности, подлежащие замещению генералами, считаем возможным в порядке исключения представить его к присвоению звания генерал-майора».

16 декабря 1965 года Совет Министров СССР принял постановление о присвоении Ивану Ивановичу Агаянцу звания генерал-майора.

Выходцем из подразделения, которым руководил Агаянц, являлся и будущий заместитель председателя КГБ СССР— начальник Второго главного управления генерал-полковник Григоренко Григорий Федорович. В 1959—1961 годах он занимал должность заместителя Агаянца, а с марта 1962 по 1969 год возглавлял подразделение внешней контрразведки.

До 1954 года в структуре внешней разведки не было подразделения, которое занималось бы разработкой спецслужб противника и обеспечением безопасности разведывательной деятельности резидентур. В июне 1954 года оно было создано. Концентрация контрразведывательной работы в рамках одного подразделения, укомплектованного опытными сотрудниками, принесла свои плоды. Внешняя контрразведка сумела добиться ощутимых результатов. Так, приобретенный в аппарате

министерства юстиции США источник внешней контрразведки за несколько лет сотрудничества передал советской разведке около пяти тысяч копий документов о работе ФБР против граждан и учреждений СССР в США.

На территории Западной Германии только от одного из источников были получены документальные данные на несколько сот американских агентов, занимавшихся вербовкой советских граждан.

Ценным источником внешней контрразведки был кадровый сотрудник английской разведки Джордж Блейк. Ранее большой объем материалов о структуре, кадрах и оперативной деятельности разведок Англии и США, в том числе и о заброске американской и английской агентуры на территории СССР и стран народной демократии, был получен от Кима Филби.

Было ясно, что работу по этой линии нужно усиливать. И Сахаровский со своими заместителями явились инициаторами создания в 1963 году в структуре ПГУ службы внешней контрразведки, которую и возглавил Григоренко.

В 1960 году по указанию председателя КГБ А.Н. Шелепина в разведке был образован самостоятельный африканский отдел. Конечно, никто не отрицает значения инициативы вышестоящего руководителя при принятии данного решения. Более того, действительно по-настоящему работать по Африке внешняя разведка начала с 1960 года, когда стал набирать силу процесс деколонизации африканских стран. Тогда сразу 17 независимых государств появилось на карте Африканского континента.

Было бы не совсем правильно утверждать, что сам по себе факт получения африканскими странами независимого статуса побудил советское руководство автоматически принять решение об организации разведывательной работы в молодых государствах Африки. Объективно сложилось так, что борьба народов африканских стран за свое освобождение стала объектом соперничества великих держав, и африканский континент превратился в арену идеологической и политической конфронтации двух блоков.

Руководству внешней разведки и лично начальнику ПГУ Сахаровскому с первых же шагов работы в африканских странах пришлось встретиться с серьезными трудностями. Прежде всего, это были трудности в достижении взаимопонимания сотрудников разведки с чиновниками молодых африканских государств. У них были совсем другой менталитет, привычки и нравы. Колониальные времена приучили их не доверять белому человеку, обманывать его считалось заслугой.

Бытовая неустроенность наших сотрудников, отсутствие

порой элементарных санитарных и жилищных условий, перебои в снабжении продовольствием заставляли комплектовать резидентуры молодыми, а следовательно, неопытными разведчиками.

Еще одна из важных особенностей деятельности советской разведки на Черном континенте заключалась в том, что она не была направлена против африканских стран. Напротив, она объективно отвечала их интересам борьбы за укрепление своей политической и экономической независимости. Поэтому с самого начала организации работы в Африке руководство разведки не рекомендовало вести вербовочную работу в политических и государственных кругах прогрессивных африканских стран. Это отнюдь не облегчало получение достоверных сведений, столь необходимых для решения поставленных перед разведкой задач. Приходилось внедрять новые приемы и методы работы. Главным оружием оставались доверительные связи. Приобрела большое значение обработка открытых источников информации — различных публикаций, справочников, прессы, радио и телевидения.

Такая работа требовала хорошей политической подготовки, знания проблем и большого профессионального мастерства. Политические и общественные деятели, служащие различного уровня, вплоть до самых высоких, охотно шли на установление контактов. Однако искусство разведчика заключалось в том, чтобы придать этим отношениям определенную направленность и довести до такой степени доверительности, при которой можно было рассчитывать на получение требуемой конфиденциальной информации.

Головной боли руководству разведки добавляли бесчисленные государственные перевороты, происходившие при вмешательстве западных держав и их спецслужб, сопровождавшиеся междоусобицей, племенными распрями, гражданскими войнами. От разведки в каждом конкретном случае требовалась информация о том, кто пришел к власти, какие силы совершили переворот, по какому пути они намерены вести страну. Ответить на все вопросы было нелегко.

Руководство страны требовало от своей внешней разведки аналитическую информацию, касающуюся проблем взаимоотношений с зарубежными государствами. Начальник разведки Сахаровский прекрасно понимал, что для решения этой задачи без хорошо поставленной информационноаналитической работы в Центре не обойтись.

Между тем еще в первой половине 1953 года информационное управление внешней разведки было

преобразовано в отдел и существенно сокращено. Из 170 сотрудников оставили лишь 12 информационных специалистов, 12 переводчиков, секретариат и руководство — всего 30 человек. Управление переименовали в Отдел переводов и обработки информации.

Трудно представить, как 12 информационных работников могли обрабатывать всю информацию, да еще следить по открытым источникам за положением дел в капиталистическом мире. Начальник отдела Ф.А. Скрягин отмечал в отчете о его работе за 1952—1954 годы, что «определенная часть трудностей, слабостей и недостатков в работе информационного подразделения ПГУ в тот период явилась следствием отрицательного влияния на нее элементов субъективизма и волюнтаристских решений отдельных лиц, возглавлявших некоторое время органы госбезопасности СССР».

И Сахаровский, совместно со Скрягиным, принимал активные меры для постановки информационно-аналитической работы центрального аппарата разведки на должный уровень.

Но прежде всего хотелось бы сказать несколько слов о человеке, которому А.М. Сахаровский доверял и к мнению которого прислушивался. Этим человеком являлся начальник информационно-аналитического подразделения разведки Филипп Артемьевич Скрягин.

Он был почти ровесником Александра Михайловича. Родился в 1910 году в 90 верстах от Киева, в небольшом городе Переяслав (ныне — Переяслав-Хмельницкий). Отец его был крестьянином хутора Воскресенского Переяславского района. Оттуда в поисках лучшей доли уехал в Екатеринослав, где стал специализироваться по столярному делу на вагоностроительном заводе. Отец был неграмотным, но сметливым, и быстро освоил и плотницкое, и столярное ремесло. Мать тоже была неграмотной и в молодости натерпелась немало, особенно, когда работала горничной. Семья Скрягиных состояла из девяти душ. Из четырех сыновей Филипп был третьим. Много лет спустя, оценивая этот факт, он скажет: «С рождением мне повезло, я смог больше, чем другие братья и сестры, учиться».

В 1926 году, в свои неполные шестнадцать лет, Филипп начал работать подручным столяра на мельнице, а в 1927 году, когда ему не исполнилось еще и семнадцати, уехал поступать на рабфак в Киев. Здесь, в маленькой комнатушке, жила с мужем и дочерью его сестра. С трудом устроившись на работу, он к семи часам шел на завод, а к шести вечера спешил на рабфак. Занятия продолжались до одиннадцати вечера каждый день, кроме воскресенья. Учился он охотно, напористо, пройдя за два года

трехлетний курс обучения. Принимал активное участие в комсомольской работе.

Зная прекрасно биографию Скрягина, Сахаровский проникся к нему полным доверием. Он понимал, что этот человек принадлежит к той категории людей, которые своим трудом и личным примером будут создавать слаженное, дружное и боеспособное звено внешней разведки. И Сахаровский не ошибся.

В работе для Скрягина не существовало мелочей. Он отрабатывал документы, стремясь добиться полной ясности и достоверности, не подделываясь под ту или иную конъюнктуру. Когда это требовалось, он мог работать с исполнителями всю ночь, выполняя то или иное важное задание руководства. Не терпел двуличия и приспособленчества, подхалимов, разгильдяев, интриганов. Сам вел себя в высшей степени корректно, делая замечания по существу, избегая задевать человеческое достоинство.

Военная служба, фронтовой опыт, работа с важной информацией заложили тот фундамент, который помог Скрягину в сложившихся условиях изменить прежнюю практику и организацию информационной работы. Пришлось преодолеть немало трудностей. Введение жесткого подхода к оценке получаемых информационных материалов исключало написание легковесных «мотыльковых», по выражению Скрягина, разведывательных сообщений. Важным направлением работы являлась тщательная оценка разведматериалов, что позволяло выявить дезинформаторов или лиц, стремившихся заработать на передаче нам несекретных, почерпнутых из открытых источников сведений, которые они выдавали за секретные.

Сахаровскому очень импонировал подход Скрягина к закладыванию фундамента для серьезной аналитической работы. Бережно, по-хозяйски, с перспективой на будущее Скрягин отбирал и выращивал способных к аналитической работе сотрудников. Он всемерно поддерживал их и с доверием относился к каждому подготовленному ими аналитическому документу.

Позже, говоря о своем товарище и коллеге, который за многие годы совместной работы ни разу не подвел начальника разведки, А.М. Сахаровский дал ему следующую характеристику:

«Филипп Артемьевич — способный, инициативный, обязательный человек. Он очень ответственно подходил к оценке и обработке материалов. Спокойно и уверенно занимался решением порученных вопросов. Был требователен, но не шумлив. Умело выращивал людей. Постоянно находил новые формы и направления в работе, щедро делился своим опытом с

другими. Внимательно выслушивал чужие мнения, настойчиво отстаивал свое, но это не было упрямством».

По мнению Сахаровского, большой заслугой Скрягина явился его личный вклад в организацию целенаправленной работы по глубокому анализу поступавшей разведывательной информации. Но еще больше Александр Михайлович ценил в нем уверенность в себе, умение отстаивать свое мнение на любых уровнях и остро развитое чувство собственного достоинства.

В доказательство правоты Сахаровского приведем лишь один из многочисленных примеров. У Скрягина шло совещание. Вдруг раздался по вертушке телефонный звонок—говорил председатель КГБ. Всех удивил очень спокойный голос и уверенные ответы начальника, хотя, как все поняли, речь шла об очень важных и срочных делах. После окончания разговора Филипп Артемьевич положил трубку и таким же спокойным голосом закончил прерванную телефонным звонком мысль. Он сделал краткие выводы, а потом, извинившись перед присутствовавшими, направился к председателю КГБ.

Полная, по определению Сахаровского, «беспощадная» самоотдача Скрягина в работе, удивительная преданность долгу, цельность натуры давали ему неоспоримое право открыто и без опасений высказывать свои мысли на самых высоких уровнях. Он не боялся последствий, искренне считая, что интересы дела превыше всего и, конечно, превыше его служебных продвижений, к чему он всегда относился весьма философски.

Напряженная работа, постоянное переутомление, отсутствие режима — все это не могло не сказаться на здоровье Филиппа Артемьевича. В октябре 1963 года он оказался в госпитале, где ему сделали операцию. С сентября 1964 года Ф.А. Скрягин стал работать консультантом при начальнике ПГУ.

Предпринятые меры, направленные на перестройку информационной работы в ПГУ, положительно сказались на деятельности всей внешней разведки. Вспоминая о том периоде, Ф.А. Скрягин позже скажет:

«Совершенствование в целом деятельности разведки в этой области было бы немыслимо без глубокого понимания со стороны бывших начальников ПГУ А.С. Панюшкина и А.М. Сахаровского всей важности информационно-аналитической работы для решения стоящих перед разведкой задач. Их принципиальность и настойчивость при проведении мер, направленных на улучшение деятельности разведки, оказались решающими при устранении стоящих на пути к этому препятствий».

Отмечая большую роль этих руководителей в истории разведки, он подчеркивал: «Во многом благодаря им в ПГУ, а

затем и в резидентурах резко улучшилось отношение к информационной деятельности и к тем сотрудникам, которые отдавали все свои силы, знания и способности ее совершенствованию».

Панюшкин, Сахаровский, Скрягин плодотворно работали над улучшением информационно-аналитической работы, и им удалось в разгар холодной войны укрепить это важное направление деятельности внешней разведки, добиться тщательного анализа получаемых сведений, выделения среди них наиболее актуальных и достоверных, отсеивания сомнительных данных и выявления дезинформации.

Рассказывая о ближайших помощниках и соратниках А.М. Сахаровского, нельзя не упомянуть еще одного выдающегося разведчика, заместителя начальника внешней разведки с 1946 по 1957 год генерал-майора Короткова Александра Михайловича.

Рассказ об А.М. Короткове начнем с 9 мая 1945 года, то есть с того дня, который навечно войдет в историю как День Победы. В Карлхорсте по соседству с резиденцией Жукова в двухэтажном здании бывшей столовой немецкого военноинженерного училища был подготовлен зал для церемонии подписания Акта о капитуляции.

За длинными столами, покрытыми зеленым сукном, расположились генералы Красной Армии. Открывая заседание, маршал Жуков пригласил в зал представителей немецкого командования. Первым переступил порог генерал-фельдмаршал Кейтель. Его сопровождал рослый, спортивного телосложения человек лет 35 лет в форме полковника госбезопасности. Это был А.М. Коротков.

Для Александра Михайловича участие в церемонии подписания Акта о капитуляции было не только ответственным поручением наркомата государственной безопасности СССР, но и высокой честью, которой он был удостоен как советский разведчик, специалист по германским вопросам, внесший определенный вклад в нашу победу. Он не командовал войсками, не участвовал непосредственно в боях на передовой, но, активно занимаясь разведывательной работой в Центре и на территории Германии, во многом внес существенный вклад в разгром врага.

В конце 1946 года Коротков был отозван из Германии и стал начальником управления нелегальной разведки.

Решая задачи улучшения деятельности центрального аппарата разведки и резидентур, он много внимания уделял повышению боевитости руководимого им подразделения, улучшению его кадрового состава за счет отбора лучших, опытных сотрудников, освоению более совершенных методов

ведения разведки с нелегальных позиций.

В июне 1954 года было принято постановление ЦК КПСС «О мерах по усилению разведывательной работы органов госбезопасности СССР за границей». Как следовало из этого постановления, значение работы по нелегальной линии должно было значительно возрасти, и Коротков стал руководить нелегальной разведкой уже в качестве заместителя начальника Главка.

Это назначение Александр Михайлович Коротков воспринял как высокое доверие руководства ИГУ и КГБ, признание его авторитета в области разведки с нелегальных позиций. Вместе с тем он понимал, что оно накладывает на него большую ответственность, требует еще большей отдачи сил для четкого выполнения поставленных перед коллективом задач.

А.М. Коротков часто выезжал в составе оперативных групп КГБ на различные конференции. Возглавляемые им оперативные группы активно способствовали обеспечению советских делегаций важной разведывательной информацией, которая позволяла правильно ориентироваться в складывающейся обстановке и определять линию поведения на переговорах.

Наиболее сложной командировкой в послевоенные годы стала его поездка осенью 1956 года в Венгрию. Тогда он был назначен заместителем руководителя оперативной группы КГБ СССР в связи с возникшим там контрреволюционным мятежом. Возглавлял группу председатель КГБ генерал армии Серов. За успешное выполнение заданий советского правительства генерал-майор Коротков был награжден орденом Красного Знамени.

В декабре 1956 года он вернулся в Москву, а летом 1957 года был назначен Уполномоченным КГБ при СМ СССР по координации и связи с МГБ и МВД ГДР. Некоторые исследователи биографии Сахаровского пишут, что он чувствовал в Короткове конкурента и специально отправил его в ГДР. Эта версия неверна хотя бы потому, что в ГДР его направлял председатель КГБ Серов, с которым Короткова связывали тесные, дружеские отношения. Более того, на плечи Короткова легло руководство самым крупным подразделением советской разведки за границей, ориентированным на ведение активной разведывательной работы против ФРГ, США, Англии, Франции и других стран — участниц НАТО, а также их объектов в Западной Германии и Западном Берлине, на оперативное проникновение в штаб-квартиру Североатлантического блока. Наряду с этим аппарат Короткова обеспечивал сотрудничество между Комитетом госбезопасности СССР и МГБ—МВД ГДР, а также координацию деятельности немецких друзей и органов военной контрразведки Группы

советских войск в Германии. Одновременно аппарат оказывал непосредственную помощь советским военным разведывательным службам, действовавшим с территории ГДР.

Способный организатор, обладавший большим опытом руководящей и оперативной работы, А.М. Коротков отдал много сил повышению эффективности деятельности Аппарата уполномоченного КГБ в ГДР.

В качестве подтверждения тесного сотрудничества между А.М. Сахаровским и А.М. Коротковым сошлемся на воспоминания генерал-лейтенанта Виталия Григорьевича Павлова, бывшего одно время заместителем у Короткова.

Павлов рассказывает, что однажды в связи с оперативной необходимостью нужно было срочно выдать не очень надежной доверительной связи достаточно крупную сумму денег. Короткова в это время в Москве не было, он находился в загранкомандировке, и Павлов решил сам доложить о необходимости выдачи денег руководству КГБ. Медлить было нельзя, и с согласия начальника Главка Сахаровского Павлов обратился к заместителю председателя КГБ и предложил выдать источнику деньги.

Визируя телеграмму о выдаче денег, Сахаровский сказал, что без Короткова решать данный вопрос не следует, и дал указание одновременно запросить его мнение по данному вопросу. «Смотрите, — предупредил Сахаровский Павлова, — если Коротков не согласится или что-то не получится, вам будет трудно оправдаться».

Рассказ Павлова наглядно свидетельствует о том, что Сахаровский всегда считался с мнением Короткова.

Приведенные выше характеристики на некоторых коллег из ближайшего окружения Сахаровского свидетельствуют о том, что любой из них мог бы возглавить ПГУ, но Панюшкин, уходя на другую работу, остановился на кандидатуре Сахаровского, так как именно в нем он разглядел хорошие задатки, отвечающие требованиям к начальнику внешней разведки.

Руководитель такой организации должен не только прекрасно разбираться во внешней политике государства, предусматривать возможные ходы и просчитывать последствия этих ходов, но и выступать в роли организатора, администратора, специалиста, воспитателя и общественного деятеля. Он должен обладать сильным характером и личным обаянием.

Очень важными качествами руководителя такого уровня являются компетентность, собранность, умение сосредоточиться на решении наиболее актуальной задачи, не распыляя внимания на другие многочисленные и тем более второстепенные вопросы.

Таким руководителем и был Александр Михайлович Сахаровский. Опытный и компетентный, прекрасно знающий тонкости профессии, смелый и решительный, он безусловно отвечал всем требованиям, предъявляемым к начальнику внешнеˆ разведки. Поэтому и находился у ее руля более 15 лет.

Огромное воздействие на коллег оказывала глубокая внутренняя убежденность Александра Михайловича в важности разведывательной работы для нашего государства и преданность делу, которому он служил.

Он не боялся брать на себя ответственность при решении сложных вопросов, но доверял рядовым сотрудникам самостоятельно решать текущие оперативные проблемы, без подсказки и неоправданного вмешательства сверху. При утверждении исполнителей оперативных мероприятий начальник разведки учитывал их личные и деловые качества, характер поставленной задачи, ответственность и инициативность сотрудника или руководителя, их предыдущие оперативные результаты.

Такое доверие к подчиненным сочеталось у Сахаровского со строгим контролем за своевременным и четким выполнением заданий, с высокой требовательностью к себе и всему аппарату. Тем сотрудникам, кто его подводил, не делал все необходимое для того, чтобы выполнить свой служебный долг, решить поставленную задачу, трудно было в дальнейшем расположить его к себе. В таких случаях Александр Михайлович как бы решал для себя вопрос о профессиональной пригодности сотрудника и больше не поручал ему выполнение сложных оперативных задач.

А.М. Сахаровского отличал деловой стиль работы. Он был прост в общении, любил советоваться с исполнителями, хорошо знал оперативные дела. Он обычно прямо высказывал свое мнение. Если мнение собеседника по какому-либо вопросу не совпадало с его оценкой, он спокойно выяснял детали, отстаивал свою точку зрения, не любил спорить по мелочам, но если сотрудник убеждал его в главном, то он мог согласиться с принципиально другим решением.

Сахаровский уважал сотрудников, которые смело отстаивали свою точку зрения на решение проблемных вопросов. Вместе с тем, приняв однажды решение по какому-либо делу, Александр Михайлович твердо настаивал на своем. Никакие отговорки уже не принимались им во внимание. Может быть, поэтому руководители отделов и сотрудники не любили повторно докладывать ему дела, план выполнения которых был намечен, но появлялись какие-либо дополнительные условия и требовался пересмотр ранее принятого решения.

Руководитель разведки не проявлял робости перед вышестоящими начальниками. В таком же духе он воспитывал и своих сотрудников. Особенно он не любил, когда ссылались на то, что было распоряжение из ЦК. В таких случаях он говорил, что это решение не ЦК, а чиновника из аппарата ЦК, и этот чиновник может ошибаться, поскольку он не знает специфики дела, а задача сотрудника заключается в том, чтобы сопоставлять указания с реальными обстоятельствами.

Больше всего Александр Михайлович переживал, когда обнаруживал обман, элементарное незнание дела, попытку втереть ему очки или свалить на кого-то свою ответственность, приукрасить действительность. В этих случаях его замечания делались в резкой, но корректной форме.

Если обобщить все вышесказанное, то можно сделать вывод, что это был руководитель волевого начала—немногословный, конкретный. Он подчеркивал, что разведка решает государственные задачи и должна делать это четко и грамотно. В нем удачно сочетались ум, проницательность, талант руководителя и профессиональное понимание разведывательной работы. Особенно это проявлялось, когда нужно было принимать важные решения в критических обстоятельствах, когда требовались однозначность восприятия обстановки, мужество, быстрота, но не суетливость.

Даже его недоброжелатели отмечали: «Сахаровского ценили подчиненные и уважали начальники». Скорее было наоборот — его уважали подчиненные и ценили начальники.

Глава 6. НА ВОЛНАХ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ

Так что же такое внешнеполитическая разведка? С научной точки зрения, оказывается, на этот вопрос ответить достаточно сложно. Раз внешнеполитическая — значит, часть внешней политики. Раз часть—значит, она входит в какое-то единое целое. А как можно быть, с одной стороны, единым целым, а с другой — вне его, где-то впереди, разведывая и показывая сложности пути для этого целого.

Если представить государство не в виде лодки, которую можно раскачивать, а в виде огромного океанского лайнера, то разведка — это небольшой корабль, которому предстоит провести этот лайнер по трудному фарватеру, избегая мелей и рифов. Здесь многое зависит от лоцмана, которым в данном случае является начальник внешнеполитической разведки. Роль его огромна. Но все-таки конечную цель лайнера намечает не лоцман, а его капитан.

В своей книге «Разведка: лица и личности» генерал-лейтенант Вадим Кирпиченко, рассказывая о начальниках разведки, очень образно и точно описывает жизнь руководителя, занимающего этот пост:

«Этот человек живет в обнимку с телефоном. Неписаные законы запрещают ему хотя бы на миг расставаться с ним. Телефон у него стоит на письменном столе, у изголовья в спальне, в автомашине и в комнате санатория, где он проводит отпуск.

Прелести такого существования мне очень хорошо известны. Однажды, возвращаясь субботним вечером с какого-то совещания в Центре, я увидел на улицах Москвы множество гуляющих людей. Дело было весной, стояла теплая погода, солнце еще не зашло, люди были нарядные, многие несли цветы. Я вдруг с тоской вспомнил, что уже лет 20 ни разу не ходил по улицам без цели, куда глаза глядят, не отлучался от дома, не поставив в известность дежурного о том, куда я иду и надолго ли. Подобный режим существования с невидимой цепью на шее при бесконечном рабочем дне, с перерывом лишь на ночь в течение многих лет подряд может выдержать только очень здоровый физически человек с хорошо отлаженной нервной системой.

К чему об этом пишу? К тому, чтобы читатели лучше представляли себе реальную жизнь руководителя и чтобы возможные кандидаты на должность начальника разведки в XXI

веке знали, что их ожидает».

Действительно, должность начальника разведки всегда была трудной и ответственной. И занимали ее, как правило, люди «специального предназначения», одаренные, с особой психологией «государственных мужей». И Сахаровский, возглавлявший советскую разведку в годы холодной войны на протяжении шестнадцати лет, был одним из них.

Давайте вспомним некоторые перипетии бурных событий периода пятидесятых — шестидесятых годов прошлого столетия, когда два противоборствующих лагеря государств в Европе, и не только в ней, развивались в условиях конфронтации. Какова была роль разведки в те годы?

Известный политолог С. Тэрнер в одной из своих статей писал:

«Тайные операции—так обычно называют попытки оказать воздействие на ход событий в других странах, сохраняя при этом незаметной собственную роль. Это нечто иное, чем собственно разведывательная деятельность».

Другой политолог, Д. Годфри, отмечал:

«Политические операции чаще всего, если не всегда, — это нелегальная деятельность, высшее искусство которой заключается в том, чтобы оказать определенное воздействие на существующую в той или иной стране власть».

В условиях холодной войны такой важный фактор, как практическая целесообразность, вынуждал Советский Союз иметь мощную разведывательную организацию, способную выполнять многоцелевые функции для обеспечения государственной безопасности страны. Именно такую разведку и создавали А.М. Сахаровский и его предшественники.

Александр Михайлович стал исполнять обязанности начальника Первого главного управления КГБ при СМ СССР с 23 июня 1955 года, после того как А.С. Панюшкин перешел на работу в ЦК КПСС.

Это было время «вхождения во власть» Н.С. Хрущева. Именно тогда Г.М. Маленков подвергся резкой критике за «правый уклонизм» на состоявшемся 25 января 1955 года Пленуме ЦК КПСС. Руководство правительством перешло к Н.А. Булганину, который в свою очередь уступил пост министра Вооруженных Сил СССР Г. К. Жукову. В марте того же года Л.М. Каганович был отстранен от руководства промышленностью. На июльском Пленуме ЦК и в октябре—на страницах журнала «Коммунист» — В.М. Молотов был вынужден признать свои «политические ошибки». Его расхождения с Хрущевым заключались во взглядах на основные аспекты построения социализма в нашей стране:

Молотов считал, что в СССР были созданы «только основы» социализма, тогда как Хрущев утверждал, что СССР уже находится на стадии перехода от социализма к коммунизму.

Внешнеполитическая деятельность СССР в середине 1950-х годов проходила в сложных условиях. В мае 1955 года в Варшаве состоялось совещание восьми восточноевропейских государств (Албании, Болгарии, Венгрии, ГДР, Польши, Румынии, СССР и Чехословакии). 14 мая 1955 года они заключили Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи. Организация Варшавского договора стала не только военным союзом европейских социалистических стран, но и важнейшим координационным внешнеполитическим органом. Однако сохранение командно-административной системы и борьба за власть в этих странах мешали практической реализации планов построения нового сообщества.

Мешала этому и обострившаяся борьба между противоборствующими сторонами в холодной войне на Ближнем и Среднем Востоке. 26 июля 1956 года Египет принял Декрет о национализации англо-французской «Всеобщей компании

Суэцкого морского канала». Суэцкий кризис значительно обострил международную обстановку, поскольку президент Насер, опираясь на советскую поддержку и проводя жесткую политику, отверг «план Даллеса» по созданию «международного органа» по управлению Суэцким каналом и идею образования «Ассоциации пользователей Суэцким каналом».

На состоявшейся в Лондоне 16 августа 1956 года международной конференции делегация СССР выступила с предложениями о мирном решении суэцкого вопроса на основе справедливого сочетания интересов Египта и интересов всех других государств, пользующихся Суэцким каналом. Однако перспектива такого урегулирования конфликта не устраивала западные державы. Не добившись желаемых результатов, Англия и Франция приступили к подготовке прямого вооруженного нападения на Египет. Активно готовился к агрессии и Израиль, стремившийся к захвату арабских территорий.

Естественно, истинные цели и намерения Израиля в этом регионе тщательно скрывались и маскировались. Поступавшая из резидентуры КГБ в Тель-Авиве информация свидетельствовала о том, что план захвата Газы неоднократно обсуждался израильскими представителями, вплоть до премьер-министра, с американцами, англичанами и французами. Правительство Израиля постоянно подогревало Суэцкий кризис и подталкивало Англию и Францию к развязыванию военных действий против Египта.

Следует отметить, что напористость Израиля в нагнетании антиегипетской обстановки раздражала даже его западных союзников. В распоряжении тель-авивской резидентуры, например, имелась копия телеграммы израильского посла в Париже Якоба Дара, в которой он докладывал еще в конце 1954 года в свой МИД о том, что французское руководство «предлагает израильскому правительству выступить с официальным заявлением о своем невмешательстве в англоегипетский конфликт». Резидентура получила и копию ответа МИД Израиля на эту французскую «рекомендацию». В нем говорилось, что в Тель-Авиве «признано нецелесообразным выступать с такой официальной декларацией».

В ночь с 29 на 30 октября 1956 года израильские войска без объявления войны перешли в наступление и начали продвигаться в направлении Суэцкого канала. Завязались ожесточенные бои с египетской армией, которая была в срочном порядке развернута на Синайском полуострове. Англичане и французы нанесли тем временем бомбовые удары по основным египетским городам. Стало ясно, что израильское наступление преследовало цель заманить египетскую армию на Синай и обеспечить Англии и Франции беспрепятственную высадку своих войск в районе Суэцкого канала. Разгадав этот замысел, президент Насер спешно вывел большую часть своей армии с Синая и преградил путь англо-французским войскам.

Тем не менее 5 ноября 1956 года английские и французские агрессоры высадились у входа в Суэцкий канал и захватили Порт-Саид. С осуждением агрессивной политики Англии, Франции и Израиля выступило подавляющее большинство стран. К ним вынуждены были присоединиться и США, которые не хотели ссориться с арабским миром. 5 ноября министр иностранных дел СССР направил в Совет Безопасности телеграмму с требованием к агрессорам немедленно прекратить военные действия и в трехдневный срок вывести свои войска из Египта. В случае невыполнения этого требования СССР изъявил намерение оказать Египту всестороннюю помощь. В посланиях главам правительств Англии, Франции и Израиля Москва предупредила их о готовности Советского

Союза принять решительные меры для восстановления мира на Ближнем Востоке. Такая позиция советского правительства отрезвляюще подействовала на агрессоров. Уже на следующий день огонь с их стороны был прекращен. Но лишь в декабре 1956 года английские и французские войска покинули зону Суэцкого канала. В январе 1957 года ушли с Синая и израильтяне.

Благодаря активной деятельности резидентур КГБ в Тель-

Авиве и Каире начальник внешнеполитической разведки в Центре имел возможность своевременно информировать руководство СССР о развитии ситуации на Ближнем Востоке.

Во второй половине 1950-х — начале 1960-х годов Хрущев резко активизировал внешнюю политику СССР, придав ей, как позже сформулировала группа партийных руководителей (Брежнев, Суслов, Косыгин), отстранившая его от власти, «волюнтаристский» характер. Три основные и тесно связанные между собой проблемы определяли содержание внешнеполитических усилий СССР хрущевского периода: противостояние с США и развитыми странами Запада, раскол внутри социалистического лагеря, столкнувшегося с двойным кризисом (внутренним, начавшимся событиями в Венгрии осенью 1956 года, и внешним, связанным с неприятием некоторыми государствами, в том числе Китаем, руководящей роли КПСС) и, наконец, выход на международную арену национально-демократических стран третьего мира, на развитие которых Советский Союз старался оказать свое влияние. Разведка активно работала по всем этим направлениям, добывая необходимую информацию.

В октябре—ноябре 1956 года вся мировая общественность была озабочена событиями в Венгрии. Учитывая проарабскую позицию Советского Союза на Ближнем и Среднем Востоке, США и западные державы стремились отвлечь его внимание от данного региона, усилив диверсионную работу против социалистических стран Восточной Европы. Особенно активную роль здесь играл главный союзник США в Европе — Западная Германия. Помимо поддержки своих американских покровителей, правительство ФРГ стремилось извлечь из этого выгоду и для себя.

Контрреволюционный путч в Венгерской Народной Республике предприняли представители внутренней оппозиции и изгнанные ранее из страны и укрывшиеся на Западе остатки хортистов и офицерства. Главным его вдохновителем являлись Соединенные Штаты. Государственный секретарь США Джон Фостер Даллес, выступая в штате Техас 27 октября, то есть на четвертый день после начала венгерских событий, открыто призвал к смене существовавшего в стране руководства. 2 ноября 1956 года правительство США выразило готовность предоставить венгерским путчистам заем на сумму в 20 миллионов долларов. Работавшая под контролем американцев радиостанция «Свободная Европа» во время венгерских событий превратилась фактически в штаб по координации действий мятежников. 31 октября она передала в эфир призыв: «Пусть венгры ликвидируют Варшавский договор и заявят, что Венгрия не является больше его

участницей».

Советские войска, находившиеся в Венгрии согласно Варшавскому договору, по просьбе правительства ВНР оказали содействие венгерской армии в восстановлении порядка в Будапеште. Но новый председатель Совета министров Имре Надь от имени венгерского правительства выразил пожелание о выводе советских войск из Будапешта. Они были выведены, а венгерские части, по распоряжению того же Надя, прекратили какие-либо действия в отношении мятежников.

В результате последовали массовые расправы с коммунистами, а также с общественными и политическими деятелями различных уровней.

В этой обстановке Янош Кадар от имени вновь созданного им 3 ноября 1956 года Революционного рабоче-крестьянского правительства обратился к командованию советских войск в Венгрии с просьбой помочь в деле разгрома сил контрреволюции и обеспечения порядка в стране.

Безусловно, роль венгерской и советской разведок в предупреждении мятежа моша бы быть более значительной. Однако еще в 1953 году венгерское партийно-государственное руководство осуществило слияние органов госбезопасности, в состав которых входила молодая разведслужба, с министерством внутренних дел страны. Это серьезно ослабило венгерскую разведку, так как около половины ее сотрудников было переведено в другие подразделения единого МВД. В 1955 году на совещании руководителей органов госбезопасности социалистических стран венгерским коллегам было рекомендовано усилить противодействие происками спецслужб США, Англии, Западной Германии и Австрии. Именно от них в тот период исходила серьезная угроза социалистическому строю, так как разведки этих государств активно использовали в своих интересах почти два миллиона венгерских эмигрантов.

Не было недостатка и в информации о том, что западные спецслужбы стремятся создать в стране влиятельную политическую силу, способную отобрать власть у коммунистов. В ноябре 1956 года эти сведения фактически подтвердил директор ЦРУ Аллен Даллес на заседании сенатской комиссии по иностранным делам. Он, в частности, заявил, что американская разведка задолго до начала венгерских событий содействовала подготовке там антиправительственного восстания и сразу же после его начала немедленно направила в Вену и Западный Берлин 20 опытных сотрудников ЦРУ для координации действий своей агентуры по оказанию выгодного для США влияния на развитие ситуации в Венгрии.

Венгерские события ярко высветили влияние на них американских спецслужб и контрреволюционно настроенных эмигрантов, а также предательскую роль некоторых руководящих деятелей ВНР. Одновременно они наглядно продемонстрировали возможности советского руководства по ликвидации возникшего очага напряженности в недавно созданном Варшавском договоре.

Послом Советского Союза в Венгерской Народной Республике с 1954 года являлся Юрий Владимирович Андропов. Состав посольства был укомплектован в основном молодыми и способными дипломатами. Одним из ближайших помощников Ю.В. Андропова в Венгрии стал В.А. Крючков, с которым у посла почти сразу же установилось полное взаимопонимание. Когда позже Андропов перешел работать в аппарат ЦК КПСС, а затем — в КГБ, Крючков и там был одним из его наиболее доверенных лиц.

Андропов хорошо понимал, что положение в стране становится все более сложным и взрывоопасным. Можно с уверенностью предположить, что информация советского посольства из Будапешта с особой тщательностью изучалась не только в МИДе, но и в КГБ, и в ЦК КПСС.

Нагнетанию напряженности способствовал и тот факт, что уже в середине 1956 года достоянием венгерской общественности стало содержание секретного доклада Хрущева на XX съезде КПСС. В связи с этим в Венгрии все активнее стали звучать требования отставки М. Ракоши как венгерского наместника Сталина.

В октябре—ноябре 1956 года Ю.В. Андропов находился непрерывно в Будапеште, в советском посольстве, и принимал непосредственное участие в разрешении кризиса. Важнейшие политические решения вырабатывались прибывшей в Венгрию из Москвы группой советских политических и военных деятелей, в состав которой входили А. Микоян и М. Суслов, а также Г. Маленков, А. Аристов, Г. Жуков и И. Конев. Специальную оперативную группу возглавлял председатель КГБ при СМ СССР И. Серов. Его заместителем был известный разведчик генерал-майор А. Коротков.

Члены оперативной группы КГБ, состоявшей из сотрудников советской внешней разведки и контрразведки, были задействованы в проведении специальных мероприятий. Выполнение возложенных на них задач потребовало мужества и решительности. Им приходилось работать в условиях вооруженного сопротивления, иногда ночью, порой перемещаясь на танках и бронетранспортерах. Группа осуществляла также разведывательное обеспечение действий советских воинских частей.

За успешное выполнение заданий советского правительства многие сотрудники разведки, действовавшие в составе оперативной группы КГБ в Венгрии, были удостоены государственных наград.

Ю.В. Андропов не был в стороне ни от происходивших событий, ни от принимаемых решений. К нему обращались за советом, он непрерывно поддерживал связь с Москвой. Он не был противником принятых в Венгрии жестких мер, но, учитывая его прежние связи с венгерским руководством, ему нередко поручали миссию посредника в тех или иных переговорах. События в Венгрии остались одним из важных эпизодов в жизни Андропова, и он гордился своей ролью в них, ибо был искренне убежден, что с его помощью был подавлен именно контрреволюционный мятеж.

В таких условиях проходило становление А.М. Сахаровского в качестве начальника советской внешнеполитической разведки. Рассказывая о событиях того периода, нельзя не упомянуть, хотя бы в нескольких словах, о Берлинском кризисе 1958—1961 годов.

Кульминационным моментом данного кризиса явилось событие, о котором ранним утром 24 августа 1961 года Аппарат уполномоченного КГБ в ГДР проинформировал срочной телефонограммой Центр. В ней, в частности, сообщалось:

«Днем 23 августа в Западном Берлине на секторальную границу были выдвинуты соответственно по секторам подразделения американских, английских и французских войск. У границы находятся танки, бронетранспортеры и автомашины с безоткатными орудиями».

В ответ к секторальной границе со стороны Восточного Берлина выдвинулись подразделения советских войск. Впервые после Второй мировой войны войска союзников противостояли друг другу в центре Европы. Это противостояние явилось прямым следствием политики холодной войны, которая превратила Западный Берлин в постоянный очаг кризиса и место противоборства спецслужб.

Какую роль играла внешняя разведка СССР в Берлинском кризисе? Она внимательно следила за положением в Западном Берлине и действиями западных держав и властей ФРГ против СССР и ГДР. Усилия разведки были направлены на обеспечение советского руководства информацией, необходимой для ведения сложных и нередко заходивших в тупик переговоров с западными державами по берлинскому вопросу. Необходимо было точно знать о планах и намерениях другой стороны, чтобы избежать действий, которые могли бы подвести противостояние к критической черте.

Для достижения этой цели были задействованы резидентуры советской внешней развед ки практически во всех западных странах. На протяжении всего периода Берлинского кризиса внешней разведке удавалось систематически обеспечивать руководство Советского Союза информацией, в том числе документальной, относительно позиции и планов западных держав, касавшихся Берлина.

Одним из ключевых документов, полученных в ту пору советской разведкой, явился секретный меморандум правительства ФРГ Совету НАТО, озаглавленный: «Юридическая и политическая концепция правительства Федеративной Республики Германии в вопросе о статусе Берлина». В этом документе правительство ФРГ советовало западным державам перейти в политическое наступление и предъявить Советскому Союзу ряд серьезных требований.

С учетом информации, которая поступала от руководства советской разведки, правительство СССР 10 января 1959 года направило союзникам по Второй мировой войне и странам, принимавшим в ней участие своими вооруженными силами, проект нового мирного договора с Германией, в который были включены и конкретные предложения по Западному Берлину. Было достигнуто согласие о проведении в том же году совещания министров иностранных дел. Такое совещание состоялось в мае — июне 1959 года в Женеве, но оно не дало никаких конкретных результатов. Дальнейшее обсуждение берлинского вопроса было перенесено на май 1960 года, но на этот раз уже на высшем уровне.

В связи с особой важностью берлинской проблемы в 1960 году в Аппарате уполномоченного КГБ в Берлине была создана специальная группа с задачей дальнейшего ее изучения и приобретения соответствующих источников информации. Началась напряженная работа. Это заметно активизировало информационный поток. Аппарат уполномоченного в тот период возглавлял опытный разведчик, специалист по Германии Александр Михайлович Коротков. Из Берлина в Центр поступил ряд важных материалов о позициях правительств ФРГ, США, Англии и Франции по берлинскому вопросу. Советским разведчикам удалось получить протоколы заседаний правительства ФРГ, на которых обсуждалась берлинская проблема, аналитическую записку западногерманской разведки о предполагаемой позиции Советского Союза на совещании «в верхах», ряд документальных материалов ведомства федерального канцлера о переговорах Аденауэра с западными державами относительно координации действий, направленных

против ГДР.

Большой практический интерес в этой связи представили инструкции МИД Франции, направленные в январе 1960 года французскому представителю в рабочей группе США, Англии, Франции и ФРГ, созданной для согласования позиций этих стран на предстоящем совещании на высшем уровне.

В марте того же года через возможности разведки были получены два документа: сообщение о работе группы экспертов четырех держав по германскому и берлинскому вопросам и документ об основах модус вивенди (дипломатический термин, применяемый для обозначения временных или предварительных соглашений, которые впоследствии предполагается заменить другими, более постоянного характера или более подробными. — *Примем, авт.*) для Берлина, представленный США на обсуждение рабочей группы. Одновременно советской разведкой были получены документальные данные о подготовке к введению в действие «воздушного моста» между ФРГ и Западным Берлином в случае обострения обстановки вокруг Берлина.

Все эти материалы тщательно изучались и анализировались в Центре. Разведка докладывала их в МИД и руководству государства с целью подготовки к намечавшейся на начало мая 1960 года встречи «в верхах».

Однако вторжение 1 мая 1960 года в воздушное пространство СССР американского самолета-разведчика «Локхид У-2», сбитого советскими ракетами, привело к срыву совещания.

Срыв совещания «в верхах» надолго затянул решение берлинского вопроса. В июле — августе 1961 года правящие круги ФРГ развернули активную деятельность по недопущению переговоров Запада с СССР. Печать ФРГ начала кампанию с угрозами в адрес ГДР и призывами к подготовке в ГДР контрреволюционного путча. Министр обороны ФРГ Штраус встретился с командующим вооруженными силами НАТО генералом Норстэдом, пытаясь убедить его в том, что настало время совместными усилиями ликвидировать ГДР. Заручившись поддержкой Норстэда, Штраус в июле 1961 года направился в США, где в беседах с президентом Кеннеди и его ближайшим окружением пытался убедить их в том, что «восстание в ГДР назрело».

Из ФРГ в Западный Берлин срочно перебрасывались специально подготовленные террористы и диверсанты, из которых создавались ударные группы для проникновения в ГДР с целью создания там беспорядков. Обстановка накалилась до такой степени, что в любой момент мог вспыхнуть конфликт с непредсказуемыми последствиями.

Все это требовало от СССР и его союзников по Варшавскому договору энергичных мер. И такие меры были приняты.

13 августа 1961 года с одобрения стран — участниц Варшавского договора власти ГДР закрыли границу с Западным Берлином, соорудив бетонную стену.

События 13 августа оказали отрезвляющее воздействие на западных политиков, понявших бессмысленность демонстрации силы. В конце 1961 года советская разведка добыла материалы ноябрьского заседания Совета НАТО, на котором было признано целесообразным, чтобы три западные державы вступили в переговоры с Советским Союзом. Однако начавшиеся в конце 1961 года советско-американские контакты были прерваны в связи с разразившимся в 1962 году Карибским кризисом.

Таким образом, добытая советской внешней разведкой политическая информация о позициях, замыслах и действиях наших противников в Берлинском кризисе сыграла важную роль в его мирном урегулировании. Тем не менее разумное решение берлинской проблемы с учетом интересов СССР и его союзников было достигнуто лишь в 1971 году.

Вместе с тем в начале 1960-х годов внимание центрального аппарата внешней разведки и его начальника А.М. Сахаровского было приковано не только к Берлинскому кризису, но и к драматическим событиям в Конго — бывшей бельгийской колонии в Африке. 30 июня 1960 года страна провозгласила независимость. Избранный народом парламент сформировал правительство во главе с одним из лидеров национально-освободительного движения Патрисом Лумумбой.

Однако бельгийское правительство не захотело мириться с потерей богатейшей колонии и предприняло военную интервенцию под предлогом защиты белого населения.

Летом 1960 года Совет Безопасности ООН принял решение об оказании помощи законно избранному правительству Лумумбы в пресечении бельгийской интервенции и сохранении территориальной целостности страны. С этой целью в Конго были направлены воинские контингенты ООН. Но возглавлявшаяся американцами администрация ООН в этой стране использовала миротворческие силы не для отражения бельгийской агрессии, а для борьбы с правительством Лумумбы.

Советское правительство оказывало дипломатическую и материальную поддержку молодому африканскому государству. Оно помогало национально-патриотическим силам страны в борьбе за сохранение независимости и территориальной целостности.

В этой связи остро встал вопрос о получении информации

относительно планов и замыслов западных стран в Конго. Нужны были также сведения о конголезских политических партиях и лидерах, их позициях, внешнеполитической ориентации.

В составе выехавшего в Леопольдвиль советского посольства находилась небольшая группа разведчиков во главе с Леонидом Гавриловичем Подгорным. Уже первый период их работы в Конго показал, что хозяевами положения в стране были американцы. Они ловко использовали аппарат администрации ООН и его воинские контингенты для того, чтобы прибрать страну к рукам. Американцы стремились устранить тех, кто мешал им, включая само правительство Лумумбы.

Резидентуре удалось получить интересные сведения. Оказывается, еще до предоставления независимости в Конго совершил поездку президент одного из крупнейших банков Америки «Чейз Манхэттен» Дэвид Рокфеллер. Результатом поездки явилось создание консорциума, который выделил для «решения» конголезских проблем заем на сумму 325 миллионов долларов.

В июле 1960 года резидентуре удалось получить информацию о поездке Лумумбы в США. Там речь шла о 15-летней опеке ООН над ситуацией в Конго. В этом случае Лумумбе была обещана техническая и гуманитарная помощь. Основное условие, которое было выдвинуто в Вашингтоне, — соблюдение интересов частных американских компаний и отказ от принятия помощи других стран.

Интересна в этой связи поездка в Леопольдвиль доверенного представителя президента США, опытнейшего дипломата и государственного деятеля, специалиста по американо-советским отношениям Аверелла Гарримана. Он должен был на месте оценить обстановку и затем доложить свои предложения Д. Эйзенхауэру. Встреча с советским послом в Конго Михаилом Даниловичем Яковлевым была важной частью миссии Гарримана. Американский дипломат пытался убедить Яковлева в том, что необходимо строить отношения с молодым конголезским правительством и оказывать ему помощь исключительно через ООН. «Почему вы действуете в обход ООН?» — спросил Гарриман. «Потому что помощь ООН в настоящих условиях и под вашей командой — петля на шее конголезского народа!» — ответил Яковлев. Такова была в те годы риторика холодной войны, весьма далекая от дипломатического этикета.

Покидая советское посольство, Гарриман бросил поджидавшим его журналистам фразу, облетевшую затем весь мир и ставшую знаменитой: «Выхлопы советских военных самолетов отравили политическую атмосферу в Конго». Стало

ясно, что свое решение Гарриман уже принял — действовать надо без Советского Союза, а правительство Лумумбы заменить на более послушное Соединенным Штатам.

После возвращения Лумумбы из поездки в США, когда американцам стало ясно, что он никогда не согласится на роль марионетки, ЦРУ стало готовить тайную спецоперацию по его физической ликвидации. Решение об этом было принято тогдашним президентом США Эйзенхауэром. Одним из инициаторов его принятия был «господин Конго» Дуглас Диллон — заместитель государственного секретаря, председатель совета банковского дома «Диллон Рид Энд Ко».

Получив разрешение, ЦРУ приступило к действиям. 28 августа 1960 года директор ЦРУ Аллен Даллес направил своему резиденту в Леопольдвиле Хеджмену следующую телеграмму:

«Руководители организации пришли к решению, что если Лумумба сохранит лидерство, неизбежным результатом будет в лучшем случае хаос, а в худшем—открытый путь к захвату коммунистами власти в Конго с губительными последствиями для престижа Объединенных Наций и для интересов свободного мира в целом. В связи с этим мы решили, что устранение Лумумбы должно быть неотложной и главной задачей. В нынешней ситуации данная цель должна стать определяющей в нашем плане секретных действий».

14 сентября 1960 года бывший в то время начальником генерального штаба конголезской армии полковник Мобуту, получив через ООН от американцев солидную денежную сумму, совершил государственный переворот. Он объявил о разрыве дипломатических отношений с Советским Союзом и о выдворении в 24 часа советского посольства из Леопольдвиля.

Через несколько часов после заявления Мобуту о захвате власти его солдаты появились у здания советского дипломатического представительства. Но все их попытки проникнуть на территорию посольства были решительно пресечены его сотрудниками. Советский посол обратился к главе администрации ООН в Конго с просьбой защитить посольство от «неконтролируемой солдатни». Администрация ООН обещала взять посольство под охрану, но лишь до истечения срока ультиматума. Здание посольства было окружено войсками ООН, а за ними расположились солдаты Мобуту.

Всю ночь в осажденном здании упаковывали вещи и уничтожали документы. Посол М.Д. Яковлев был спокоен, деловит и не проявлял ни малейших признаков растерянности. Все сотрудники посольства организованно занимались подготовкой к эвакуации. Точно в назначенный час был спущен

советский флаг, и кортеж автомашин направился сквозь двойной кордон солдат в аэропорт.

Сложнее было решить вопрос с Лумумбой. В ЦРУ разрабатывались различные варианты ликвидации конголезского лидера. Однако все попытки оказались неудачными. В штаб-квартире ЦРУ созрел новый план: вывести Лумумбу из-под охраны ООН и передать его политическим противникам, что в условиях гражданской войны в Конго означало бы для него верную смерть.

Ситуация развивалась следующим образом: Мобуту отдал приказ об аресте Лумумбы. Лумумба оставался в своей резиденции, которая, как и советское посольство, была окружена двойным кольцом охраны. Солдаты Мобуту стерегли Лумумбу в ожидании удобного момента расправиться с ним, а войска ООН оберегали Лумумбу от мобутовцев. В сложившейся обстановке американцы через свою агентуру в окружении Лумумбы спровоцировали его побег из резиденции в Стенливиль. Сопровождавший Лумумбу английский офицер, который командовал подразделением ганского контингента войск ООН, осуществлявшим его охрану, арестовал в пути конголезского лидера и находившихся с ним его соратников Мполо и Окито и передал их катанскому сепаратисту Чомбе. Иными словами, офицер войск ООН предал тех, кого должен был охранять. Узников сразу же отправили на самолете в Элизабетвиль.

Специальная операция ЦРУ завершилась кровавым исходом: 17 января 1961 года Лумумба, Мполо и Окито были замучены в застенках Чомбе.

В течение трех с лишним лет сотрудники резидентуры работали в условиях политической нестабильности и гражданской войны в Конго. Дважды, в сентябре 1960 года и в ноябре 1963 года, резидентура вынуждена была сворачивать свою деятельность в связи с провокационными выдворениями из страны всего состава советского посольства и приостановлением дипломатических отношений между Конго и СССР.

В этих критических ситуациях проявились лучшие качества и руководителя резидентуры КГБ Л.Г. Подгорнова, и всех ее сотрудников. Мужество, спокойствие, хладнокровие, умение оценить обстановку и найти верное решение неоднократно спасали их в сложных ситуациях. Но еще более тяжкие испытания выпали на долю заменившего Л.Г. Подгорнова в должности резидента советника советского посольства Б.С. Воронина и атташе посольства Ю.Н. Мякотных.

Ноябрьским днем 1963 года к дебаркадеру леопольдвильской пристани приближался маленький паромчик, связывающий

столицы двух африканских государств Браззавиль и Киншасу (ранее называвшуюся Леопольдвиль). На его палубе среди повозок и автомашин разместился и «фиат» с дипломатическими номерами советского посольства в Леопольдвиле. Он принадлежал Воронину.

Следует отметить, что в те годы в Конго находившиеся в оппозиции национально-патриотические партии опять попали под запрет. Внешней разведке было поручено под держивать конспиративные контакты с их лидерами. В августе 1963 года оставшиеся на свободе лидеры этих партий перебрались в Браззавиль. Встречи с ними сотрудники резидентуры стали проводить в столице соседнего государства, куда выезжали по поручениям посла и для закупок продовольствия.

Проезд из Леопольдвиля в Браззавиль и обратно проходил по упрощенной процедуре: виз и разрешений не требовалось. Достаточно было предъявить дипломатическую карточку. Но оставалось узкое место — полученные на встречах материалы надо было провозить через государственную границу. Станут ли леопольдвильские власти соблюдать международные правила и уважать неприкосновенность советских дипломатов и их багажа?

Об этом и думал Воронин, возвращаясь из Браззавиля, где он провел ряд ответственных встреч и получил объемные пакеты с материалами, предназначавшимися для «инстанции». Эти пакеты особенно волновали его. Он не знал, что в них, и корил себя за то, что предварительно не ознакомился с их содержимым. Что если в них просьбы о помощи, финансовые вопросы? Попади эти документы в руки конголезских властей в случае провокации при пересечении границы, это был бы сильнейший компромат.

Вот и причал. Машины медленно съезжают на берег. Идет проверка документов. За машиной Воронина вплотную следует автомобиль английского посольства. Вдруг «фиат» советского посольства окружает плотная группа жандармов и людей в штатском. Воронин мгновенно все понял. Он успевает блокировать двери и поднять стекла. Начинает рвать документы, пытаясь их уничтожить. Мякотных тоже все понял и активно помогает Воронину. Но двери автомашины выбивают прикладами, а дипломатов силой вытаскивают из нее за ноги. При этом Воронин ударяется затылком об асфальт и теряет сознание. Обоих дипломатов тут же на пристани сильно избивают, а затем бросают в кузов жандармского пикапа и увозят.

Английский дипломат, который стал свидетелем этой зверской расправы, пройдя пограничный контроль, туг же приехал в советское посольство. Там он заявил, что не разделяет наших идеологических концепций и нашей политики в Конго, но

считает своим долгом рассказать о случившемся и выразить возмущение поведением конголезских властей.

Далее события развивались следующим образом. По линии МИД и разведки в Москву были немедленно направлены сообщения о случившемся. Советский посол связался с президентом Касавабу, который пообещал дать команду и к утру освободить дипломатов. Но все говорило о том, что и сам президент уже не контролировал ситуацию в связи с очередным военным переворотом, осуществленным Мобуту.

Ночью в камеру, в которой находились Воронин и Мякотных, ворвалась группа пьяных солдат. Ими командовал лично Мобуту. Он был тоже навеселе. Советских дипломатов в очередной раз избили, вытащили в тюремный двор и поставили к стенке. Мобуту потребовал от них признания в участии в антиправительственном коммунистическом заговоре. Иначе — расстрел. Он отдал команду солдатам, те вскинули винтовки. Но тут появляется начальник конголезской службы безопасности и о чем-то долго беседует с Мобуту. Последний отдает команду увести пленников в камеру.

С утра допросы возобновились. Теперь их вела группа лиц, среди которых угадывались американцы. Изменился и характер вопросов. Они стали жестче, конкретнее. Но их смысл был один — заставить признаться в существовании антиправительственного заговора, нити которого тянутся в советское посольство.

Докладывая обстановку в Центр, резидентура сделала вывод, что антисоветская кампания носит исключительно политический характер и не базируется на каких-либо конкретных фактах ее разведывательной деятельности.

К полудню советского посла пригласили в МИД, где вручили ноту, объявляющую весь персонал посольства персонами нон грата и предложили всему составу посольства покинуть страну в течение 48 часов.

Воронин продолжал мужественно сопротивляться беспочвенным нападкам допрашивавших его сотрудников службы безопасности. Он заявил, что выполнял в Браззавиле поручения посла по поддержанию связи с людьми, которые еще совсем недавно входили в состав конголезского правительства.

Проводившие допрос явно были не готовы к такому отпору. Вечером Воронина и Мякотных увезли на аэродром, посадили в самолет и выслали из страны. Оба были покрыты синяками и кровоподтеками, на них была разорвана одежда. Воронин к тому же был босиком. Перед высылкой дипломатам предложили поменять «сибирскую ссылку» на «прелести» западного мира, на

что Мякотных ответил, что уже имел возможность испытать эти «прелести» на своей спине.

Вскоре после выдворения советского посольства из Конго Мобуту совершил очередной военный переворот и на долгие годы установил режим единоличной военной диктатуры.

Из приведенных примеров видно, какими трудными оказались для советской внешней разведки первые шаги в этой африканской стране. Но правильные действия руководства ПГУ, хороший подбор кадров, выдержка и хладнокровие сотрудников резидентуры способствовали выполнению задач, поставленных перед разведкой в данном регионе.

Однако все же самым острым в годы холодной войны оказался Карибский ракетный кризис 1962 года, который поставил человечество на грань ядерной катастрофы.

Спустя более чем четыре десятилетия после кризиса, когда появилась возможность ознакомиться с ранее недоступными документами, стало очевидно, как близко мир находился у пропасти, грозившей третьей мировой войной и уничтожением человечества.

Кризис продолжался тринадцать дней — с 16 октября 1962 года, когда президенту Кеннеди было доложено об обнаружении советских ракет на Кубе, по 28 октября, когда было достигнуто принципиальное компромиссное решение об его урегулировании. Но для руководства внешней разведки и для сотрудников посольства в Вашингтоне самыми напряженными были семь дней и ночей — с того момента, когда вечером 22 октября президент США поведал миру об «обнаружении советских ракет» на Кубе.

До настоящего времени Карибский кризис по-прежнему остается предметом дискуссий и углубленного изучения учеными —историками, психологами, политиками, дипломатами и военными.

Важная роль в урегулировании кризиса принадлежала резиденту советской внешней разведки в Вашингтоне Александру Семеновичу Феклисову.

Наша справка:

А.С. Феклисов родился 9 марта 1914 года в Москве у Рогожской заставы, на Рабочей улице, в семье железнодорожного стрелочника. В 1922 году Александр пошел в железнодорожную школу-семилетку. После семилетки поступил в фабрично-заводское училище при заводе имени Войтовича, где учился на слесаря по ремонту паровозов. После окончания ФЗУ работал

помощником машиниста на паровозе. В 1930 году поступил учиться на годичные курсы по подготовке в Московский институт инженеров связи, одновременно работал на заводе.

После окончания института в 1939 году был приглашен на работу во внешнюю разведку органов госбезопасности. В январе 1941 года командирован в США в качестве оперативного сотрудника нью-йоркской резидентуры по линии научно-технической разведки. Активно работал по проблеме атомного оружия. В 1947—1950 годах находился на руководящей работе в лондонской резидентуре. С 1960 по 1964 год возглавлял резидентуру в Вашингтоне. Принимал непосредственное участие в разрешении карибского ракетно-ядерного кризиса 1962 года.

За заслуги в разведывательной работе полковник Феклисов награжден двумя орденами Трудового Красного Знамени, орденом Отечественной войны 1-й степени, двумя орденами Красной Звезды, орденом «Знак Почета», многими медалями, а также нагрудными знаками «Почетный сотрудник госбезопасности» и «За службу в разведке».

В 1974 году Феклисов вышел в отставку по возрасту. Является автором нескольких книг о деятельности внешней разведки. В 1996 году удостоен звания Героя Российской Федерации.

Скончался Александр Семенович 26 октября 2007 года.

* * *

В своей книге «Признание разведчика» Феклисов следующим образом рассказал о развитии Карибского кризиса:

«Пришедший к власти в США в январе 1960 года президент Джон Кеннеди уже через три месяца предпринял попытку свергнуть кубинское революционное правительство во главе с Фиделем Кастро. Он санкционировал вторжение на остров пятнадцатитысячной армии наемников из числа кубинских контрреволюционеров, подготовленных и вооруженных ЦРУ США. Эта попытка оказалась неудачной. Однако Кеннеди не отказался от своих планов. Он жаждал реванша, и по его указанию ЦРУ и Пентагон начали осуществлять широкую программу мероприятий по ликвидации кубинской революции, которые включали экономическую блокаду, террористические акты, проведение разведывательно-диверсионных операций.

В целях предотвращения свержения правительства Кастро Советский Союз стал оказывать усиленную экономическую и военную помощь Кубе, в том числе ракетной техникой.

Разведывательные службы США вели непрерывное и

тщательное наблюдение за всеми поставками на Кубу, в первую очередь — из СССР. 14 октября 1962 года американский разведывательный самолет зафиксировал строительство на острове пусковых ракетных установок, которые, по мнению американских специалистов, могли быть использованы для нанесения ракетно-ядерного удара по восточному побережью США в случае американского вторжения на Кубу.

Реакция Белого дома была незамедлительной. Был создан специальный комитет, в задачу которого входила разработка мероприятий по устранению ракетной угрозы со стороны Кубы. На усмотрение президента США были представлены следующие альтернативные решения: вторжение на Кубу; уничтожение ракетных установок бомбардировкой с воздуха; блокада острова; ведение секретных переговоров с Хрущевым по дипломатическим каналам; обсуждение проблемы в ООН.

Комитет рекомендовал президенту вначале принять третий вариант — установить блокаду Кубы. В воскресенье 21 октября под руководством президента заседал его кабинет вместе с руководством Пентагона. А в понедельник, 22 октября, из Москвы пришло срочное указание: выяснить характер вопросов, обсуждавшихся в Белом доме. В этой связи все сотрудники резидентуры были нацелены на добывание информации от своих связей.

Меня неожиданно пригласил на ленч Джон Скали — известный внешнеполитический обозреватель телевидения, который поддерживал хорошие отношения с госсекретарем Дином Раском. Перед уходом из ресторана Скали сказал, что в 7 часов вечера президент Кеннеди выступит с важным обращением к американскому народу, в котором он объявит меры, принятые правительством США против Советского Союза и Кубы.

В своем выступлении президент объявил: о введении строгого морского карантина (то есть блокады) Кубы; о приведении в состояние боевой готовности вооруженных сил США; о внесении в Совет Безопасности ООН резолюции, требующей, чтобы СССР демонтировал пусковые установки для ракет среднего радиуса действия и вывез их с Кубы.

В прессе появились сообщения, исходящие из Пентагона, что на пути к Кубе находятся 25 торговых судов и что 90 кораблей ВМС США встретят их в открытом океане. Сообщалось также, что в район Кубы направляются советские атомные подводные лодки. Военная истерия накалялась с каждым днем, и достаточно было произойти даже случайно какому-либо столкновению на море или в воздухе, как могли начаться военные действия с непредсказуемыми последствиями.

Каждый день Хрущев направлял послания Кеннеди, а Кеннеди — Хрущеву, телеграфные линии между Москвой и Вашингтоном были перегружены, но так уж получилось, что именно через Скали мне предложили передать в Москву следующий вариант разрешения кубинского кризиса: “Советский Союз демонтирует и вывозит с Кубы ракетные установки под контролем ООН. Со своей стороны правительство США публично берет на себя обязательство не вторгаться на Кубу”.

Я заверил Скали, что переданное им предложение будет немедленно сообщено по назначению. Однако немедленно это сделать не удалось, так как посол Добрынин, сославшись на то, что МИД не уполномочивал посольство вести такие переговоры, отказался подписать подготовленный мною текст телеграммы. Я был удивлен этой нерешительностью. Сам подписал телеграмму и передал ее шифровальщику для отправки по каналу резидентуры своему шефу, начальнику разведки КГБ генерал-лейтенанту А.М. Сахаровскому.

Утром следующего дня я с большим волнением ждал ответа из Москвы. Решалось: война или мир. Время шло, но Добрынину из Москвы ничего не поступало. Зато мне пришла в 9.30 утра депеша из Центра: Сахаровский подтвердил, что получил мое сообщение и попросил повторить его по мидовскому каналу за подписью посла. Я немедленно ответил, что пытался это сделать еще вчера, но Добрынин отказался подписать телеграмму».

Следует подчеркнуть, что советско-американские переговоры и контакты с целью урегулирования кризиса шли по многим направлениям: на государственном уровне, по линии Министерства обороны, по дипломатическим каналам. Активным участником поиска путей решения конфликта был советский посол на Кубе А.И. Алексеев, который имел тесные контакты с Ф. Кастро.

Как мы уже упоминали, 16 октября 1962 года в США была создана специальная «кризисная группа», которую позже стали именовать Исполнительным комитетом СНБ.

В КГБ на Лубянке работала специальная антикризисная группа, в которую вошли представители всех родов войск и Министерства иностранных дел. Но советский внешнеполитический механизм оставался неизменным. Как и прежде, главные политические решения принимались в рамках партийного руководства: Хрущевым, Брежневым, Козловым, Косыгиным, Микояном и Сусловым с привлечением экспертов и сотрудников аппарата, которых подбирали Малиновский, Громыко и Пономарев. Когда нужно было принять особо важное решение, Хрущев собирал расширенный состав Политбюро с

участием секретарей ЦК, представителей МИД и Министерства обороны.

Кульминацией кризиса стало обращение к народу президента Кеннеди, в котором он сообщил, что отдал распоряжение Пентагону усилить военные приготовления. На юго-восток США стали перебрасываться крупные подразделения сухопутных войск, морской пехоты и десантников. Выйти «на исходные позиции» было приказано более 100 боевым кораблям. 26 октября Джон Кеннеди дал указание государственному секретарю США Дину Раску создать временное правительство из числа кубинских эмигрантов. На следующий день над Кубой был уничтожен разведывательный самолет У-2, что было использовано американскими «ястребами» для мощнейшего давления на президента Кеннеди.

Хрущев решил не уступать нажиму США даже перед угрозой войны. В письме на имя президента США он обвинил Кеннеди в том, что тот поставил СССР «ультимативные условия» и полностью отверг «произвольные требования США». Рассматривая блокаду как акт агрессии, толкающий человечество к пучине мировой ракетно-ядерной войны, Хрущев заявил, что «советское правительство не может дать инструкции капитанам советских судов, следующих на Кубу, соблюдать предписания американских ВМС, блокирующих этот остров». «Если американцы будут действовать подобным образом, — продолжал он, — мы будем вынуждены со своей стороны предпринять меры, которые сочтем нужными и достаточными для того, чтобы оградить свои права».

О тексте письма было известно лишь членам Президиума ЦК, а также нескольким приглашенным лицам, таким как Малиновский и Громыко.

Приближалась развязка конфликта. В ночь на 26 октября председатель КГБ В. Семичастный спал в комнате рядом со своим кабинетом. Около 8.30 утра ему принесли копии всех сообщений, касающихся Карибского кризиса. Семичастный в свои 37 лет был самым молодым председателем КГБ за всю его историю и часто при решении оперативных вопросов опирался на мнение руководителей подразделений КГБ, в том числе и на мнение начальника внешней разведки А.М. Сахаровского. В этот критический момент полученная Сахаровским и не согласованная с МИД телеграмма Феклисова о предложениях Скали могла стать тем аргументом, который способен или успокоить, или взорвать накопившееся напряжение.

Дело в том, что ранее официальная информация, поступавшая от Скали, не пользовалась доверием мидовских работников и не учитывалась в сообщениях, готовившихся для

Кремля. Это хорошо знал Сахаровский. И тем не менее он решил действовать через Громыко.

Именно Громыко утром 28 октября доложил Хрущеву, что по двум каналам от администрации Кеннеди получены сообщения о ее готовности урегулировать кризис на условиях, изложенных в письме от 26 октября: руководитель резидентуры КГБ в Вашингтоне Феклисов встречался с американским журналистом Скали, который передал предложения Вашингтона по разрешению кризиса, и в полученном утром новом письме от Кеннеди предлагалось практически то же самое.

Таким образом, благодаря усилиям дипломатов, разведчиков и людей, имевших влияние в высших эшелонах власти, Хрущев и Кеннеди нашли разумный компромисс.

1 ноября 1962 года, выступая по телевидению, Фидель Кастро счел необходимым сделать, в частности, следующее заявление:

«Нужно особенно помнить о том, что во все трудные моменты, с которыми мы сталкивались перед лицом американской агрессии, мы всегда опирались на дружескую руку Советского Союза. За это мы благодарны ему, и об этом мы должны говорить во весь голос!»

Эти слова, несомненно, можно с полным основанием отнести и к советским разведчикам, которые совместно с кубинскими партнерами разрабатывали и успешно осуществляли накануне и в ходе Карибского кризиса целый комплекс мероприятий по противодействию подрывной деятельности американских спецслужб.

Подводя итог тем событиям, о которых шла речь в данной главе, можно отметить, что определенный вклад в разрешение многочисленных локальных кризисов, имевших место в период холодной войны, принадлежит внешней разведке и ее начальнику А.М. Сахаровскому, который при докладах высшему руководству страны всегда проявлял глубокое понимание всего круга проблем, над которыми работала его Служба.

Глава 7. ГЛАВНЫЙ ПРОТИВНИК И РАЗВЕДКИ СТРАН ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Главным объектом деятельности внешней разведки любой страны является основной политический, экономический и как следствие военный противник. Это может быть отдельное государство или блок стран, представляющих в силу их военного, экономического и научно-технического потенциалов, а также агрессивности политического курса реальную угрозу безопасности для противостоящей стороны и ее союзников. Борьба против такого противника ведется по всем внешнеполитическим и экономическим направлениям с использованием всех возможностей государственных органов, в том числе сил и средств разведки.

После развязывания холодной войны главным противником Советского Союза стали США и Англия, а также другие страны НАТО, поскольку именно они возглавили борьбу с «восточным коммунизмом». За прошедшие годы США неизменно укрепляли свое лидирующее положение в борьбе с коммунизмом. Они диктовали стратегию и тактику подрывной деятельности против СССР и, как они их называли, стран «восточного блока». Политические руководители США разрабатывали и проводили в жизнь различные внешнеполитические доктрины и военно-стратегические планы: «сдерживания коммунизма», «освобождения от коммунизма», «наведения мостов», «массированного воздействия», «балансирования на грани войны», «гибкого реагирования», которые свидетельствовали об агрессивности их внешней политики.

Для реализации этого курса в 50-е — 60-е годы прошлого столетия правящие круги США особое значение стали придавать разведывательной и диверсионной деятельности своих спецслужб, возведя ее на уровень государственной политики.

Учрежденное президентом Трумэном в сентябре 1947 года Центральное разведывательное управление (ЦРУ) быстро превратилось в мощную организацию, занимающуюся сбором и обработкой разведывательных данных и распространяющую по миру влияние США с помощью «тайных операций».

По свидетельству американских авторов «Энциклопедии шпионажа» Нормана Полмара и Томаса Аллена: «Трумэн подписал в декабре 1947 года секретную директиву Совета

национальной безопасности (СНБ) и стал первым президентом США, санкционировавшим проведение тайных операций (тогда они назывались психологическими)». Подобные операции — например, поддержка антикоммунистических партий на выборах в Италии или вооружение антикоммунистических сил в Греции — являлись важной секретной составляющей официально провозглашенной Доктрины Трумэна по «сдерживанию коммунизма».

«Психологическую войну» в США не принято афишировать. Многие ее акции — строго охраняемые тайны разведки, дипломатии, других служб, выполняющих поручения американского президента и СНБ. Однако появилось много книг, где раскрываются цели и механизм этих операций. Американский Совет национальной безопасности рекомендовал в своих директивах проводить их тогда, когда «та или иная цель американской внешней политики не может быть достигнута средствами дипломатии, а военная акция слишком рискованна или неоправданна». Основная цель — бороться с коммунистическим режимом на его собственной территории, оказывать помощь любым движениям сопротивления, ослаблять лояльность граждан передачами по радио, листовками, литературой.

Для проведения тайных акций в ЦРУ было создано Управление специальных операций (УСО). В июне 1948 года появилась еще одна директива СНБ, санкционировавшая «прямые превентивные акции, включая диверсионные и контрдиверсионные действия, подрывную работу, эвакуационные мероприятия, а также поддержку подпольных движений сопротивления на местах».

В 1952 году директор ЦРУ Уолтер Беддел Смит возложил проведение тайных операций на Управление планирования, которое возглавил Аллен Уэлш Даллес. В 1953 году, когда Трумэна на посту президента США сменил Эйзенхауэр, Даллес стал руководителем американской разведки. Он возглавлял ЦРУ девять лет и превратил его в главное оружие США периода холодной войны.

Каким он был, Аллен Даллес? На этот вопрос ответить гораздо легче, чем на вопрос, каким был Александр Михайлович Сахаровский. Об Аллене Даллесе можно узнать из десятка книг, опубликованных в том числе и на русском языке. Вышли в свет на русском языке и книги самого А. Даллеса: «Искусство разведки», «Тайная капитуляция», «Великие шпионы». О нем можно прочитать в «Энциклопедии шпионажа» Н. Полмара и Т. Аллена, в книге И. Дамаскина «Сто великих разведчиков», а также в книге

Э. Бояджи «История шпионажа».

Но не ищите в этих книгах фамилию Сахаровского. Западные писатели любят своих героев, некоторые русские издатели, к сожалению, тоже ценят их героев. Без сомнения, А. Даллес был незаурядной личностью, сильным противником. И не случайно ветераны советской разведки вспоминали, как радовался А.М. Сахаровский сообщению об отставке А. Даллеса, которая произошла из-за провального вторжения на Кубу. Даллес гарантировал президенту Дж. Кеннеди успех, заверяя его в том, что за высадкой наемников последует всеобщее восстание на Кубе. Но тщательно подготовленная операция закончилась полным провалом. И это было далеко не единственное поражение А. Даллеса в холодной войне.

В книге Дж. Бейли, С. Кондрашева и Д. Мерфи «Поле битвы — Берлин» рассказывается о борьбе двух разведок за Берлин и Германию во времена холодной войны. В ней приводятся сведения о крупнейшей разведывательной операции того времени — «Берлинский туннель», об истории Берлинской стены и ряде других важнейших событий послевоенного периода. На этом поле битвы с одной стороны выступал советский КГБ, а с другой — ЦРУ. Интересно предисловие к книге главного редактора издательства «Иейл Юниверсити Пресс» Джонатана Брента. Он считает, что в книге показаны две системы в действии:

«Американская разведка в конце Второй мировой войны почти не имела профессиональных или административных ресурсов. Это было учреждение с плохим финансированием, с малочисленным штатом, без достойного будущего. И наоборот, советская разведка в 1945 году была высокопрофессиональной, с историей, уходящей корнями в революцию 1917 года.

Советская разведка имела доступ к тем, кто был на вершине властной иерархической лестницы в Америке, Англии и Франции. Например, она могла знать, что обсуждал британский кабинет министров 10 сентября 1948 года, собравшись на несколько минут, и в начале октября доложить об этом Сталину. Она отвоевывала позицию за позицией, но все же никогда не могла понять ни американцев, ни немцев, поэтому не имела четкого представления, как поступят американцы перед лицом берлинской блокады. А американцы, не имея даже мало-мальски сравнимых ресурсов, тем более успешных операций, оказались в состоянии правильно оценить готовность Советов развязать войну из-за блокады и, благодаря своим аналитикам — если верить авторам книги—с успехом реализовали в 1948 году операцию “Воздушный мост”.

Западу в тот критический период удалось выжить не столько

благодаря оружию, винтовкам, танкам, самолетам, бомбам, сколько знаниям. Ведь любая информация становится знаниями, а знания — политической силой.

Можно сказать, что советских людей предали их лидеры. Почему? Потому что идеологические обязательства и всепоглощающее стремление удержать власть были для лидеров главным и мешали смотреть правде в глаза. Как говорил Мэтью Арнольд, “поглощены собой они”. И хотя информации у них часто было больше, использовать ее с максимальной отдачей им не удавалось. Выигрывая сражение за сражением, они проиграли войну. Не так уж часто Сталину представляли информацию, которую он не желал знать. Очень редко советские лидеры узнавали о Западе правду. Им говорили то, что они хотели слышать, они видели то, что от них требовала их идеология. Когда Горбачев попытался это изменить, система развалилась».

И еще из этого же предисловия:

«Многочисленные победы КГБ редко бывали оценены по достоинству лидерами страны, ослепленными своей идеологией и предвзятым пониманием положения вещей в мире».

Но даже в этой книге, которая является серьезным вкладом в документальную литературу о послевоенном противостоянии Востока и Запада, среди 14 основных участников событий с американской стороны упоминается А. Даллес, а вот среди 24 советских участников описываемых разведывательных мероприятий начальнику советской внешней разведки места не нашлось. 1950-е — 1960-е годы ознаменовались расцветом тайных операций американской разведки. Исходя из «особой» роли США в мире и проникнув духом превосходства американского образа жизни, ЦРУ во главе со своим директором бросилось спасать «цивилизованный мир» от коммунистической угрозы.

Свою карьеру в качестве руководителя ЦРУ А. Даллес начал с успешно осуществленной крупной, своего рода пробной тайной операции «Аякс», в ходе которой было свергнуто правительство Ирана во главе с премьер-министром Моссадыком и восстановлен шахский режим. Непосредственно переворотом внутри страны руководил агент ЦРУ Кермит (Ким) Рузвельт (позднее известный в ЦРУ как «Мистер Иран»), внук президента Теодора Рузвельта.

Эта акция была направлена на защиту интересов американского капитала в сфере международных нефтяных компаний. Следует заметить, что операция затрагивала и личные коммерческие интересы А. Даллеса, поскольку принадлежавшая ему фирма «Саллинен энд Кромвелл» вела дела англо-иранской нефтяной компании.

В 1954 году президент Эйзенхауэр обеспокоился возрастающим влиянием Советского Союза в Латинской Америке, в первую очередь — в Гватемале. «Нам нужно было разделаться с пришедшим к власти коммунистическим правительством», — заявил позднее в одном из своих выступлений бывший президент. Последовала тайная акция ЦРУ, и неугодное правительство было свергнуто. Вскоре после этих событий на совещании в Белом доме Эйзенхауэр, обратившись к Даллесу, сказал: «Благодарю Вас, Аллен. Вы предотвратили появление советского плацдарма в Центральной Америке».

Затем последовало вмешательство ЦРУ в дела Египта, Коста-Рики, Бирмы, Индонезии, Лаоса, Вьетнама, Филиппин, Кубы. При Аллене Даллесе началось прямое вмешательство разведки в сферу политики. Не ограничиваясь чисто разведывательными задачами, ЦРУ превратилось в прямого творца политики, ставя перед собой цель сражаться с коммунизмом во всем мире. Все это стало возможным благодаря созданию Белым домом наибольшего благоприятствования подрывной деятельности разведывательного ведомства, что поставило его директора в исключительное положение.

Даллес имел несколько достаточно сильных каналов воздействия на президента Эйзенхауэра, главными из которых были ежедневные информационные сводки ЦРУ. Они как бы формировали мнение президента и держали его под плотным информационным колпаком.

Вторым каналом влияния было использование членов Совета национальной безопасности, в котором сильные позиции ЦРУ сохранились еще со времен президента Трумэна. В своих мемуарах бывший президент США писал:

«Всякий раз, когда Совет национальной безопасности собирается рассматривать какие-то планы, скажем, политику в отношении Юго-Восточной Азии, он тут же предлагает ЦРУ дать оценку возможных последствий этой политики.

Директор ЦРУ участвует в работе Совета и постоянно информирует его членов в связи с той или иной рассматриваемой им проблемой. Его оценки выражают мнение центральной разведки и учитывают точки зрения всех других органов, сообщающих свои рекомендации ЦРУ».

А. Даллес имел возможность согласовывать свои планы, а следовательно и планы ЦРУ, непосредственно с президентом. Во-первых, потому что он пользовался могущественной под держкой монополистических кругов, особенно нефтяных, интересы которых ЦРУ успешно защищало на Ближнем Востоке, в Юго-Восточной Азии и Латинской Америке. Во-вторых, его старший

брат Джон являлся государственным секретарем в правительстве Эйзенхауэра. Оба брата отличались резко выраженными антисоветскими убеждениями и уверенностью в «особой», руководящей роли Америки в мировом сообществе.

В сущности, А. Даллес считал необходимым согласовывать свой курс лишь с президентом и братом. Практически все остальные лица, подключавшиеся к руководству разведывательной деятельностью, играли незначительную роль. Получение одобрения на те или иные акции превращалось для него в вопрос административной техники, основная подготовительная работа шла в стенах ЦРУ.

В этой атмосфере настойчиво проводимая идея Даллеса о том, что ЦРУ должно пользоваться исключительным правом осуществлять тайные разведывательные операции, находила поддержку в правительственных кругах и у самого президента. Неуклонно стремясь реализовать мечту об уничтожении коммунистической идеологии, А. Даллес основные усилия ЦРУ направлял на расшатывание основ советского общества. В основу своей деятельности он положил высказывания древнего китайского полководца и философа Сунь Цзы, в которых даются основы ведения «психологической войны». Сунь Цзы писал:

«Разлагайте все хорошее, что имеется в стране вашего противника. Вовлекайте видных представителей вашего противника в преступные предприятия. Подрывайте их престиж и выставляйте в нужный момент на позор общественности. Используйте также сотрудничество самых подлых и гнусных людей. Разжигайте ссоры и столкновения среди граждан вражеской страны. Подстрекайте молодежь против стариков. Мешайте всеми средствами деятельности правительства. Будьте щедры на предложения и подарки для покупки информации и сообщников. Вообще не экономьте ни на деньгах, ни на обещаниях, так как они приносят богатые дивиденды».

Творчески приспосабливая эти постулаты к своему времени, А. Даллес внушал офицерам ЦРУ:

«Посеяв там (в Советском Союзе. *—Пргшеч. авт.)* хаос, мы незаметно подменим их ценности на фальшивые и заставим их в эти фальшивые ценности поверить. Как? Мы найдем единомышленников. Найдем союзников и помощников в самой России. Эпизод за эпизодом будет разыгрываться грандиозная по своему масштабу трагедия гибели самого непокорного на земле народа, окончательного, необратимого угасания его самосознания. Литература, театры, кино — все будет изображать и прославлять самые низменные человеческие чувства. Мы будем всячески поддерживать и поднимать так называемых творцов,

которые станут насаждать культ секса, насилия, садизма, предательства — словом, всякой безнравственности.

В управлении государством мы создадим хаос и неразбериху. Мы будем незаметно, но активно способствовать самодурству чиновников, взяточничеству, беспринципности. Бюрократизм и волокита будут возводиться в добродетель. Честность и порядочность будут осмеиваться и никому не станут нужны, превратятся в пережиток прошлого. Хамство и наглость, ложь и обман, пьянство и наркоманию, животный страх друг перед другом и беззастенчивость, предательство, национализм и вражду народов, и прежде всего вражду и ненависть к русскому народу — все это мы будем ловко и незаметно культивировать, все это расцветет махровым цветом. И лишь немногие, очень немногие будут догадываться или же понимать, что происходит. Но таких людей мы поставим в беспомощное положение, превратим в посмешище, найдем способ оболгать, объявить отбросами общества».

Умный и коварный Л. Даллес был хорошим психологом и прекрасно понимал, какие корни народного духа надо подрубать в первую очередь. И сделано было им в этом направлении немало.

В 1975 году администрацией Дж. Форда была создана специальная комиссия во главе с вице-президентом США Рокфеллером по расследованию деятельности ЦРУ. Позже были образованы две комиссии конгресса США — сенатская во главе с сенатором Черчем и комиссия палаты представителей, возглавлявшаяся конгрессменом Пайком.

Материалы официальных расследований деятельности американских спецслужб показывают, что ЦРУ занималась не столько сбором разведывательной информации, сколько вмешательством во внутренние дела многих суверенных государств.

Касаясь этой стороны деятельности ЦРУ, сенатская комиссия конгресса США («комиссия Черча») указывала:

«Тайные операции занимали главное место в деятельности ЦРУ на протяжении большей части истории в ущерб выполнению задачи по сбору и оценке разведывательной информации. Упор на проведение тайных операций, которые поощряли президенты Соединенных Штатов, привел к крайнему засекречиванию, сделавшему возможным такие злоупотребления, как заговоры с целью убийства иностранных государственных деятелей, и испытание наркотических препаратов на людях».

Авторы доклада также вынуждены были признать, что в начале 1960-х годов в ЦРУ было создано специальное

подразделение, предназначенное для организации и осуществления специальных акций по ликвидации неугодных администрации США лиц. Замышлялись покушения на Ф. Кастро (имеются доказательства по крайней мере восьми попыток убрать лидера Кубы. — *Примем, авт.),* Сукарно, Чжоу Эньлая. В 1960 году А. Даллес отдал приказ убить премьер-министра Конго П. Лумумбу, для чего из Вашингтона в эту страну со специальным ядом был направлен один из руководителей американской разведки.

Подтвердилась связь ЦРУ с американской мафией с целью проведения переворотов и устранения политических деятелей. Так, в августе 1960 года А. Даллес утвердил планы привлечения американской мафии к операции против Ф. Кастро.

Как известно, вторжение на Кубу было последней тайной операцией А. Даллеса. Он начал разрабатывать ее еще при президенте Эйзенхауэре и продолжил при Дж. Кеннеди, который, как и другие представители правящей верхушки США, был явным сторонником уничтожения существующего политического режима на Кубе. У А. Даллеса была особая заинтересованность в осуществлении намеченного плана. Он надеялся укрепить свои позиции при новой администрации очередным успехом в Карибском море и превратить Кубу в базу борьбы с противниками американского режима во всей Латинской Америке. 19 апреля 1961 года, по словам самого А. Даллеса, был худшим днем в его жизни. Это была его личная трагедия и самая драматичная неудача США. Наступил конец эры Аллена Даллеса. Будучи долгие годы вне всякой критики, ЦРУ и ее директор вдруг сразу стали объектом жесточайших нападок со всех сторон. Первый удар последовал от самого президента Дж. Кеннеди: «Я, вероятно, допустил ошибку, сохранив Аллена Даллеса. Даллес обладает огромными способностями. Но я никогда не работал с ним, и мне сложно оценить смысл того, что он говорит. Даллес — легендарная личность, а с легендарными личностями крайне трудно работать эффективно. Я допустил ошибку, поставив Бобби (брат президента. — *Примем, авт.)* во главе министерства юстиции. Бобби должен быть в ЦРУ».

Карьера А. Даллеса как разведчика закончилась. Он, правда, успел поработать в комиссии по расследованию причин поражения в заливе Кочинос. Благодаря его усилиям удалось избежать изъятия тайных операций из ведения ЦРУ и ограничения его функций сбором разведывательной информации. Дж. Кеннеди принял доводы А. Даллеса и все оставил в ЦРУ по-старому, сменив только руководство. 27 сентября 1961 года в своей речи по поводу отставки А. Даллеса Дж. Кеннеди высоко

оценил его заслуги: «Я не могу назвать никого другого, кто бы служил стране с большим мужеством и самоотверженностью, чем Аллен Даллес». Р. Биссел, заместитель директора ЦРУ по планированию, назвал А. Даллеса «непревзойденным специалистом в деле создания разведки и повышения ее эффективности».

Оценивая работу А. Даллеса в качестве разведчика еще времен Второй мировой войны, генерал-майор Д. Эйзенхауэр называл его «несомненно, наиболее выдающимся американским профессиональным разведчиком своего времени, хотя и более склонным к оперативному сбору и анализу информации, чем к долговременным разведывательным проектам». Став руководителем ЦРУ, он считался там разведчиком-мозговиком и получил прозвище Великий старик.

В штаб-квартире ЦРУ в Лэнгли в главном вестибюле здания возвышается бюст А. Даллеса — апологета тайных операций, дух которого и поныне веет над ЦРУ.

Таким образом, можно констатировать, что после окончания Второй мировой войны, когда были сокрушены планы фашистского мирового порядка, человечество не обрело мир и покой, а оказалось перед реальностью другого, уже «нового мирового порядка». Сформировались могущественные силы, имеющие многочисленные легальные и нелегальные структуры, которые последовательно проводили в жизнь политическую доктрину безусловного господства одной сверхдержавы. То, что не удалось фашистской Германии, на протяжении десятилетий настойчиво, хотя и иными средствами, добивались Соединенные Штаты Америки.

Деятельность Центрального разведывательного управления США, как основного органа агентурной разведки и осуществления подрывных акций, всегда подчинялась и способствовала выполнению американских стратегических интересов.

В своей книге «Кто правит Америкой» американский социолог У. Домхофф отмечал, что «с момента своего рождения и на протяжении дальнейшей истории ЦРУ находилось под контролем высшего класса и функционировало в механизме элиты власти». А гораздо позднее, 15 августа 1989 года, газета «Крисчен сайенс монитор» признавала: «Великое долларовое наступление на Советский Союз успешно развивается. 30 тысяч ядерных боеголовок и оснащенная по последнему слову техники самая большая армия в мире оказались не в состоянии прикрыть территорию своей страны от всепроникающего доллара, который уже наполовину уничтожил русскую промышленность, добил коммунистическую идеологию и разъел советское общество».

В отличие от задач, которые стояли перед ЦРУ, Первому главному управлению КГБ в те годы ставились задачи именно сбора и аналитической оценки разведывательной информации. Среди них можно назвать такие, как своевременное выявление планов подготовки возможного нападения на СССР и конкретных мероприятий в области военных приготовлений; получение достоверной информации о создании новых видов стратегического оружия, способного изменить существовавший баланс сил, и о развитии наиболее перспективных областей науки и техники; добывание разведывательных сведений о политических и подрывных планах ведущих капиталистических стран в отношении СССР и стран социалистического содружества и о развитии событий в кризисных ситуациях.

Советская разведка была призвана воздействовать на соответствующие правительственные круги в ряде регионов с целью углубления разрядки напряженности международных отношений, отслеживать в этих кругах соблюдение заключенных межправительственных соглашений и содействовать их выполнению, а также создавать благоприятную атмосферу для встреч в верхах.

Таков был круг задач разведки в области информационной работы и проведения активных мероприятий против наших главных противников, которые решал коллектив разведчиков, возглавляемых А.М. Сахаровским.

Этот круг задач был определен решением ЦК КПСС от 30 июня 1954 года «О мерах по усилению разведывательной работы органов государственной безопасности за границей». Было предложено сосредоточить усилия на организации разведки в главных странах Запада — США и Англии, а также на «используемых ими для борьбы против Советского Союза странах, в первую очередь — Западной Германии, Франции, Австрии, Турции, Иране, Пакистане и Японии».

Совет Министров в том же году утвердил «Положение о Первом главном управлении КГБ», которое закрепляло его право на ведение разведывательной деятельности за рубежом, определяло структуру внешней разведки, ее функции, задачи, штатный состав. Принятые в 1954 году нормативные документы долгие годы служили основной правовой базой работы внешней разведки. Но, несмотря на наличие такой базы, начальнику ПГУ А.М. Сахаровскому приходилось работать в очень сложных условиях.

Последовавшая за кончиной Сталина в марте 1953 года борьба за лидирующее положение в руководстве страны отрицательно сказалась на деятельности внешней разведки.

Рвавшийся к единоличной власти Берия провел неоправданные с точки зрения интересов работы разведки реорганизации и чистки. Многие оперативные работники «легальных» резидентур были отозваны, часть из них уволена; подверглась чистке агентурная сеть, с рядом источников была прекращена связь. Это привело к их потере для разведки.

После отстранения Берии последовали указания руководства страны о восстановлении жизнедеятельности разведки, о кардинальной перестройке ее работы, искоренении применявшихся ранее незаконных методов, о подконтрольности государственным и партийным органам.

Однако ни для кого не является секретом, что Н.С. Хрущев, укрепив свое положение лидера партии и приняв на себя с начала 1958 года руководство Советом Министров СССР, все в большей мере стал проводить авторитарную политику на международной арене, не слишком прислушиваясь ни к мнению Ю.В. Андропова, ни Б.Н. Пономарева, ни А.А. Громыко, ставшего в начале 1957 года министром иностранных дел Советского Союза, ни тем более начальника Первого главного управления КГБ.

И все же единственной силой, которой до середины 1980-х годов удавалось успешно противостоять многоплановой подрывной деятельности США и ее союзников, являлись органы государственной безопасности СССР.

Следует отметить, что, в отличие от ЦРУ США, которое «функционировало в механизме элиты власти», КГБ СССР был лишь инструментом, исполнявшим политическую волю ЦК КПСС. И не случайно его именовали «вооруженным отрядом партии». И был он не «всевластным», и не «всесильным», поскольку полностью подчинялся либо партийному лидеру, либо высшему партийному руководству в целом. Первое главное управление в тот период было лишь «проводником» внешнеполитической деятельности страны на международной арене.

Такое сравнение ни в коей мере не может умалять значимость внешней разведки в системе государственной безопасности. Секретная информация, которую получала разведка, помогала расставить акценты на уже имевшейся картине обстановки в противоборствующих странах и подтверждала либо в корне изменяла представление о ней.

И здесь роль начальника внешней разведки была особенно значительной. Ведь только он окончательно решал, какие из многочисленных информационных сообщений могут представить интерес для правительства, а какие следует перепроверить. Таким образом, именно начальник разведки нес ответственность за переданную или не отправленную в высшие органы власти

информацию. Эта ответственность предполагала в свою очередь доверие высших органов власти к своей внешней разведке.

Тот факт, что должность руководителя внешней разведки является одной из важнейших в стране, требует от ее руководителя быть в курсе всех внешнеполитических событий и направлять коллектив разведки на защиту интересов государства, а не сиюминутных политических соображений и при помощи своей профессиональной квалификации доказывать руководству страны важность получаемой информации.

А.М. Сахаровский обладал всеми необходимыми качествами, которые требовались в то время от сотрудников разведслужбы высшего звена: у него была глубокая осведомленность о состоянии дел во всех внешнеполитических сферах, прогрессивный подход к использованию последних достижений науки и техники в разведке, правильное понимание управленческих и кадровых проблем.

Он воздействовал на подчиненных силой своей личности, соединяя в себе высокую ответственность, а также богатый жизненный и профессиональный опыт. Он предоставлял сотрудникам максимум возможности для самостоятельного решения поставленных задач и проявления при этом инициативы, не упуская бразды правления из своих рук и полностью контролируя расстановку кадров. Сахаровский многое сделал для решения социальных вопросов в ПГУ КГБ, включая медицинское обслуживание, жилищные проблемы и улучшение условий службы и отдыха.

Сахаровский не сомневался в верности выбранного партией пути и поэтому он не был политиком в полном смысле этого слова, т.е. не пытался обсуждать и влиять на решение политических проблем, а нацеливал коллектив разведки на безусловное выполнение поставленных партией задач.

Особенно наглядно проявлялась роль начальника внешней разведки Советского Союза в развитии сотрудничества с разведками стран социалистического содружества. Это было совершенно новое направление в деятельности нашей разведки, и оно видоизменялось по мере становления в соцстранах государственных структур, возникновения и укрепления органов безопасности, в которые входили и их внешние разведки.

На первых порах это была помощь, главным образом советническая, в создании и укреплении органов разведки молодых социалистических государств, передача им накопленного опыта, помощь в подготовке кадров, оснащении средствами оперативной техники.

Сотрудничество разведок социалистических стран, за

сравнительно небольшой срок их существования, прошло сложный путь от простых форм обмена информацией до проведения совместных операций по всем направлениям разведывательной деятельности, включая и агентурную работу по проникновению в объекты разведывательной заинтересованности. Год от года оно становилось все более целеустремленным и взаимополезным. Повышались его оперативная эффективность и результативность. По существу, это было взаимодействие равноправных специальных служб дружественных государств. Оно отвечало интересам этих стран, способствовало укреплению их внешнеполитических позиций в мире.

Сотрудничество внешней разведки с органами безопасности соцстран следует прежде всего рассматривать как одну из форм связей Советского государства с братскими государствами, которое подчинялось общим принципам и нормам, существовавшим в отношениях между ними.

Во многих своих выступлениях перед руководящим составом начальник внешней разведки КГБ Сахаровский отмечал, что отношения с друзьями — сложная область деятельности, требующая такта, выдержки, тонкого оперативного и политического чутья, всесторонних знаний.

Он стремился к тому, чтобы это сотрудничество «день ото дня наполнялось глубоким содержанием, обретало четкие формы, выливалось в конкретные совместные оперативные действия, носило по-настоящему деловой характер и являлось полезным для обеих сторон». При переговорах делегаций внешних разведок на различных уровнях, при разработке совместных планов и согласовании конкретных мероприятий он требовал, чтобы предусматривалось полное взаимопонимание и, как правило, равные взаимные обязательства сторон. А.М. Сахаровский требовал от подчиненных, чтобы не на бумаге, а в повседневной практике механизм взаимодействия спецслужб постоянно развивался, постепенно переходя от передачи накопленного разведывательной службой нашей страны опыта к совместным оперативным действиям.

Вместе с тем следует отметить, что взаимное сотрудничество между разведывательными службами вовсе не означало полной «прозрачности» в их оперативной деятельности. Каждому профессиональному разведчику понятно, что требование прозрачности отношений в области разведывательной деятельности ставит под вопрос безопасность и эффективность ее работы, а поэтому она неприемлема.

В первые послевоенные годы сотрудники советских спецслужб, выполняя свой, как они считали, интернациональный

долг, активно участвовали в становлении национальных служб безопасности Болгарии, Венгрии, ГДР, Польши, Румынии, Чехословакии, Кубы, Югославии, КНДР.

В течение 1957—1958 годов аппараты старших советников КГБ в этих странах были преобразованы в аппараты старших консультантов КГБ, а в 1962 году Политбюро ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли решение о создании на их базе представительств КГБ при органах безопасности стран социалистического содружества.

Юридическую основу взаимодействия разведок соцстран, как и раньше, составляли двусторонние межведомственные соглашения, центр тяжести сотрудничества постепенно переносился на поддержание полностью равноправных контактов и координацию совместных оперативных действий.

Соглашения с органами безопасности дружественных стран не были однотипны. Они составлялись с учетом достигнутого уровня сотрудничества и специфики задач, поставленных перед ними руководством страны, квалификации их личного состава и других факторов.

В преамбуле соглашения формулировались политические цели сотрудничества, а именно: обеспечение безопасности Советского Союза и соответствующей социалистической страны, а также борьба со специальными службами империалистических государств в интересах обеспечения безопасности социалистического содружества.

В статьях соглашения, предусматривавших конкретные обязательства сторон, определялись и основные формы сотрудничества. Оно наделялось в основном следующими функциями:

— обмен разведывательными сведениями по вопросам, представлявшим взаимный интерес;

—согласование предложений по проведению совместных разведывательных мероприятий;

— оказание необходимой помощи в повседневной оперативной работе органам внешней разведки.

При А.М. Сахаровском была выработана соответствующая методика сотрудничества между внешними разведками дружественных стран. В рамках разведок постоянно осуществлялся двусторонний обмен мнениями на уровне начальников главных управлений (управлений, служб), оперативных и оперативно-технических отделов по основным проблемам и текущим вопросам совместной разведывательной работы. Особое место в этой форме сотрудничества занимали встречи и переговоры руководителей разведок. Важность таких

встреч очевидна, поскольку на них решались главные вопросы, а также, в зависимости от складывавшейся международной обстановки, согласовывались новые меры по добыванию актуальной разведывательной информации, что подчас было связано с переориентированием зарубежных аппаратов, формированием новых резидентур или усилением действующих.

Двусторонние встречи, как правило, предварительно согласовывались и планировались на год вперед, обусловливалось количество встреч, место их проведения, а также участники и главные вопросы переговоров. Проведению переговоров на всех уровнях предшествовала тщательная подготовка к ним в соответствующих подразделениях разведки, в процессе которой намечался круг вопросов для обсуждения и позиция советской стороны. Непременным условием подготовки к таким переговорам являлся учет таких факторов, как реальные возможности разведок соцстран и готовность к совместным действиям по предлагаемым к обсуждению разведывательным проблемам.

В вопросах организации деловых встреч как в Москве, так и на территории соцстран большую роль играли представительства КГБ при органах безопасности социалистических стран. В практике сотрудничества было установлено такое правило: прежде чем рассматривался вопрос об организации встречи, необходимо было предварительно через представительство Комитета изучить круг проблем, подлежащих рассмотрению, и возможности их решения. И только при наличии достаточных оснований начиналась подготовка к встрече. При планировании деловых встреч оперативная необходимость выступала главным критерием их проведения.

При этом сотрудникам представительств КГБ предписывалось при выполнении своих обязанностей учитывать местные условия и запрещалось «давать советы и рекомендации по проблемам, не имеющим отношения к оперативной деятельности».

А.М. Сахаровский прекрасно знал требования, которые предъявлялись к руководящим сотрудникам представительств, прикомандированных к органам разведки дружественных стран, поскольку сам работал в Румынии в этом качестве. Он стремился к тому, чтобы кадровый аппарат разведки подбирал для работы в соцстранах сотрудников с многолетним опытом работы и обладавших обширными политическими и страноведческими познаниями. Все они были в состоянии дать точную и аргументированную оценку обстановки, в том числе и в области внешней политики. Получая проверенную информацию, они взвешенно оценивали сложившееся в стране положение дел и

часто излагали существо проблем независимо от сведений, получаемых по дипломатическим каналам. Расхождение точек зрения между ними не всегда приветствовалось как руководством КГБ, так и в партийных органах.

Сахаровскому неоднократно приходилось поддерживать отчеты своих коллег в вышестоящих органах, так как он понимал, какие опасности и преграды приходилось преодолевать сотрудникам при получении этой информации. Причем, если представители КГБ, послы и дипломатические сотрудники получают чаще всего информацию, подготовленную в эшелонах власти, то Александр Михайлович нацеливал своих сотрудников на то, чтобы они регулярно под держивали живую связь с соответствующими лицами, имеющими доступ к интересующей нас информации на местах и обменивались с ними мнениями и соображениями по существующим проблемам. Лишь тогда, подчеркивал он в своих выступлениях, когда получающие информацию сотрудники не станут подгонять реальные данные под мнение высоких руководителей, обработчики информации смогут получить объективную картину при анализе полученных материалов.

Сахаровский считал, что к неписаным законам работы сотрудника внешней разведки в составе представительства КГБ в соцстранах относится требование, в соответствии с которым ни один ее сотрудник не имеет права навязывать свое видение проблемы представителям власти страны своего пребывания. Вместе с тем они должны с достаточной степенью настойчивости отстаивать достоверность получаемой информации, несмотря на то, что она может не совпадать с официальной точкой зрения партийного и государственного руководства.

Этим руководствовался и сам Александр Михайлович во время работы в Румынии, отношения с руководством которой проходили не всегда гладко, имели свои подъемы и спады, обусловленные, как правило, особой позицией румынского руководства по ряду внутренних и международных проблем, по вопросу о роли и месте Румынии в социалистическом содружестве.

Сахаровский понимал, что под влиянием своего исторического опыта румыны крайне болезненно воспринимают высокомерное, а тем более пренебрежительное отношение к своей нации, своему государству и к себе лично. Они не терпят давления, с какой бы стороны оно ни исходило — от врагов или друзей.

К сожалению, это не всегда совпадало с волюнтаристским внешнеполитическим курсом Н.С. Хрущева. Автор книги

«Румыния. Инакомыслящий союзник России» Д. Флойд считал, что «одной из причин ухода Хрущева от власти в октябре 1964 года была его неспособность навязать Румынии свой диктат». Д. Флойд, в частности, писал: «Борьба между Хрущевым и Георгиу-Дежем оставалась незамеченной большинством западных обозревателей вплоть до 1964 года. Дебаты, происходившие за закрытыми дверьми во время совещаний СЭВ в 1962—1963 годах, достигли своего апогея в 1964 году, когда румыны открыто отошли от советской позиции».

Это, конечно же, только версия автора книги, но то, что Румыния всегда отличалась от других стран социалистического содружества степенью и длительностью своего «сопротивления советской экспансии», подтверждается относительной независимостью румынской экономики от советской, которая была достигнута путем «тихой революции» и, в отличие от выступлений оппозиции Югославии и Албании, была гораздо лучше подготовлена.

Формы и методы проведения Румынией «особого» курса оставались такими же, какими пользовалась эта страна на протяжении всей своей истории: дипломатическая «акробатика» и удачное использование момента. Менялись только правительства. Даже проигрывая в политических дебатах, румыны всегда оставались верны своей позиции в экономической жизни страны.

Взаимодействие с разведывательным органом Румынии осуществлялось в достаточно большом объеме с 1950 года. В соответствии с межведомственным соглашением советская сторона оказывала румынским спецслужбам всестороннюю помощь в подготовке кадров и организации разведывательной деятельности. В августе 1965 года окружение Чаушеску пожелало прекратить сотрудничество между органами безопасности обеих стран, в том числе и между внешними разведками. С тех пор вплоть до падения режима Чаушеску ни одна из сторон не поднимала вопроса о возобновлении контактов.

Непросто складывались и развивались отношения между разведками Советского Союза и Венгрии.

В 1953 году венгерское партийно-государственное руководство осуществило слияние управления госбезопасности, в состав которого входила молодая разведслужба, с МВД Венгерской Народной Республики. Это ослабило внешнюю разведку, так как около половины ее сотрудников было переведено в другие подразделения единого МВД для их усиления. И тем не менее с помощью советских советников и консультантов к 1956 году в основном завершилось становление венгерской разведки, усилия которой постепенно стали

приносить положительные результаты. В соответствии с рекомендациями совещания руководителей органов госбезопасности социалистических стран, состоявшегося в Москве в 1955 году, основное внимание венгерской разведки было сосредоточено на противодействии спецслужбам США, Англии, Западной Германии и Австрии. Именно от них в тот период исходила серьезная угроза социалистическому режиму в Венгрии —хотя бы потому, что они активно использовали в своих интересах почти два миллиона венгерских эмигрантов. В частности, правящие круги США и других стран Запада с помощью своих разведывательных служб вели широкомасштабную и тщательно спланированную деятельность по провоцированию ухудшения венгеро-советских отношений и формированию в Венгрии единого блока антиправительственных сил.

К моменту начала венгерских событий, Сахаровский только что был утвержден ЦК КПСС в должности начальника советской внешней разведки. И именно в этот период Александр Михайлович приобрел первый опыт тесного взаимодействия в кризисных ситуациях высшего политического руководства страны, ее дипломатической службы, Комитета государственной безопасности и внешней разведки.

Важнейшие политические решения во время венгерских событий принимались Сусловым, Маленковым и Аристовым, а военные — Жуковым и Коневым. Активно работала по своей линии группа Комитета государственной безопасности во главе с его председателем Серовым. Но и начальник внешней разведки, и советский посол в Венгрии не были в стороне ни от происходивших там событий, ни от принимавшихся решений.

Послом СССР в Венгрии в то время был Ю.В. Андропов, назначенный на этот пост в конце 1954 года, когда положение в стране было уже достаточно сложным и потенциально взрывоопасным. Юрий Владимирович крайне серьезно относился к своим обязанностям. Он с большим старанием изучал венгерский язык, историю и культуру Венгрии, имел широкий круг знакомых в различных слоях венгерского общества, поддерживал тесные контакты с политическими лидерами страны. И коллеги Андропова по посольству, и венгерские представители не без основания отмечали высокий уровень его образованности.

Следует отметить, что до назначения в Венгрию Ю.В. Андропов некоторое время возглавлял в МИДе 4-й европейский отдел, в компетенцию которого входили вопросы отношений с Польшей и Чехословакией. Он не понаслышке знал о формах и

методах уже развернувшейся холодной войны и поэтому внимательно изучал происходившие в Венгрии процессы не только в политической и хозяйственной областях, но даже в обычных житейских и частных вопросах.

Андропов и Сахаровский были очень похожи в своем скрупулезном отношении к порученным им важным государственным делам, вне зависимости от того, какой пост они занимали. Но были между ними и существенные различия.

Юрий Владимирович всегда стремился к активной политической деятельности. Он отличался от своих предшественников на постах и в МИДе, и в аппарате ЦК КПСС, и в КГБ широтой и глубиной интересов. Он хорошо разбирался в основных аспектах внутренней и внешней политики, в идеологических и теоретических проблемах, являлся сторонником необходимости радикальных перемен и реформ.

Александр Михайлович был в большей степени профессионалом-практиком. У него всегда на первом месте было решение проблем, связанных с деятельностью разведки. Он свято следовал неписаному закону любой из разведывательных служб, согласно которому каждый должен знать лишь то, что ему положено знать. Следует подчеркнуть, что такое разумное ограничение часто предотвращает взаимные упреки и обвинения, когда секретные сведения становятся достоянием гласности.

Таким образом, Андропов и Сахаровский как бы взаимно дополняли друг друга. А началось это взаимопонимание с венгерских событий. Они оба четко представляли себе, что эти события были заранее спланированы, согласованы и скоординированы центрами идеологических диверсий западных стран. Уже тогда им было ясно, что нагнетание напряженности в Румынии, Польше, ГДР, а затем и в Венгрии, являлось попыткой противопоставить социалистическому общественному строю в СССР различные модели социализма.

В этой связи интересно отметить, что, выступая 26 сентября 1964 года в Берлине на международной научной конференции, посвященной 100-летию I Интернационала, Ю.В. Андропов подчеркивал:

«Не вызывает сомнений, что в наши дни национальный фактор превратился как в идеологии, так и в политике в важную силу, которую коммунисты не могут не учитывать. Наши противники даже заговорили о том, что именно национализму суждено стать плотиной, которая остановит дальнейшее движение коммунизма».

Говоря о борьбе с идеологическими диверсиями, Ю.В. Андропов отмечал, что в этой борьбе есть две стороны—внешняя

и внутренняя. Что касается внутренней стороны вопроса, то он обращал внимание на направленность их на людей, чьи взгляды и поступки противоречат нашей морали, нашим законам. Подобные взгляды, считал Андропов, могут вызываться недостаточной идейной закалкой и политическими заблуждениями, религиозным фанатизмом и националистическими пережитками, житейскими трудностями и моральным разложением, а то и просто нежеланием трудиться. Именно таких людей держит противник под прицелом идеологической диверсии.

Что касается внешней стороны, то органы госбезопасности призваны ограждать интересы советского общества, нацеливая свои удары против действий главных организаторов идеологических диверсий—против спецслужб западных государств. Борьба с ними, как считал Андропов, должна носить самый решительный и бескомпромиссный характер. Такую борьбу и вела внешняя разведка под руководством Сахаровского.

Анализируя события осени 1956 года, необходимо учитывать, что в Венгрии тогда резко активизировали свою подрывную работу разведслужбы стран НАТО. Бурную деятельность развернули представители венгерских эмигрантских организаций за рубежом, рассчитывая на реставрацию в Венгрии довоенных порядков. Радиопропаганда на венгерском языке в те дни не ограничивалась критикой социалистического строя, но содержала конкретные указания: какие требования выдвигать в политической борьбе и как действовать вооруженным группам, вплоть до подробных инструкций, как изготовить самодельные горючие смеси и взрывные устройства для борьбы с советскими танками.

Разведорганы стран НАТО вербовали у себя бежавших из Венгрии молодых людей и засылали их обратно для выполнения конкретных заданий. Вблизи Вены были созданы лагеря для венгерских беженцев, которые стали своеобразными рассадниками преступности не только в Австрии, но и в других странах Западной Европы.

Важная роль в обеспечении разведывательных операций отводилась резидентурам западных разведок, действовавшим под прикрытием дипломатических миссий в Будапеште. Совместными усилиями венгерских и советских разведчиков и контрразведчиков было выявлено на начало 1956 года 44 сотрудника западных спецслужб. Например, под прикрытием посольства США действовали 15 разведчиков, Англии — 7, Франции — 6, Израиля — 5.

Воссоздание венгерской разведки и восстановление сотрудничества с ней началось сразу же после подавления

восстания. Уже в конце ноября 1956 года начал функционировать ее центральный аппарат из 30 человек. В течение 1957 года с помощью советских спецслужб была налажена нормальная работа большинства представительств венгерской разведки за рубежом. Все последующие годы взаимодействие крепло и развивалось поступательно на равноправной основе с учетом уроков трагических событий 1956 года.

В 1960-е годы капиталистические державы еще не решались на фронтальное столкновение с социалистической системой. Они делали основной упор на подрыв единства стран восточного блока. Определив Чехословакию как наиболее слабое звено в социалистическом содружестве, Запад сконцентрировал усилия на расшатывании устоев неокрепшего нового общества в ЧССР, сделав ставку на реставрацию в ней буржуазной республики «мирным путем» — силами внутренней контрреволюции.

В реализации данного курса противник первостепенную роль отводил своим разведывательным и другим специальным службам, действовавшим под их контролем центрам идеологических диверсий, а также реакционным эмигрантским организациям.

Не следует забывать, что это был разгар холодной войны, период жесткого противостояния двух враждебных друг другу военно-политических блоков — НАТО и Организации Варшавского договора.

Сахаровский получал обширную информацию о политической и оперативной обстановке в Чехословакии. Он знал, что еще в начале 1950-х годов чехословацкая разведка пережила две основательные кадровые чистки, в результате которых она лишилась около 80 процентов своего руководящего и оперативного состава. Это были отголоски внутриполитических событий февраля 1948 года, когда трудный и напряженный этап борьбы за политическую власть завершился победой чехословацких трудящихся, во главе которых была КПЧ.

Сахаровский знал, что руководство МВД ЧССР располагало информацией о подрывной деятельности реакции внутри страны, но не придавало ей должного значения. Более того, аппарат ЦК КПЧ, особенно после смерти К. Готвальда, не уделял должного внимания работе органов государственной безопасности, несмотря на активизацию антисоциалистических сил в стране. Напротив, широкое распространение получило мнение о необходимости отстранения МВД от борьбы с идеологическими диверсиями, как деятельностью, не входящей якобы в его компетенцию.

Однако центральный аппарат советской внешней разведки

под руководством Сахаровского прилагал максимум усилий для укрепления связей с чехословацкими коллегами.

Взаимодействие окончательно стабилизировалось после 1955 года, когда на совместной разведывательной деятельности стала благотворно сказываться реализация решений состоявшегося в марте того же года в Москве Совещания руководителей органов государственной безопасности европейских стран народной демократии. С тех пор и до середины 1960-х годов советские и чехословацкие разведчики действовали рука об руку в сфере совпадающих национальных интересов своих государств. Например, в этот период было совместно выявлено и обезврежено не менее двух десятков агентов западных спецслужб, пресечены или использованы в оперативных целях их вербовочные подходы к почти 300 советским и чехословацким гражданам, разоблачено и выдворено из Чехословакии 12 кадровых сотрудников разведок США и стран Запада.

И все же с середины 1967 года были парализованы основные звенья государственной политической системы ЧССР: деятельность Президиума ЦК КПЧ, Национального собрания, правительства Национального фронта. Органы исполнительной и законодательной власти, по существу, перестали выполнять свои функции к ноябрю 1967 года. ЦК КПЧ и его аппарат бездействовали. В самом центральном партийном органе создалась обстановка подозрительности и взаимного недоверия.

Продолжавшиеся многие месяцы разлад и противоречия в ЦК КПЧ вылились в январе 1968 года в политический кризис, причины которого были тесно связаны с наличием в партии оппозиции, образовавшейся еще после XII съезда КПЧ (1962 год). Кроме того, руководство партии недооценило опасность западной политики «наведения мостов». Отдельные руководители даже содействовали ее претворению в жизнь, расширив сотрудничество с Западом и сведя на нет идеологическую работу.

Утром 21 августа 1968 года в Чехословакию были введены войска пяти стран Варшавского договора — Болгарии, Венгрии, Польши, ГДР и Советского Союза. На улицах Праги появились танки и другая бронетехника.

С того времени в открытой печати, как в западной, так и в российской, появилось множество публикаций, в основе которых лежит крупное совместное оперативное мероприятие — ввод войск на территорию суверенного государства. Оценка этого факта существенно разнится: здесь и тезис о «вероломстве» пяти стран, и подавление «пражской весны», и акт агрессии против независимого государства. Нередки публикации и иного содержания, в которых подробно описывается, как готовилась

контрреволюция в Чехословакии и кто был ее вдохновителями, изучаются уроки кризисного развития в Компартии и в обществе в целом, повествуется о формах и методах подрывной деятельности.

К сожалению, во многих из этих публикаций допускается грубая методологическая ошибка, которая состоит в том, что «чехословацкий кризис» рассматривается не с позиций того времени, а в контексте современных, существенно изменившихся обстоятельств, далеких от прошлого. Сахаровский, например, был убежден в правильности и своевременности ввода войск, так как советская внешняя разведка, как орган государственной безопасности, не могла оставаться в стороне от урегулирования возникшего тогда кризиса, затрагивавшего национальные интересы СССР и его союзников.

Как известно, в сентябре 1949 года западные державы пошли на раскол Германии, что привело к образованию ФРГ и ГДР.

8 февраля 1950 года в ГДР был принят закон, согласно которому Главное управление по защите народного хозяйства МВД было преобразовано в Министерство государственной безопасности (МГБ) ГДР. Ему поручалась «борьба с актами саботажа и диверсиями, а также пресечение деятельности вражеских разведок и их агентуры на территории республики».

С учетом этого руководство Советского Союза приняло решение об установлении официального взаимодействия с новым органом государственной безопасности ГДР и о передаче ему значительной части функций, выполнявшихся с апреля 1945 года на территории Германии соответствующими советскими ведомствами и подотчетными им структурами.

С согласия высшего партийно-государственного руководства ГДР и при содействии МГБ ГДР советская внешняя разведка продолжала самостоятельную оперативную работу с территории Восточной Германии, переориентировав ее на борьбу против западных спецслужб. Берлинская «легальная» резидентура вошла в состав аппарата представителя МГБ (с 1954 года — КГБ) СССР при МГБ ГДР. В этом состояло принципиальное отличие сотрудничества с немецкими друзьями от отношений со спецслужбами других стран Восточной Европы. Там представительства КГБ не вели самостоятельной разведывательной деятельности, выполняя лишь задачи по связи и координации усилий на двусторонней основе.

Внешнеполитическая разведка МГБ ГДР была создана летом 1951 года. Практическая работа по формированию этой структуры была возложена на государственного секретаря МИД ГДР Антона Аккермана. В сентябре того же года при Советской

контрольной комиссии был образован организационно-инструкторский отдел, которому поручалось, в частности, оказание помощи немецким друзьям в создании вышеупомянутой службы. Его первым начальником был назначен прибывший из Москвы полковник Андрей Григорьевич Грауэр.

Андрей Григорьевич быстро завоевал симпатии своих немецких коллег, которым он передавал свой опыт и среди которых был тогда 28-летний Маркус Вольф, ставший впоследствии легендарным руководителем внешней разведки ГДР, которую он возглавлял с 1953 по 1988 год.

В своей книге «Игра на чужом поле» Маркус Вольф так вспоминает период своей учебы у А.Г. Грауэра:

«Он был опытен, и мы ловили каждое слово, когда он рассказывал нам о полной приключений повседневности секретных служб.

Он учил нас создавать службу, разделять ее на отдельные направления и поражать противника в самые чувствительные места.

Позже меня не раз спрашивали: почему Москва создала себе в лице нашей службы немецкого конкурента, который вскоре обрел чувство собственного достоинства и во многом превосходил советскую разведку в Германии? Я полагаю, что в Москве с полным основанием считали: немецкой службе будет в послевоенной Германии легче, чем русским, добираться до определенной информации, которую братская служба будет предоставлять советской стороне.

Так дело и обстояло, по крайней мере поначалу, когда наша служба находилась под полным советским контролем. Мы послушно передавали советникам из СССР всю информацию, даже псевдонимы наших источников. Но постепенный переход к соблюдению правил конспирации, в том числе и в отношениях с советскими коллегами, к тщательному отбору того, что они должны были знать, а чего — нет, не вполне соответствовали позиции «отцов-основателей».

На первом этапе сотрудничества советские советники действительно принимали непосредственное участие в разработке нормативной базы и структуры внешней разведки ГДР, в подборе и профессиональной подготовке кадров, в создании зарубежных резидентур и их агентурных аппаратов. Они щедро передавали свой опыт, оказывали помощь в осуществлении оперативных мероприятий. Советская разведка делилась с немецкими коллегами информацией, получая взамен с каждым годом все более добротный конечный продукт усилий немецких разведчиков.

По мере возмужания восточногерманской разведки взаимодействие с ней советской разведки постепенно переходило от оказания инструкторских и советнических услуг к равноправному и плодотворному сотрудничеству. Уже к концу 1950-х годов внешнеполитическая разведка ГДР, как составная часть её МГБ, обладала блестящими профессиональными кадрами, отличавшимися преданностью своей Родине и способностью к самостоятельному осуществлению сложных комплексных операций.

Интересно мнение руководителя восточногерманской разведки Маркуса Вольфа и о руководителях КГБ и ПГУ того периода, которое он приводит в своей книге:

«После Сергея Круглова, который сменил Берия, пост перешел к Ивану Серову. Он формировал советские структуры в Восточной Германии: организовал штаб-квартиру КГБ в Берлине, назначил представителей КГБ во всех округах ГДР, создал огромный Департамент военной разведки в Потсдаме. Серов был за то, чтобы ГДР сама вела собственные разведывательные и контрразведывательные операции.

Я впервые встретился с ним в марте 1955 года на совещании представителей служб безопасности восточного блока. Он всегда был в мундире — ив буквальном, и в переносном смысле этого слова, и в своих речах всегда сосредоточивался на необходимости объединить наши усилия против общего врага — США.

Моим советским ангелом-хранителем был Александр Панюшкин, бывший посол в Вашингтоне, а позже руководитель Отдела загранкадров в Центральном Комитете КПСС.

Серова на его посту сменил властный и амбициозный Шелепин, который продержался только три суровых года. Его преемником стал Владимир Семичастный. Это был доброжелательный и дружелюбный руководитель. Но за внешней приветливостью скрывался умный, расчетливый, идеологически жесткий человек, который сделал стремительную карьеру в КГБ, сумев занять правильную позицию и перейти на нужную сторону, когда в 1964 году Хрущев был смещен со своего поста, и его место занял Леонид Брежнев. Семичастного мало интересовала внешняя разведка, которую он целиком доверил Александру Сахаровскому, глубоко уважаемому как своими коллегами, так и мной. Впрочем, ко мне лично Сахаровский относился как к сыну, что соответствовало и разнице в возрасте.

Все изменилось к лучшему с приходом Юрия Андропова в качестве руководителя КГБ в 1967 году. Наконец-то появился человек, которым я восхищался, не связанный протоколом и далекий от мелких интриг, которые занимали умы его

предшественников на этом посту. Он был свободен от советского высокомерия, когда автоматически полагалось, что эта великая империя безупречна».

В завершение рассказа о сотрудничестве советской и восточногерманской разведок хотелось бы привести хотя бы один из примеров их успешного взаимодействия не только в оперативной деятельности, но и в отношениях к судьбам своих агентов.

Сахаровский стал исполнять обязанности начальника советской внешней разведки с 23 июня 1955 года. А в июле того же года кабинетом Конрада Аденауэра было принято решение о преобразовании «Организации Гелена» в Федеральную разведывательную службу (БНД), которая стала одним из главных объектов проникновения для восточногерманской и советской разведок.

«Организация Гелена» была создана генерал-майором гитлеровской армии с помощью и при финансировании американских спецслужб в 1946 году и предназначалась для ведения активных разведывательных действий на Востоке. В тот период Гелен насаждал агентуру в расположении военных городков, на железных дорогах, вблизи аэродромов, в министерствах и ведомствах ГДР.

К началу 1950-х годов советская разведка уже располагала солидной информацией как о структуре самой организации, так и о ее агентуре. Когда руководство ГДР решило провести аресты геленовской агентуры, то только в результате первой операции было сразу арестовано более 400 человек, в ходе второй — примерно такое же количество агентов.

Это стало возможным в связи с тем, что в организацию были внедрены перспективные агенты из числа бывших сторонников Гитлера, которые сумели пересмотреть свои взгляды. Вот что пишет об этом в своей книге «Мемуары разведчика» Хайнц Фельфе — один из главных участников развернувшегося во времена холодной войны сражения между восточногерманской и западногерманской разведками:

«Понятие “предательство” всегда связано с позором человека и делает его имя гнусным. Этот ярлык хотели наклеить и на мое имя. Но я ничего не предал, наоборот, я остался верен своим новым взглядам, доставшимся мне так нелегко, а именно пониманию необходимости использовать все свои знания и все свое умение, свои старые связи, чтобы помочь Советскому Союзу в его тяжелой борьбе против развязывания третьей (в этом случае — атомной) мировой войны. И если еще и сегодня некоторые средства массовой пропаганды называют меня предателем, то это

результат раздражения как раз тем, что мне многое удалось, что я сумел внести свой вклад в обеспечение мира на стыке двух больших общественных систем. Они никогда не простят того, что человек из “их” круга, да еще принадлежавший к “элите”, к СС, нашел в себе силы сотрудничать с Советским Союзом».

В августе 1943 года Хайнц Фельфе был принят на работу в 6-е (разведывательное) управление Главного управления имперской безопасности (РСХА). В конце 1944 года его направляют в Нидерланды для организации заброски диверсионных групп в тылы англо-американских войск. В мае 1945 года он сдался в плен канадским войскам, прошел через опросы и допросы и в октябре 1946 года был освобожден.

Спустя несколько месяцев Фельфе начал учебу в Берлинском университете на факультете государства и права в качестве свободного слушателя, одновременно подрабатывал журналистикой. Частые поездки в качестве корреспондента Берлинского радио по Германии, в том числе в советскую зону оккупации, дали ему возможность установить многочисленные контакты.

В этот период под влиянием событий в Западной Германии, да и в мире в целом, произошла переоценка взглядов Фельфе как на историю Третьего рейха, так и на обстановку в стране. На это потребовалось, конечно, время. Он пришел к твердому убеждению, что те силы Запада, которые привели к развязыванию Второй мировой войны, не могут быть гарантами прогресса.

Фельфе приходилось встречаться с советскими журналистами, с офицерами из советской военной миссии в английской зоне оккупации. В ходе общения возникали политические дискуссии. Как журналист, он брал интервью и беседовал с политическими и общественными деятелями Восточной Германии. Шаг за шагом по образу мышления Фельфе шел к тому, что называется «идейной близостью».

В конце 1951 года ему предложили сотрудничать с советской разведкой и, получив согласие, рекомендовали предпринять шаги для устройства на работу непосредственно в разведывательную службу Гелена.

Фельфе с блеском выполнил задание советской разведки. Уже в начале 1956 года он получил ранг правительственного советника и был назначен начальником реферата (начальником отдела. — *Примеч. авт.),* который ведал «контршпионажем против СССР и советских представительств в ФРГ».

В связи с этим назначением оперативные возможности Фельфе существенно расширились. Он принимал участие в составлении еженедельных политических обзоров, которые

западногерманская разведка готовила для федерального канцлера, был в курсе планов правительства по перевооружению ФРГ. В период интеграции Западной Германии во вновь создаваемые западноевропейскими странами союзы и блоки Фельфе информировал советскую разведку о реорганизациях в бундесвере и о его намерении получить доступ к ядерному оружию. Он умело добывал информацию по внешней и внутренней политике руководства страны.

От Фельфе систематически поступала информация относительно разработки западногерманскими спецслужбами советских представителей или предстоящего выдворения некоторых из них из страны. Это позволяло вывести из-под удара тех, кому угрожала опасность.

Противник не мог не анализировать причины срыва своих операций. Он активно искал источники утечки информации. Весной 1961 года над разведывательной группой Фельфе стали сгущаться тучи. Центр выступил с предложением о временной консервации источников, однако руководство представительства КГБ в Берлине настаивало на продолжении работы с ними.

6 ноября 1961 года Фельфе был арестован, а в 1963 году приговорен к 15 годам лишения свободы—самому суровому наказанию в практике западногерманского правосудия, которое получал в ФРГ чей-либо агент.

В ходе длительных переговоров, к которым были подключены представители руководства четырех государств (СССР и ГДР с одной стороны и ФРГ и США — с другой), советской разведке удалось добиться согласия на обмен Хайнца Фельфе.

Зимней ночью 17 февраля 1969 года в районе КПП Херлесхаузен на государственной границе между двумя Германиями произошло событие, которое не освещалось в печати того времени: состоялся обмен суперагента советской разведки Хайнца Фельфе сразу на 21 агента ФРГ и США. Для их доставки к месту обмена спецслужбам ГДР потребовался большой автобус. Среди них 18 человек являлись агентами западногерманской разведки, отбывавшими наказания в тюрьмах ГДР, а трое других западных немцев были пойманы с поличным в СССР и осуждены за шпионаж в пользу США. Руководство советской внешней разведки еще раз доказало, что не бросает в беде друзей.

А вот что по этому поводу пишет сам Фельфе:

«Не хочу скрывать, что положение, в котором я вынужден был пребывать в течение почти десяти лет, требовало отношений особого доверия к моим советским партнерам. Личные отношения и общая политическая программа, которая связывала меня с офицерами советской разведки, помогли мне справиться с

большими трудностями и психологическими нагрузками.

Для меня начиналась совершенно новая жизнь. Дело не только в том, что я был наконец свободен. *Я* вступал в новый мир, к которому мне еще предстояло привыкнуть. Конечно, этот процесс проходил не без проблем. Но мои старые и множество новых друзей делали все, что могли, чтобы я нашел свое место в новой жизни».

Хайнц Фельфе стал гражданином ГДР. Эта страна была его родиной, ибо он родился в столице Саксонии Дрездене. Поселился он в Берлине, стал преподавать криминалистику на юридическом факультете университета, где еще в 1941 году начинал учебу в качестве студента того же факультета. В 1972 году Хайнц Фельфе защитил докторскую диссертацию и получил звание профессора. Он неоднократно бывал в Советском Союзе на отдыхе и лечении.

За большой вклад в укрепление безопасности Советского Союза выдающийся разведчик Хайнц Фельфе был награжден орденами Красного Знамени и Красной Звезды, а также нагрудным знаком «Почетный сотрудник госбезопасности».

В решении ЦК КПСС от 30 июня 1954 года главной задачей взаимодействия с разведками стран народной демократии выдвигалось обеспечение дальнейшего объединения их усилий в работе по главному противнику. В полной мере это можно отнести к сотрудничеству с польскими и болгарскими коллегами.

Однако Александру Михайловичу Сахаровскому в этих, казалось бы, одинаковых условиях приходилось решать принципиально разные задачи.

Польским спецслужбам оказывалась консультативная и советническая помощь в организации и совершенствовании их разведывательных и контрразведывательных органов. С одной стороны, обмен оперативно-политической информацией носил интенсивный характер. С другой — советско-польские отношения всегда развивались достаточно сложно, и в них время от времени имели место определенные обострения. А потому при решении оперативных задач начальнику внешней разведки КГБ приходилось ставить перед собой серьезный для того времени вопрос: «Являются ли польские коллеги стратегическими партнерами или просто попутчиками?»

Сахаровский понимал, что генезис русофобии у поляков восходит к глубокому историческому прошлому. Однако годы Второй мировой войны, совместная борьба против фашизма, казало бы, заложили солидную базу для развития сотрудничества двух славянских народов. Благодаря СССР Польша вновь обрела независимость и государственность. Проводившаяся в

послевоенные годы правящими кругами политика была направлена на добрососедство, примирение, укрепление дружбы и взаимопонимания. На этом пути было сделано немало, однако добиться заметной переоценки ценностей в историческом сознании поляков так и не удалось.

Центры идеологических диверсий Запада, по существу, направляли и координировали деятельность антисоциалистических сил в Польше, оказывали им через различные международные организации мощную моральную и материальную поддержку, организовывали акции давления на польское руководство, используя механизмы экономических и кредитно-финансовых отношений. При этом средства массовой информации стремились изобразить сущность происходящих в Польше событий как стихийные выступления рабочего класса и «демократической оппозиции» без какого-либо вмешательства извне, представить антисоциалистические силы как подлинных представителей всего населения страны, а Польскую объединенную рабочую партию — как партию, утратившую свою руководящую роль в обществе.

Спецслужбы и центры идеологических диверсий Запада, в первую очередь США и ФРГ, сделали соответствующие выводы из венгерских событий 1956 года и чешских событий 1968 года. Их специалисты по подрывной деятельности против социалистических стран Восточной Европы пришли к следующему заключению:

—для успешного ведения подрывной работы в этих странах необходимо «искать базу в рабочем классе», а не только в «диссидентских группировках»;

— выступления «оппозиции» не должны носить характер относительно кратковременного, хотя и бурного всплеска;

—подрывную деятельность следует вести постепенно, поэтапно, по принципу «ползучей эрозии» основ общественно-политического устройства страны.

Как писал в своей книге «Игра на чужом поле» руководитель восточногерманской разведки Маркус Вольф, Ю.В. Андропов «понимал, что военные вторжения в Венгрию в 1956 году, а позже в Чехословакию в 1968 году, свидетельствовали скорее о слабости Москвы, чем о ее силе».

Понимал это и А.М. Сахаровский. Но что он мог сделать в тех условиях работы, о которых писал в своей книге «Руководители Польши глазами разведчика» Виталий Григорьевич Павлов, руководивший с 1973 по 1984 год представительством КГБ при МВД Польской Народной Республики, генерал-лейтенант, отдавший разведке пятьдесят лет жизни:

«Хотя я и был руководителем представительства нашей специальной службы перед польскими спецслужбами, я строго руководствовался указаниями Андропова о том, что никакие разведывательные методы в своей работе применять не должен. Так я и действовал.

У меня не было каких-либо агентов, не было и секретных информаторов, ни с кем из польских друзей и знакомых я никогда не под держивал в Польше конспиративной связи.

Весь мой информационный арсенал состоял из нормального доброжелательного общения, как по линии служебных отношений, так и личного знакомства.

Все, что я узнавал из бесед, порою очень длительных и далеко не всегда конкретных с точки зрения интересовавших меня фактов, я настойчиво собирал, систематизировал, проверял и перепроверял».

В противоположность такой тактике представителя КГБ американцы делали все для ускорения кризисного развития в Польше, одновременно надеясь «на вероятность использования войск ОВД в этой стране». Это позволило бы им еще больше ужесточить свою политику по отношению к Советскому Союзу, сломить сопротивление некоторых западноевропейских союзников в вопросе размещения в Европе новых видов американского ядерного оружия и добиться увеличения военных бюджетов стран Западной Европы.

Кроме того, американцы считали, что в случае попытки решения польского кризиса военным путем была бы значительно ослаблена Организация Варшавского договора в результате вероятного, по их мнению, «сопротивления оккупации со стороны польского населения, возможно даже с участием подразделений польской армии». В связи с этим западная радиопропаганда осуществляла в тот период интенсивную антисоветскую кампанию, направленную на солдат и офицеров Войска польского, которых призывали «оказать самое упорное сопротивление советским войскам и войскам других стран Варшавского договора», представляя дело так, будто принципиальное решение о вводе войск ОВД на территорию Польши уже принято.

Тем самым Соединенные Штаты выполняли свои стратегические планы по отношению к Польше, которые позднее изложил в одном из своих выступлений известный американский политолог Г. Киссинджер: «Польше отводится специальная и весьма деликатная роль. Она не только станет наиболее сильным среди восточноевропейских стран членом альянса (НАТО), но и превратится в ведущего игрока, направленного в будущем на

Восток отнюдь не для войны. Предназначенная Польше роль, отвечающая глобальным интересам США, региональным — Германии и национальным—самой Польше, должна иметь историческое значение».

Более того, некоторые польские политологи считали, что «вступление Польши в НАТО и ЕС представит ей такие шансы в переговорах с Россией, которых она не имела в течение последних 400 лет. Тогдашний правящий класс самым непростительным образом не использовал имевшиеся у него возможности. Он полагал, что преимущества Польши над Россией даны ей на вечные времена».

Таким образом, точка зрения Сахаровского о том, что разведывательная деятельность должна способствовать взаимопониманию между государствами, в том числе и за счет получения достоверной, конфиденциальной информации о действительных стратегических целях внешней политики, не была востребована. В данном конкретном случае эта деятельность являлась «разменной монетой» в решении высшим политическим руководством Советского Союза и Польши конкретных «сиюминутных» задач.

Наиболее тесные взаимодействие и взаимопонимание складывались у советских спецслужб со спецслужбами Болгарии. В «Очерках истории российской внешней разведки» по этому поводу говорится, в частности, следующее:

«Главным направлением взаимодействия советской и болгарской разведок было избрано по обоюдному согласию сторон совместное противодействие США, а также их союзников по НАТО — Турции и Греции. Эта установка была одобрена Политбюро ЦК Болгарской коммунистической партии. И результаты не заставили себя долго ждать.

В 1957 году на территории Болгарии были задержаны и обезврежены 14 агентов спецслужб США, Турции и Греции. В том же году сорвано 25 вербовочных подходов к болгарским гражданам (главным образом к туристам) в Австрии, Греции, ФРГ, Франции и Турции. В 1959 году была пресечена враждебная деятельность еще 19 агентов.

После восстановления дипломатических отношений между США и Болгарией в Софии в феврале 1960 года открылась американская дипломатическая миссия. Среди ее 24 сотрудников вскоре были выявлены и взяты под контроль 8 оперативных работников резидентуры ЦРУ.

Болгарские друзья высоко оценивали нашу помощь в подготовке и повышении квалификации своих кадров. Ежегодно специализированные учебные заведения КГБ принимали на

обучение по разведывательным специальностям 20 сотрудников болгарских спецслужб».

Если обратиться к трудам Института экономики мировой социалистической системы Академии наук СССР, то в его исследованиях, относящихся, кстати, к 1980-м годам, верность Народной Республики Болгарии курсу, согласованному странами социалистического содружества на международной арене, не подвергалась сомнению. Ученые рекомендовали и дальше развивать координацию внешнеполитической деятельности в балканском регионе, основываясь на взаимном учете как особенностей региональной политики НРБ, так и национально-государственных интересов СССР. Как бы здесь пригодилась достоверная информация о стратегических планах правительства Болгарии и ее стремлениях в ЕС и НАТО. Даже предусмотрительный Сахаровский не мог предположить, для кого он готовил кадры в Высшей разведывательной школе и в Краснознаменном институте КГБ.

Чтобы подытожить краткий рассказ о сотрудничестве разведок стран социалистического содружества в разгар холодной войны, обратимся еще к двум группам стран, выбравших в послевоенные годы социалистическую ориентацию и командно-административную систему, подобную той, которая сформировалась в Советском Союзе и в большинстве стран Восточной Европы.

К первой группе относятся Демократическая Республика Вьетнам, Корейская Народно-Демократическая Республика и Куба, которые не только прошли через горнило холодной войны, но и испытали на себе вооруженную агрессию США и их союзников. Советский Союз оказывал этим странам помощь по всем направлениям, в том числе и по линии внешней разведки.

Во вторую группу стран входили Китай, Югославия и Албания. На уровень сотрудничества Советского Союза с этими странами большое влияние оказали личные отношения между Н.С. Хрущевым и соответственно Мао Цзэдуном, И. Тито и Э. Ходжой.

Так, например, первый кризис в советско-албанских отношениях был связан с решением вопроса о нормализации межгосударственных албано-югославских отношений. Действия в этом направлении предпринимались по инициативе Хрущева, но во многом они носили формальный характер и не учитывали того факта, что Югославия в тот период являлась политическим и экономическим антиподом Албании. Официальные декларации Тираны расходились с мнением местных средств массовой информации, считавших Тито «предателем», «врагом албанцев

Косова и Македонии». Не следует забывать и о личной неприязни Ходжи и Тито, которые «слишком много друг о друге знали и слишком плохо друг о друге говорили».

Причиной следующего обострения в советско-албанских отношениях послужили события 1956 года в Венгрии. Иосиф Тито официально поддержал свержение Ракоши и приход к власти Надя. Ходжа же выступил с резкой критикой позиции Югославии по венгерскому вопросу. Албанская партия труда вступила в новую полосу борьбы с «ревизионизмом» (в котором подозревались Югославия и СССР).

Вместе с тем к 1960 году обострились советско-китайские отношения, на которых негативно сказался визит Н.С. Хрущева в 1959 году в США. Китайские руководители выступили с резкой критикой советского лидера за «отход от классовой ленинской линии», за «капитулянтские оппортунистические настроения в отношении американского империализма», за «абсолютизацию мирного пути перехода к социалистическому строю» и за «сотрудничество с югославскими ревизионистами». Албания сразу же встала на сторону Китая.

На ноябрьском (1960 год) Совещании представителей коммунистических и рабочих партий в Москве, где присутствовали делегации от 81 страны, Энвер Ходжа выступил с развернутым изложением албанской позиции по вопросу о мирном сосуществовании государств с различным общественным строем, о многообразии форм перехода к социализму, об отношении к культу личности Сталина и о югославском ревизионизме. Его выступление шло вразрез с оценками большинства участников совещания по данным вопросам. Ходжа подверг острой критике советско-албанские экономические отношения, после чего партийная делегация Албании покинула совещание до его окончания.

По решению советского правительства началось свертывание экономических отношений с Албанией: из страны были отозваны советские специалисты, албанские студенты лишились возможности продолжать обучение в СССР. В ноябре 1961 года Советский Союз отозвал своего посла из Тираны и потребовал аналогичных действий от руководства МИД Албании. В декабре того же года из Тираны выехал весь персонал советских посольства и торгпредства.

Все эти обстоятельства не мог не учитывать в своей работе начальник ПГУ КГБ. А.М. Сахаровский придавал большое значение анализу новых внешнеполитических тенденций во взаимоотношениях между странами. При встречах с оперработниками, прибывавшими в Москву в отпуска, он всегда

интересовался их мнением о положении в стране пребывания, давал дельные советы.

Наиболее характерным примером осложнений во взаимном сотрудничестве спецслужб при изменении внешнеполитических курсов двух стран является история советско-китайских отношений.

В 1964—1969 годах резидентом КГБ в Китае был видный советский разведчик Юрий Иванович Дроздов.

Из биографии разведчика:

Ю.И. Дроздов родился 19 сентября 1925 года в городе Минске (ныне — Республика Беларусь).

Командиром взвода противотанковой артиллерии принимал участие в Великой Отечественной войне. Закончил войну в Берлине, затем служил помощником начальника штаба артиллерийского полка в Германии и в Прибалтийском военном округе.

После окончания Военного института иностранных языков в 1956 году был принят на работу во внешнюю разведку. Являлся оперативным сотрудником в Аппарате уполномоченного КГБ СССР при МГБ ГДР, резидентом в Китае и США. Двенадцать лет возглавлял нелегальное подразделение внешней разведки.

В мае 1991 года генерал-майор Дроздов вышел в отставку по возрасту. Награжден орденами Октябрьской Революции, Красного Знамени, Трудового Красного Знамени, Отечественной войны I степени, Красной Звезды, многими медалями, а

также нагрудными знаками «Почетный сотрудник госбезопасности» и «За службу в разведке».

Ю.И. Дроздов достаточно емко изложил суть изменений в сотрудничестве спецслужб Китая и СССР в своей книге «Записки начальника нелегальной разведки»:

«В декабре 1963 года в кадрах разведки мне предложили прервать учебу на курсах повышения квалификации и начать подготовку к командировке в КНР. Почему выбор пал на меня, не владеющего китайским языком, не знаю, но резкое обострение советско-китайских отношений требовало организации разведывательной работы по КНР, которую мы прекратили в октябре 1949 года, ко всему прочему, передав китайским органам безопасности свою агентуру и совершив недопустимый для любой разведки промах в угоду пожеланиям и просьбам временных союзников. Ошибочность этого шага сказывается и по сей день.

Задача передо мной была поставлена трудная. Ведь с 1949

года китайские разведчики и контрразведчики проходили подготовку у нас, были частыми гостями на Лубянке. Мы широко распахнули им свою душу и раскрыли сокровенные секреты, но не обратили внимания на отдельные особенности действий китайской верхушки.

Дипломаты и разведчики-китаисты еще помнили, что после своего прихода к власти, во время первого парада на площади Тяньаньмынь, Мао Цзэдун сказал Чжоу Эньлаю: “Ну что? Несбыточное, как видишь, с советской помощью осуществилось”. На что Чжоу ответил: “Теперь бы с их помощью и удержаться”. “Удержимся, но не будешь же ты считать их постоянными союзниками? “ — бросил Мао.

Этот вроде бы безобидный обмен мнениями не был случайным, он отражал истинные взгляды Мао Цзэдуна. Как стало известно в ходе последующих наблюдений и сбора данных, слегка оправившись после последней гражданской войны и взяв власть в свои руки, китайское руководство еще в 1952 году развернуло глубоко законспирированную разведывательную работу по СССР, готовило пакет территориальных претензий к Советскому Союзу. Ко всему этому добавлялись острые разногласия по вопросам лидерства и задач международного коммунистического движения, отягощенные еще и отношениями между главами обеих стран.

Начальник Первого главного управления генерал А.М. Сахаровский, напутствуя меня на работу в Пекин, просил быть осторожным, терпеливым, все перепроверять, не забывать об истории Китая и его отношений с Россией, а также об особенностях психологического склада китайцев, который во многом определяет их отношение к другим странам и их поведение с иностранцами».

Вспоминая о том периоде, когда только начинал свой путь резидента в Китае, генерал-майор Дроздов с большой теплотой говорит о Сахаровском, который «находил нужные слова в телеграммах, дававших возможность предупредить ошибку, исправить положение, более четко организовать работу».

В заключение главы хотелось бы сказать несколько слов об отношении А.М. Сахаровского к таким понятиям, как «нравственность разведки» и «нравственность в разведке». Сам, будучи человеком высоконравственным в бытовом, общественном и служебном смыслах этого слова, Александр Михайлович считал, что разведка, как государственная организация, функционирует на основе законов и соответствующих нормативных актов, а не на базе нравственных предписаний.

По отношению к противнику разведывательная деятельность,

впрочем, как и политика, экономика, международные отношения и некоторые другие сферы общественной жизни, не может иметь каких-либо моральных обязательств. Разведка действует по законам той страны, которую она представляет, а не той, на территории которой она действует.

Он считал, что и в отношении дружественных стран надо проводить такую политику, чтобы не прозевать того момента, когда необходимо начинать «включать рычаги» разведывательной деятельности. Здесь он ориентировался на интеллектуальное превосходство советского разведчика, на его умение уловить истинный смысл взаимоотношений. Исторический опыт показывает, что излишняя ориентация на некие общечеловеческие ценности и нравственные начала в холодной войне могут привести «моралиста» если не к преступлению, то к интеллектуальному поражению.

Другое дело — нравственность в разведке. Здесь Александр Михайлович всячески приветствовал проявление высоких моральных качеств как регулятора поведения сотрудников разведки по отношению к своим коллегам и другим согражданам.

Сахаровский категорически не признавал «телефонное» право, устные предписания, которые не увязывались с нравственными нормами, четко различал такие понятия, как ум и хитроумие. Он рассматривал высокие моральные качества советского разведчика как проявление его интеллектуальных способностей, заложенных в нем от природы, развитых за счет воспитания и образования и реализующихся в решении практических, общественно важных задач.

Глава 8. ОНИ СЛУЖИЛИ ВМЕСТЕ С САХАРОВСКИМ

Разведка — это прежде всего люди. Основную часть кадров советской разведки составляли люди безгранично верившие в новое справедливое устройство общества. Действуя на основе патриотизма, а также благодаря преданности и самоотверженности, они решали сложнейшие задачи, стоявшие перед разведкой, накапливали опыт и оттачивали профессиональное мастерство.

Советские разведчики опирались в своей работе не только на простых людей, но и на представителей высших кругов иностранных государств, их интеллигенцию, которые смотрели на Советский Союз как на страну с внешнеполитическим курсом, направленным на упрочение мира, ограничение гонки вооружений и оздоровление международной обстановки.

Разведчики Вильям Фишер (Рудолф Абель), Конон Молодый, Ким Филби, Джордж Блейк, супруги Леонтина и Моррис Коэны и многие другие порой с риском для жизни добывали крайне необходимую информацию для принятия руководством СССР важных стратегических решений в период острых международных конфликтов.

Когда в марте 1954 года был создан Комитет государственной безопасности, ему было предписано «в кратчайший срок ликвидировать последствия вражеской деятельности Берии в органах государственной безопасности и добиться превращения их в острое оружие нашей партии, направленное против действительных врагов нашего социалистического государства, а не против честных людей».

Первым председателем КГБ был назначен генерал-полковник Серов. За два года Серов уволил из КГБ шестнадцать тысяч человек «как не внушающих политического доверия, злостных нарушителей социалистической законности, карьеристов, морально неустойчивых, а также малограмотных и отсталых работников».

Генерал-лейтенант Вадим Алексеевич Кирпиченко в своей книге «Разведка: лица и личности» по этому поводу писал:

«Во время многочисленных совещаний, заседаний и собраний актива Серов громил и разоблачал Берию и его окружение, то есть занимался привычным ему делом — все время надо было кого-то разоблачать, клеймить позором “врагов народа” и призывать к повышению классовой, революционной и чекистской

бдительности. Одновременно выдвигались требования соблюдать законность и партийные нормы в работе.

Когда кампания по разоблачению Берии и чистке чекистских рядов от его единомышленников несколько утихла, Серов начал заниматься и делами разведки, которые находились в запущенном состоянии вследствие волюнтаристских действий Берии. Руководители отделов разведки стали получать какие-то осмысленные указания по работе, началось заново формирование резидентур, поиски сотрудников на роль резидентов».

Следует отметить, что И.А. Серов пользовался доверием Н.С. Хрущева, сопровождал его в зарубежных поездках, принимал непосредственное участие в политической борьбе как на внутригосударственном уровне, так и на международной арене. Так, он участвовал в венгерских событиях 1956 года. В Венгрию он прибыл в составе делегации, в которую входили члены Президиума ЦК: первый заместитель главы правительства Анастас Иванович Микоян и секретарь ЦК Михаил Андреевич Суслов. От внешней разведки в страну был направлен Александр Михайлович Коротков.

Серов руководил оперативной работой органов КГБ в Венгрии. Он дал указание особым отделам дивизий, вступивших в Венгрию, арестовывать всех организаторов мятежа, оказывающих сопротивление Советской Армии с оружием в руках, а также тех, кто подстрекал и разжигал ненависть народа к коммунистам и сотрудникам органов госбезопасности.

В 1957 году в Москве разгорелась борьба за власть между Хрущевым и его сторонниками, с одной стороны, и «старой гвардией» — с другой. 18 июня 1957 года на заседании Президиума ЦК Н.А. Булганин, В.М. Молотов, Л.М. Каганович и Г.М. Маленков предложили Н.С. Хрущеву уйти с поста первого секретаря ЦК. Но Хрущев не собирался подчиняться этому решению. С помощью председателя КГБ Серова и министра обороны Жукова в Москву самолетами военнотранспортной авиации со всей страны были доставлены члены ЦК — сторонники Хрущева. И Хрущев остался при должности.

С Серовым Сахаровскому пришлось работать с июня 1955 по декабрь 1958 года. Будучи человеком резким, грубым и бестактным, а тем более пользовавшимся поддержкой Хрущева, он не особенно церемонился в общении даже с членами советского руководства Микояном, Шверником, Кириченко и другими, а тем более с подчиненными, к которым относился и Сахаровский. К этому можно добавить то, что он имел дружеские отношения с заместителем Сахаровского Коротковым, что накладывало «особое» отношение к его руководителю.

По свидетельству ветеранов внешней разведки, среди сотрудников ПГУ бытовало устойчивое мнение, что начальник ПГУ нередко выслушивал резкие суждения председателя, но никогда не переносил их на коллектив разведки.

Стиль руководства А.М. Сахаровского отличался размеренностью, конкретным подходом к решению принципиальных вопросов, деловитостью и ровным тоном начальника по отношению к подчиненным. Возможно, иногда и у него вырывалось крепкое словцо, но это отнюдь не свидетельствовало о том, что он хочет разрядиться на подчиненных. А это вело к тому, что все неприятности, выслушиваемые Сахаровским в верхах, он глушил в себе. И, конечно, напряженная работа и подобные нюансы в коридорах власти изнашивали нервную систему, отражались и на сердце. В результате Александр Михайлович в последние годы иногда выходил из строя и оказывался на больничной койке.

После И.А. Серова непосредственным руководителем А.М. Сахаровского с декабря 1958 по ноябрь 1961 года был Александр Николаевич Шелепин.

Считается, что быстрая политическая карьера Шелепина началась с должности секретаря Московского горкома ВЛКСМ по военной работе. С началом Великой Отечественной войны он занимался подбором комсомольцев для заброски в тыл немцев. В числе отобранных Шелепиным комсомольцев оказалась и Зоя Космодемьянская, которая стала символом партизанской борьбы молодежи против фашистских оккупантов. На это обратили внимание и Сталин, и первый секретарь ЦК ВЛКСМ Михайлов. Уже в конце 1941 года Шелепин становится первым секретарем Московского комитета комсомола, а в 1952 году — первым секретарем ЦК ВЛКСМ.

Эту должность он занимал шесть лет, старательно формируя свою команду для дальнейшего броска наверх. Хрущев назначил его в апреле 1958 года заведующим отделом партийных органов ЦК КПСС. Подготовленная им записка о перестройке органов государственной безопасности способствовала тому, что на состоявшемся в декабре 1958 года заседании Президиума ЦК КПСС было принято постановление об освобождении Серова от занимаемой должности и назначении председателем КГБ Шелепина.

Став председателем КГБ, Шелепин привел с собой преданных ему комсомольских работников, которых назначил на руководящие должности. Он увольнял из органов тех, чья квалификация (а ее он определял по наличию какого-либо базового образования) не соответствовала, по его мнению,

занимаемой должности.

Считается, что Шелепин большое значение придавал внешней разведке. Так, по его указанию в ЛГУ был образован африканский отдел, а чуть позднее — специальный отдел для координации работы разведки и контрразведки в области электронной разведки.

В действительности, как об этом вспоминают ветераны КГБ и внешней разведки, особой любви к Шелепину они не испытывали. Приведя с собой достаточно большой отряд руководящих комсомольских работников, он тем самым выразил недоверие и неуважение к коллективу, которым должен был руководить. Не зная положения дел на местах, он начал передавать служебные помещения, санатории и дома отдыха КГБ другим организациям, хотя в комнатах, где работали сотрудники не было не только лишних столов, но и стульев. А мечтой простого оперативного работника была возможность провести свой летний отпуск в хорошем санатории на юге.

Положение во внешней разведке с размещением сотрудников, оздоровительными мероприятиями не было благополучным. Однако столь земные материи были очень далеки от Шелепина, и разведчики ощущали это повсеместно.

До прихода Шелепина в КГБ отношение к африканским проблемам в разведке было довольно спокойным, так как основные направления деятельности были сосредоточены на США, Западной Европе и Китае.

Когда в августе 1960 года Шелепин поставил перед руководством разведки ряд задач по Африке, то с удивлением узнал, что в ПГУ нет самостоятельного отдела, ориентированного на африканскую проблематику. Он счел такое состояние дел проявлением политического недомыслия и дал команду немедленно создать полноценный африканский отдел в разведке и впредь активно заниматься африканскими проблемами.

Трудностей на пути создания полноценного отдела было много, и в первую очередь потому, что в стране никто не готовил специалистов по африканским проблемам, к тому же со знанием местных языков. Сложные климатические условия, отсутствие жилья, непростые взаимоотношения в руководстве молодых африканских государств значительно усложняли выполнение многочисленных заданий, которые к тому же не обеспечивались реальными и конкретными исполнителями.

Начальник разведки был вынужден неоднократно обращаться за помощью к Шелепину, которого интересовала не постановка самой разведывательной работы, а ее конечный продукт — информация о развитии политических процессов в Африке и,

главное, о состоянии национально-освободительного движения и столкновении интересов империалистических держав на континенте.

Умудренный опытом Сахаровский понимал, что в принципе разведка действительно запоздала с постановкой разведывательной работы в Африке. Но для получения значительных оперативных результатов необходимо было отобрать и подготовить квалифицированных специалистов. Нужно было время, а его-то и не давали. Сахаровский, как и многие другие руководящие сотрудники разведки, понимал, что Шелепин на посту председателя человек временный и что после перетряски руководящих кадров и проведения серии реорганизаций он уйдет из КГБ.

Так оно и случилось. В декабре 1961 года при поддержке Хрущева он был избран секретарем ЦК КПСС, в 1962 году назначен заместителем председателя Совета Министров Советского Союза и председателем Комитета партийногосударственного контроля. Новым председателем КГБ был назначен его ставленник Владимир Ефимович Семичастный.

«Назначение Семичастного, — вспоминал В.А. Кирпиченко, — вызвало у руководящего состава КГБ недоумение. Он был просто неприлично молод — тридцать семь лет. Никто не воспринимал его в качестве государственного деятеля, все понимали, что он прежде всего человек Шелепина, и это на первых порах вызывало чувство неуверенности».

Генерал армии Ф.Д. Бобков вспоминал: «Он быстро схватывал любую идею, был прост и доступен. Он внимательно относился к профессионалам, не рубил с плеча, вдумчивей, чем Шелепин, расставлял кадры. Не держался за свою идею. Если чьи-то рекомендации находил разумными, не цеплялся за свое мнение. Он был, пожалуй, слишком доверчив...»

Бывший начальник разведки ГДР генерал-полковник Маркус Вольф говорил: «Это был доброжелательный и дружелюбный руководитель. Но за внешней привлекательностью скрывался умный, расчетливый, идеологически жесткий человек».

В отличие от Шелепина, который не вникал в детали оперативной работы, Семичастный с головой ушел в дела и нужды КГБ. Он не стеснялся учиться у подчиненных и сам признавался:

«Я когда пришел, был совершенно слепой. *Я* им прямо сказал: без вас не смогу. Пришел начальник разведки Сахаровский на первый доклад, и мне надо принимать решения по нашей работе в Индии или Бангладеш, не помню сейчас. И не просто решать, а сказать, сколько дать денег — пять тысяч долларов или три

тысячи. Без моего указания это не оформить.

Вот я прямо спросил: “Твое мнение? Ты как считаешь?” Как он сказал, такое решение я и принял. Нелепо было бы действовать иначе. Между прочим, за шесть лет работы они меня ни разу не подвели. Даже попытки такой не было—проверить меня или специально что-то подсунуть. Боже сохрани!

Начальники разведки и контрразведки — Александр Михайлович Сахаровский и Олег Михайлович Грибанов — оба были очень сильные генералы. Сахаровский — посуше, официальнее, немногословный. А Грибанов—даже с налетом авантюризма, и мне это нравилось, потому что для контрразведчика иметь чуть авантюризма и фантазии — блестяще».

И тем не менее Семичастный хотел иметь если и не свою верную команду в ПГУ, то хотя бы своего человека. Как вспоминает в своей книге «Разведка: лица и личности» Вадим Кирпиченко, Семичастный решил поставить во главе разведки кого-либо из земляков Дзержинского, полагая, что данное назначение будет воспринято с энтузиазмом. Во исполнение этой идеи на должность первого заместителя начальника разведки был выписан из Литвы местный чекист генерал-майор Альфонсас Бернардович Рандакявичус. Это был вежливый, обстоятельный, внимательный к собеседнику и приятный во всех отношениях человек, с уважением к тому же относившийся к профессионалам разведки.

Однако дел разведки Рандакявичус не знал, внешней политикой никогда не занимался, иностранными языками не владел. Но эти обстоятельства Семичастного не смущали. Если сам он может руководить КГБ, не имея соответствующего опыта, то почему чекист Рандакявичус не может руководить разведкой? Второе оказалось более трудным. В разведке всегда ценились профессионалы своего дела, и если начальник не может дать дельного совета подчиненному, помочь ему преодолеть трудности разведывательной профессии, то, будь он трижды хорошим человеком, уважением и авторитетом в разведке он пользоваться никогда не будет. Такая участь постигла и кандидата на должность начальника разведки.

Реально осознавая трудности своей новой службы, Рандакявичус томился и нервничал. Сказывались на его неуверенном состоянии и изъяны в русском языке. Боясь сделать какую-либо ошибку в оценке событий, он очень тщательно выбирал слова и обычно начинал свою речь с осторожного словосочетания «по-видимому».

Когда Семичастный понял, что из Рандакявичуса нового

Дзержинского не получится, он начал готовить новую команду руководства разведкой, но кто-то наверху этому противился, и реформа ПГУ по замыслу Семичастного осталась неосуществленной. Но слухи о смене руководства доходили до ПГУ, и это выводило из равновесия действующих начальников.

Для Рандакявичуса все это кончилось весьма плачевно. В один из отпусков, когда он находился в Литве, его сразил тяжелый инфаркт. Спас его фронтовой друг, светило литовской медицины. Оправившись, Рандакявичус приступил к работе, но вскоре был заменен и уехал в Литву, где работал министром юстиции. А.М. Сахаровский выстоял, несмотря на то что отношения и с Семичастным, и с Рандакявичусом были достаточно сложными, и при всей своей сдержанности Александр Михайлович иногда жаловался своим близким на то, что и так непростая служба становится особенно трудной из-за условий, в которых ему приходится работать.

В мае 1967 года на должность председателя КГБ был назначен Юрий Владимирович Андропов. К моменту назначения у него за плечами был уже солидный послужной список: руководящая партийная работа в Карелии, посты посла СССР в Венгрии, заведующего отделом и секретаря ЦК КПСС. Очевидно, что Комитет государственной безопасности нуждался в приходе человека такого масштаба, как Андропов. С одной стороны, это был опытный государственный деятель, а с другой — ему был интересен этот участок работы, к которому он относился с уважением еще со времени работы послом в Венгрии.

Личная ответственность за безопасность государства, за судьбы отдельных людей, за положение страны в международном сообществе, за соблюдение законности и порядка — все это просто обязывало каждого председателя КГБ быть особо доверенной личностью руководства страны.

Приход Андропова в КГБ не мог не повлечь за собой некоторых кадровых перестановок. По свидетельству генерала армии Бобкова, положение дел в КГБ к моменту назначения Юрия Владимировича было «сложным и напряженным».

«Оно определялось распрями между отдельными группами руководящих работников. Основную группу составляли бывшие партийные работники, пришедшие в органы госбезопасности в 1951 году после ареста Абакумова и занимавшие многие ключевые посты. Они считали себя по прошествии полутора десятков лет профессиональными чекистами и претендовали на ведущее положение. Им не по душе был приход новых людей, в основном из комсомола, дорогу которым на руководящие посты в разведку и контрразведку открыли Шелепин и Семичастный.

“Старики” из числа партработников не хотели сдавать позиции... Трудно приходилось профессиональным работникам, хотя они несли в основном всю тяжесть оперативной работы. Как поведет дело новый председатель? С приходом Андропова на первый план вышли бывшие партработники. Они старались войти в доверие к новому председателю. Зарекомендовать себя его сторонниками».

Ю.В. Андропов сам был из комсомольских, а затем — партийных работников, которые высоко ценили профессионализм и стремились всячески его поддерживать. Более того, Андропов был масштабным государственным деятелем и хорошим политиком, а такие люди умеют ценить профессионалов в любой сфере их деятельности.

В кругах профессионалов советской разведки к Андропову относились с уважением. «В разведке его ценили,—писал в своей книге “Рука Москвы” бывший начальник ПТУ Л.В. Шебаршил, — и он высоко ценил разведчиков. Юрий Владимирович обладал даром располагать к себе людей своей безыскусной, абсолютно естественной манерой общения. Коллега разговаривал с коллегой. Его интерес к мнению собеседника был искренним, вопросы задавались по делу, по тем проблемам, которые именно в тот момент требовали выяснения. Андропов допускал возражения, не прочь был поспорить и охотно шутил».

Вадим Алексеевич Кирпиченко, длительное время бывший первым заместителем начальника разведки, так характеризовал Ю.В. Андропова:

«Юрий Владимирович был первым председателем КГБ, который с одинаковым интересом и рвением занимался и большой политикой, и оперативными делами разведки и контрразведки. В органах госбезопасности Андропов пользовался огромным авторитетом и любовью. Был он многолик: мог быть строгим и недосягаемым, мог быть близким и простым. .. Кто-то его не любил, кто-то, может быть, ненавидел, но все видели в нем умного человека. Крупного государственного деятеля, сторонника осторожных реформ, которому, увы, не было отпущено времени на их осуществление».

Бывший начальник нелегальной разведки ПТУ Ю.И. Дроздов писал об Андропове:

«Андропов не был недосягаемым. Он жил проблемами нелегальной разведки, думал вместе с нами о путях ее развития. Многое, о чем он говорил, мы постарались претворить в жизнь. Он знал, сколь сложно и опасно ремесло разведки. В беседах он вовлекал в разговор всех участников встречи, журил отмалчивающихся, разрешал спорить и не соглашаться с ним. Андропов внимательно следил за ходом нелегальных операций,

некоторые знал в деталях. Иногда ему не терпелось узнать что-то новое, но он останавливал себя, подчиняя свои желания условиям связи и строжайшей конспирации».

В настоящее время об Андропове пишут очень много, но нас интересует не столько он сам, сколько его отношение к Сахаровскому. А вот об их взаимоотношениях, взаимопонимании и удовлетворенности работой друг друга написано очень мало. Конечно, интеллигентность Юрия Владимировича, его отношение к разведке импонировало Александру Михайловичу. Более того, сам не имея законченного высшего образования, Андропов ценил в человеке прежде всего ум, талант разведчика, принципиальный подход к выполнению задач, организаторские способности и целеустремленность в работе, умение выделить главное и правильно расставить кадры. Все это Ю.В. Андропов видел в А.М. Сахаровском. Но Андропов понимал, что деятельность разведки должна не только полностью соответствовать складывающейся политической и оперативной обстановке, но и отвечать велениям времени.

Еще будучи заведующим отделом по связям с социалистическими странами и коммунистическими партиями этих стран, Андропов за короткий срок сменил в отделе всех руководителей секторов, поставив на эти посты исключительно выходцев из комсомольской среды, имевших к тому же высшее образование. Он верил в их преданность и безотказность, в их административные способности. Когда он стал председателем Комитета госбезопасности, из него ушли многие люди, оказавшиеся здесь при Шелепине и Семичастном и имевшие за плечами лишь опыт комсомольской работы. Руководящие посты в Комитете занимали теперь в основном люди из числа партийных и хозяйственных работников. На работу туда перешла и часть сотрудников международного отдела ЦК. Был среди них и помощник Юрия Владимировича В.А. Крючков, который через несколько лет возглавит одно из важнейших подразделений Комитета — его внешнюю разведку.

Вот как вспоминает о своем приходе в разведку Владимир Александрович Крючков:

«В Первое главное управление я пришел по приказу Андропова летом 1971 года, хотя принципиальное решение на этот счет Юрий Владимирович принял задолго до этого, еще в июле 1970 года.

...Но решение в конце концов все же созрело, этому в немалой степени способствовали постоянные просьбы тогдашнего начальника ПГУ Сахаровского, который собирался уходить на пенсию... В целом в ПГУ меня приняли хорошо, хотя и с

некоторой настороженностью: пришел, мол, человек председателя, будет устанавливать свои порядки (хотя этого как раз я делать и не собирался). Некоторому предубеждению против меня способствовало и то обстоятельство, что сразу же поползли слухи о моем скором назначении на должность начальника ПГУ.

Мне трудно сказать, действительно ли Андропов переводил меня в ПГУ с таким дальним прицелом, но решение на этот счет вскоре действительно у него созрело, и долгое время это оставалось тайной, пожалуй, только для меня».

Таким образом, взаимодействие с председателями КГБ у А.М. Сахаровского было далеко не идеальным. Все они ценили его как хорошего организатора, способного руководителя, человека, который успешно решает поставленные перед разведкой задачи, но все они где-то в уме держали кандидатуры для его возможной замены. Он, конечно, это чувствовал, и это накладывало отпечаток на его нервную систему, но никак не отражалось на атмосфере во вверенном ему коллективе.

И даже западные специалисты в области истории разведок признают, что советская разведка в 1950-е — 1970-е годы действовала весьма успешно. Этому способствовало умелое руководство А.М. Сахаровского деятельностью таких выдающихся разведчиков того времени, как Вильям Фишер (Рудольф Абель), Конон Молодый, супруги Галина и Михаил Федоровы, Ким Филби, Джордж Блейк, супруги Моррис и Леонтина Коэн и ряд других. Огромную роль в их работе и судьбах играли решения, принимаемые в Центре начальником разведки Сахаровским.

К сожалению, Александр Михайлович не оставил мемуаров о том, что он чувствовал, как переживал те критические моменты разведывательной деятельности, через которые проходит каждая разведслужба: взлеты и провалы, удачные операции и поражения, приобретение агентуры и предательство. В те далекие уже годы это было бы не только немыслимо, но и, наверно, преступно. Это и понятно — секретный характер организации, невозможность использования сведений, составляющих государственную тайну, опасение подвести сотрудников, раскрыть агентуру и возможность понести суровое наказание даже за попытку приоткрыть тайну такой организации.

Время кардинально изменило обстановку в стране, ситуацию вокруг органов государственной безопасности. Выступления в печати руководящих и рядовых сотрудников органов госбезопасности приоткрыли завесу над некоторыми моментами их деятельности. Общественности стали доступны ряд архивных материалов секретных служб, а у средств массовой информации, ознакомившихся с различными фактами из истории внешней

разведки, появилась возможность рассказать о людях, внесших выдающийся вклад в обеспечение безопасности нашей Отчизны. В самом конце 1990-х годов увидели свет воспоминания начальников Первого главного управления КГБ Леонида Шебаршина и Владимира Крючкова, их заместителей Вадима Кирпиченко и Юрия Дроздова, других руководящих деятелей внешней разведки. У общественности и историков, интересующихся деятельностью советских спецслужб, появилась возможность реально оценить масштабность задач, которые решала внешняя разведка и ее руководители, в том числе и Александр Михайлович Сахаровский.

Рассказывает В.А. Крючков:

«Знакомство с подразделениями, заслушивание резидентов, других сотрудников резидентур и центрального аппарата, тщательное изучение проводимых операций быстро расширяли мои познания. Складывались первые впечатления о разведчиках. Высокообразованные, компетентные, ищущие, работают не за страх, а за совесть, переживают за дело, за неудачи, а их, к сожалению, у разведчиков случается немало. В случае провала быстро берут себя в руки и идут к новым целям. Почти у всех неплохие знания о стране, по которой работают, хорошее владение иностранными языками.

Но одно их качество меня наполняло особенным чувством удовлетворения: ради дела, решения задач подавляющее большинство разведчиков готовы были пожертвовать карьерой, личным благополучием... Работа разведчика сопряжена с реальной, практически повседневной опасностью, требует крайнего напряжения физических и интеллектуальных сил, воли, мужества и абсолютного самопожертвования. И это не пустые слова. Разведчик вынужден жить двойной жизнью — та, реальная, скрыта от чужих глаз, а на поверхности лишь маска, расставаться с которой на людях не просто нельзя, но и опасно. Лишь немногие будут в курсе его достижений и успехов: даже самые близкие люди, жена и дети, так никогда и не узнают, какие подвиги подчас совершает их муж и отец. А вот всю тяжесть провала они всегда испытывают на себе — ведь в лучшем случае за этим следует выдворение из страны, а то и тюремное заключение, долгие годы тревожного ожидания. Случается, что платой за поражение является жизнь... Есть еще один, чисто психологический аспект, который играет важную роль в судьбе разведчика. Ведь ему суждено постоянно нарушать большинство библейских заповедей, действовать вопреки всему тому, чему учили с детства.

Представьте себе “шпиона”, который свято следует завету “не

укради", или говори только правду, как это требовали с детства! В том-то и дело, что ему приходится — в высших интересах дела, разумеется, — постоянно идти на такие поступки, которые в обычной жизни, мягко говоря, не украшают человека. И тут ни в коем случае нельзя перейти грань, чтобы не превратиться в циника, сохранить чистоту души и веру в идеалы».

Вот с такими людьми служил и такими людьми руководил А.М. Сахаровский. А для этого надо было добиться их доверия. Сотрудники должны видеть в руководителе пример для подражания. Именно поэтому в советской разведке всегда основное внимание уделялось воспитательной работе на примерах старших товарищей, начиная с Дзержинского. Конечно, всего того, что нужно разведчику, нельзя в него вложить, научить: многие качества должны быть попросту врожденными. Но обстановка, коллектив, непосредственный руководитель все же играют значительную воспитательную роль.

В этой связи хотелось бы остановиться на некоторых примерах поведения в сложных обстоятельствах выдающихся советских разведчиков и тех мерах, которые предпринимались руководством разведки для того, чтобы и разведка и непосредственные участники событий с честью вышли из сложившейся ситуации. 14 октября 1957 года в США в здании федерального суда Восточного округа Нью-Йорка начался широко освещавшийся в мировой прессе судебный процесс по делу № 45094 «Соединенные Штаты Америки против Рудольфа Ивановича Абеля». На скамье подсудимых находился советский разведчик-нелегал, полковник Вильям Генрихович Фишер, который при аресте не назвал своего настоящего имени. Он представился Рудольфом Абелем, назвав имя своего уже умершего товарища по нелегальной разведке. Тем самым он сообщил своему руководству в Москве, которое знало о дружбе Абеля с Фишером, что с ним случилась беда, и о том, под какой легендой он будет действовать в ходе суда.

Из биографии разведчика:

Вильям Фишер родился 11 июля 1903 года в Англии в семье политэмигрантов из России. В 1920 году семья Фишеров возвратилась в Москву.

С 1927 года Вильям Фишер — во внешней разведке. Работал с нелегальных позиций в двух европейских странах. В период Великой Отечественной войны находился в распоряжении 4-го управления НКВД, занимался организацией разведывательно-

диверсионной работы в тылу врага.

В ноябре 1948 года выехал на нелегальную работу в США. Резидентура Фишера вела исключительно активную разведывательную деятельность. В результате предательства в июле 1957 года был арестован. В ходе следствия вел себя мужественно.

Доказать, что Фишер-Абель занимался шпионажем, суду не удалось. Не было установлено ни одного факта, который подтверждал бы получение подсудимым секретных данных или их передачу иностранному государству. Однако прокурор на основании показаний предателя — сотрудника нелегальной резидентуры Р. Хейханена, который являлся помощником Фишера, потребовал признать разведчика виновным. Как написал в своей книге «Незнакомцы на мосту» адвокат Фишера на процессе Джеймс Донован, «для признания обвиняемого виновным вовсе не обязательно, чтобы преступник уже совершил свое деяние».

Ни во время предварительного следствия, когда ФБР применяло повседневное давление на арестованного, ни во время суда и тюремного заключения Вильям Генрихович не выдал секретов советской разведки и каких-либо сведений, связанных со своей миссией в США. 15 ноября 1957 года суд вынес решение. Он приговорил Рудольфа Ивановича Абеля к тридцати годам тюремного заключения.

А руководство разведки с этого дня начало прорабатывать варианты возможного освобождения попавшего в беду товарища.

Несколько позже другое сообщение также облетело всю мировую прессу. В нем говорилось, что утром 1 мая 1960 года советские ракетчики сбили в районе города Свердловска иностранный самолет, проникший в воздушное пространство СССР с враждебными целями. Летчик, выбросившийся с парашютом, был задержан. 17 августа 1960 года в Колонном зале Дома союзов в Москве начался судебный процесс над американским летчиком Фрэнсисом Гарри Пауэрсом. Процесс привлек к себе внимание миллионов людей на всем земном шаре. И это было понятно. Ведь на скамье подсудимых рядом с Пауэрсом незримо находились организаторы его разведывательного полета — руководители ЦРУ США.

В первые дни после задержания Пауэрса различные правительственные ведомства США, в том числе и государственный департамент, публиковали исключающие друг друга заявления, преследовавшие одну цель—категорически опровергнуть разведывательный характер полета самолета «Локхид У-2».

Однако несколько позже, давая показания в сенатской комиссии по иностранным делам Конгресса США, государственный секретарь Гертер вынужден был признать: «1 мая произошел провал разведывательной операции. Программа полетов “У-2” представляла собой важное и эффективное усилие в области разведки. Обстоятельства потребовали от нас предпринять эти шпионские действия. Пришлось признать, что этот полет состоялся, что он был разведывательным. Я одобрил его как часть всей программы».

Указанное обстоятельство позволило адвокату Гриневу на судебном процессе заявить:

«Хотя Пауэрс и был непосредственным исполнителем, но основным виновником все-таки является не он, несмотря на то, что разбираемое сегодня дело связано с его именем. В связи с этим приходится сожалеть, что на скамье подсудимых находится только один Пауэрс; если бы рядом с ним находились те, которые послали его на преступление, можно не сомневаться, что положение моего подзащитного Пауэрса было бы иным и он занял бы тогда второстепенное место и, следовательно, мог бы безусловно рассчитывать на значительное смягчение наказания».

Учитывая признание Пауэрсом своей вины и его раскаяние в содеянном, Военная коллегия Верховного Суда СССР приговорила его к десяти годам лишения свободы.

Как же соединились эти два события — арест в Нью-Йорке Фишера-Абеля и суд над Пауэрсом в Москве? И в нашей и в зарубежной печати в то время утверждалось, что разведчика Абеля обменяли на летчика Пауэрса только благодаря усилиям ФБР и семьи Пауэрса, обращавшейся лично к Хрущеву и к Кеннеди. Однако сегодня уже ни для кого не является секретом, что имевший место обмен двух разведчиков был подготовлен и осуществлен советской внешней разведкой.

Мероприятия по вызволению Фишера из американской тюрьмы были начаты сразу же после оглашения приговора. Сотрудники центрального аппарата старались подобрать оптимальный вариант, который позволил бы начать переговоры с американцами. Для ведения переговоров с ними был приглашен влиятельный юрист В. Фогель, член Коллегии адвокатов Большого Берлина, который выступал посредником между супругой разведчика и американскими властями.

Важным моментом был подбор подходящего кандидата или кандидатов для обмена. Заместитель генерального прокурора США Томпкинсон так охарактеризовал сложившееся положение: «Арест Абеля — дело большого значения. Это человек, пожертвовавший всем ради выполнения своей миссии. Для

русских он, несомненно, незаменим. Поэтому я не думаю, чтобы он был обменян на кого-нибудь, поскольку тем самым мы преподнесли бы русским огромный подарок».

Еще во время судебного процесса над Фишером его американский адвокат Донован заявил в суде: «В такой ситуации, как Абель, может оказаться и наш человек. И тогда русский полковник может пригодиться». Американцы были убеждены, что подобного не может произойти с их соотечественником. Однако процесс над Пауэрсом показал, что именно такое и случилось.

И американцы во время бурных дискуссий по делу летчика-шпиона впервые озвучили мысль о возможности обмена. Переговоры затянулись на полтора года, но в итоге 10 февраля 1962 года на мосту Глинике, разделявшем Западный и Восточный Берлин, Рудольф Абель, которому предстояло еще двадцать пять лет находиться в американской тюрьме, был обменян на Фрэнсиса Пауэрса. Разведчик оказался снова дома, в Советском Союзе.

Таким образом руководство советской внешней разведкой показало всему миру, что не бросает своих сотрудников в беде и предпринимает все возможное для их возвращения на Родину.

Какова же была дальнейшая судьба Вильяма Фишера (Рудольфа Абеля)? Вернувшись на Родину, он продолжил активно работать в центральном аппарате внешней разведки. Заслуги полковника Фишера были отмечены орденом Ленина, тремя орденами Красного Знамени, двумя орденами Трудового Красного Знамени, орденами Отечественной войны I степени, Красной Звезды, многими медалями, а также нагрудным знаком «Почетный сотрудник госбезопасности». Скончался Вильям Генрихович Фишер 15 ноября 1971 года.

Следующий пример спасения попавшего в беду советского разведчика, классически проведенного под руководством А.М. Сахаровского, касается Конона Трофимовича Молодого.

Из биографии разведчика:

Конон Молодый родился 17 января 1922 года в Москве в семье научных работников. Его отец преподавал в Московском государственном университете и Московском энергетическом институте, а также заведовал сектором научной периодики в Госиздате. Скончался от инсульта в 1929 году в возрасте 50 лет. Мать была профессором Центрального научно-исследовательского института протезирования, а в годы Великой Отечественной войны — военным хирургом.

В 1932 году с разрешения советского правительства Конон выехал в США к сестре матери, которая проживала там с 1914 года. Учился в средней школе города Сан-Франциско, где в совершенстве овладел английским языком. В 1938 году возвратился в Москву и учился в средней школе, которую успешно окончил в 1940 году.

В октябре 1940 года Конон Молодый был призван в ряды Красной Армии. Весь период Великой Отечественной войны находился в действующей армии, во фронтовой разведке. Принимал непосредственное участие в боевых действиях против немецко-фашистских войск. В должности помощника начальника штаба отдельного разведывательного дивизиона лейтенант Молодый неоднократно ходил в тыл противника, брал языков, добывал необходимые командованию сведения. В боях с фашистскими захватчиками ярко проявились такие качества Конона Молодого, как смелость и отвага. Его боевой путь был отмечен орденами Отечественной войны I и II степени, Красной Звезды, медалями «За отвагу» и «За боевые заслуги».

После демобилизации из армии в 1946 году Молодый поступил на учебу на юридический факультет Московского института внешней торговли, изучал китайский язык. Являлся соавтором учебника китайского языка.

С 1951 года — во внешней разведке.

К.Т. Молодый, известный по публикациям у нас в стране и за рубежом под именем канадского бизнесмена Гордона Лонсдейла, с 1955 по 1961 год возглавлял нелегальную резидентуру в Англии. Это было одно из наиболее эффективных зарубежных звеньев внешней разведки, которое успешно добывало секретную политическую, научно-техническую и военно-стратегическую информацию в важнейших учреждениях Англии и на военных базах США и НАТО, расположенных на ее территории.

Деятельность резидентуры развивалась весьма успешно, и, казалось, ничто не предвещало беды. Но события начали развиваться в крайне неблагоприятном направлении. В результате предательства одного из руководящих сотрудников польской разведки М. Голеневского ЦРУ получило сведения о том, что СССР якобы располагает информацией с базы английских военно-морских сил в Портленде. Еще в 1958 году Голеневский, завербованный ЦРУ, сообщил американцам о том, что у советской разведки в Портленде есть ценный источник информации. ЦРУ проинформировало об этом английскую контрразведку. Последняя затратила на поиски советского агента, работавшего на базе, целый год. К концу 1959 года он был установлен и взят в активную разработку. К середине 1960 года

контрразведчики установили Молодого-Лонсдейла, а затем и его помощников—разведчиков-нелегалов супругов Коэнов, работавших в Англии под фамилией Крогеров.

5 января 1961 года, испугавшись разоблачения, Голеневский, который находился в то время к командировке в Берлине, бежал в США. Предупрежденные об этом англичане поспешили с арестом Лонсдейла и Крогеров, произведя его 7 января.

Судебный процесс над разведчиками начался 13 марта 1961 года и продолжался восемь дней. Когда слушания были закончены, судья объявил приговоры: Молодому-Лонсдейлу — 25 лет каторжной тюрьмы, его помощникам — супругам Крогерам — по 20 лет.

О помощниках Молодого — разведчиках-нелегалах Коэнах-Крогерах — мы еще расскажем, а сейчас коснемся того, как оценивали поведение Молодого во время ареста и судебного процесса те, против кого он работал. Лондонская газета «Дейли мейл» опубликовала заявление Молодого, в котором говорилось, что никто из арестованных не находился с ним ни в какой преступной связи и что если суд на основании имеющихся у него улик считает обвинение доказанным, то виновным является только он, какие бы последствия для него это ни повлекло.

В ходе следствия и суда Молодый прилагал большие усилия для того, чтобы оправдать Леонтину Коэн. Он представлял ситуацию так, что она не была посвящена в его дела. Газета «Обсервер» писала: «В нем было что-то настолько профессиональное, что возникало лишь чувство восхищения. И если хоть один человек был патриотом и жил ради своего долга, то это — он».

Находясь в английской тюрьме, Молодый верил, что Центр примет все меры к его освобождению. Это позволяло сохранять спокойствие и стойко переносить тяжелые испытания. И он не ошибся в руководстве внешней разведки. Работа по вызволению нелегалов из тюрьмы началась сразу же после суда над ними.

Сам по себе процесс обмена Молодого был кропотливым и сложным. Такая возможность представилась в ноябре 1962 года, когда в СССР по обвинению в шпионаже был арестован английский бизнесмен Гревилл Винн. Он признал себя виновным в выполнении разведывательных поручений и был приговорен к восьми годам лишения свободы. Одна из английских газет писала: «Англия, в отличие от Америки, никогда не обменивалась шпионами с Россией. Если бы дело Винна создало прецедент, русские одержали бы победу в тайной холодной войне. Какая это была бы победа, если бы акула Лонсдейл был обменян на мелюзгу Винна».

Но тем не менее соглашение было достигнуто. Сам обмен состоялся в Берлине 22 апреля 1964 года. Теплой была встреча с друзьями и товарищами по работе. С возвращением Молодого поздравили председатель КГБ и начальник внешней разведки, которые приложили максимум усилий для того, чтобы вернуть разведчика-нелегала на Родину.

За мужество и стойкость, проявленные при выполнении особых заданий, К.Т. Молодому было досрочно присвоено очередное воинское звание полковника. Он продолжил работу в центральном аппарате разведки. За достигнутые результаты в разведывательной деятельности был награжден орденами Красного Знамени и Трудового Красного Знамени, а также нагрудным знаком «Почетный сотрудник госбезопасности». Работа разведчика-нелегала К.Т. Молодого легла в основу художественного фильма «Мертвый сезон». Скончался разведчик от инсульта 11 октября 1970 года.

Приведем еще один пример беззаветного служения Родине. Супруги Федоровы, Галина Ивановна и Михаил Владимирович, проработали во внешней разведке более сорока лет. Половину этого срока они действовали в нелегальных условиях, создав резидентуру связи в Западной Европе.

Из биографий разведчиков:

Михаил Федоров родился 1 января 1916 года в городе Колпино под Петроградом в семье питерского рабочего. Отец в то время трудился на Ижорском заводе в сталелитейном цехе, а мать занималась домашним хозяйством. Когда в 1922 году отец вернулся со службы в Красной Армии, семья переехала на жительство в город Ямбург, переименованный вскоре в Кингисепп.

В Кингисеппе прошли детские и юношеские годы Михаила. В школе он увлекался спортом, поэтому после окончания десятилетки в 1935 году поступил на учебу в Ленинградский институт физической культуры имени П.Ф. Лесгафта.

По окончании института 1 сентября 1939 года, в день начала Второй мировой войны, Михаил был зачислен на службу в 5-е управление РККА, как в то время называлась советская военная разведка. А уже в начале октября того же года направлен для прохождения разведывательной подготовки в индивидуальном порядке в отделение разведотдела штаба Западного особого военного округа в город Белосток. Программа подготовки была рассчитана на восемнадцать месяцев. Планировалось, что в конце

июня 1941 года он должен был нелегально уйти в Польшу, а затем, обзаведясь там польскими документами, попытаться осесть в Германии. Однако планам руководства не суждено было реализоваться. Когда подготовка разведчика была практически завершена, началась Великая Отечественная война.

В конце июля 1941 года Федоров был направлен в распоряжение разведотдела штаба Западного фронта в район Вязьмы, на станцию Касня. В качестве заместителя командира группы разведчиков он до декабря 1941 года находился за линией фронта — в Великих Луках и Невеле. Члены группы вели разведку по дислокации и передвижению частей противника, минировали дороги, разрушали средства связи, карали предателей Родины.

В начале сентября 1942 года Михаил в составе разведывательно-диверсионного отряда специального назначения был выброшен на парашюте в районе города Барановичи Брестской области. За участие в боевых операциях награжден орденом Красной Звезды.

В общей сложности в тылу врага Михаил Федоров провел более 27 месяцев.

После возвращения в Москву из-за линии фронта в августе 1944 года Федоров был откомандирован в распоряжение Главного разведывательного управления Генерального штаба Красной Армии. Он прошел необходимую подготовку и в августе 1945 года был направлен на нелегальную работу в Англию. Работал там в дипломатическом представительстве одной из зарубежных стран. Передавал в Центр важную информацию военно-политического характера.

В середине 1947 года был переведен из военной разведки во внешнюю разведку госбезопасности. Вместе с супругой— Галиной Ивановной — длительное время находился на нелегальной работе в одной из стран Западной Европы.

Галина Федорова родилась 17 февраля 1920 года в городе Саратове, в рабочей семье. Отец был электромонтером-самоучкой. Позднее, после прохождения профессиональной подготовки, он получил должность директора мельницы, где работала и мать Галины. Сразу после революции вступил в партию большевиков. Последние годы жизни находился на партийной работе.

После смерти отца в 1932 году матери стало очень трудно воспитывать четверых детей: старшей сестре Гали было в то время четырнадцать лет, младшим братьям — менее десяти.

С двенадцати лет Галина воспитывалась у тети — сестры отца, которая проживала в Москве. В 1937 году девушка окончила школу-десятилетку. Стала работать на технической должности в

Наркомфине СССР и одновременно учиться на вечернем факультете Московского высшего технического училища имени Н.Э. Баумана.

В январе 1939 года по путевке комсомола Галина пришла в органы государственной безопасности. Вначале работала в Транспортном управлении НКВД, занималась техническими вопросами, но привлекалась и к выполнению отдельных оперативных заданий.

В годы Великой Отечественной войны Галина находилась в распоряжении группы особого назначения Четвертого главного управления НКВД, занимавшейся подготовкой кадров для работы в подполье в тылу врага. Во время войны ей приходилось выполнять тяжелые и ответственные задания.

В 1946 году Галина окончила двухгодичные курсы иностранных языков при Высшей школе Министерства государственной безопасности СССР. Ей предложили перейти на работу во внешнюю разведку, в подразделение, которое занималось разведкой с нелегальных позиций.

Рассказывать о деятельности нелегалов такого уровня, как супруги Федоровы, крайне сложно, поскольку многие тома их оперативного дела, в которых отражена их работа за рубежом, еще не скоро станут достоянием гласности. Мы же можем только констатировать уровень подбора кадров и воспитательной работы в советской разведке того периода.

Написанная Федоровыми книга «Будни разведки» доходчиво рассказывает о том, сколько мужества, выдержки и терпения требуется разведчику-нелегалу, чтобы каждодневно незаметно и настойчиво вести опасную, тщательно скрываемую от посторонних глаз деятельность.

Можно лишь догадываться, какой ценой, каким напряжением нервов и воли приходилось расплачиваться разведчикам за каждую из более чем трехсот конспиративных встреч, проведенных ими в разных европейских странах. А сотни радиосеансов под носом у контрразведки? Благодаря их работе Центр имел возможность оперативно получать добытые разведчиками ценнейшие сведения. Кроме того, по другим каналам они сумели передать в Москву более четырехсот важных секретных материалов. Длительное время источником информации у них являлся крупный политический деятель одной из стран, входящих в НАТО. Благодаря ему и стараниям Федоровых руководство Советского Союза своевременно получило исчерпывающие сведения о широко ныне известном документе «Дропшот», представляющем собой план превентивного ядерного удара по различным целям на

территории СССР. Они передавали в Москву сведения о военных базах в Европе и их передислокации. Накануне ежегодных сессий Генеральной Ассамблеи ООН разведчики получали от надежного источника конфиденциальную информацию о предстоящей позиции ведущих европейских стран по ключевым вопросам повестки дня. Вполне понятно, что эти сведения являлись весьма полезными для советских делегаций, выезжавших в Нью-Йорк.

Естественно, каждая информация от Федоровых, как и от Фишера или Молодого, не проходила мимо начальника разведки. Аккумулировать в себе получаемые сведения, ждать и переживать вместе с участниками событий завершения каждой оперативно значимой операции—удел Центра. И вместе с ними радоваться благополучному завершению иногда очень длительных командировок.

О Федоровых открыто заговорили лишь летом 1990 года, когда они встречались с телезрителями Центрального телевидения в программе «На службе Отечеству» и откровенно рассказывали не столько о службе (все-таки конспирация), сколько о своей бытовой жизни на Западе. И некоторые наши сограждане недоумевали, поражаясь тому, что после богатой жизни в Европе, где они были миллионерами, Федоровы вернулись в Россию, добровольно лишив себя тем самым всех благ, которыми пользовались долгие годы.

Действительно, Галина Ивановна и Михаил Владимирович имели в стране пребывания свой собственный городской дом с прислугой, фешенебельную, как принято выражаться, виллу «на природе». В их гараже ожидали хозяев всегда подготовленные к выезду «Мерседесы» и «Линкольны». На счету в банке находилось достаточно средств для безбедной жизни на не один десяток лет.

В Москве разведчики Федоровы поселились в скромной двухкомнатной квартире и довольствовались такой же пенсией, какую получали многие их товарищи по работе. Стоило ли им менять миллионы долларов на пенсионные рубли? Ответ на него дает их понимание долга и счастья, которое сформулировала Галина Федорова:

«Каждый человек хочет быть счастливым и, как известно, сам кует себе это счастье. И мы были по-своему счастливы, хотя не обошли нас в жизни и трудности. У каждого человека своя судьба, которая, вероятно, и определяет его жизнь. Мы, например, волею судьбы стали разведчиками-нелегалами, о чем совершенно не жалеем. Сейчас с большой благодарностью оглядываемся на свой пройденный путь, путь служения Родине, своему народу, защите государственных интересов нашей родной многонациональной страны. Разве это не счастье?»

После возвращения на Родину, супруги Федоровы работали в центральном аппарате разведки. Неоднократно выезжали за рубеж для решения конкретных разведывательных задач.

Полковник Федоров был награжден орденами Красного Знамени, Отечественной войны I и II степени, Дружбы народов, двумя орденами Красной Звезды, многими медалями, а также нагрудными знаками «Почетный сотрудник госбезопасности» и «За службу в разведке». Скончался в 2004 году.

Полковник Федорова была награждена орденами Отечественной войны II степени и Красной Звезды, многими медалями, а также нагрудными знаками «Почетный сотрудник госбезопасности» и «За службу в разведке».

Скончалась Галина Ивановна в 2010 году.

Супруги написали две книги «Будни разведки» и «Вся жизнь конспирация», в которых рассказали о многогранной и сложной работе разведчиков-нелегалов.

Но достойно защищали государственные интересы СССР не только ее граждане. Подбор агентов, которым предстояло работать на нашу государственную безопасность, был весьма многоплановой и архисложной задачей. Особенно были ценны те люди, которые сотрудничали с советской разведкой по идейным соображениям.

Моральные аспекты агентурной работы всегда являлись сверхчувствительной областью нравственности. Оплачивается работа агентуры или нет, руководство разведки и сотрудники, работающие с ней, всегда считают хорошо расположенных к нам граждан других стран прогрессивно настроенными людьми и благодарны им за то, что они открывают нам доступ к строго охраняемым их государствами важным сведениям.

Однако очень важно понимать психологическое состояние наших помощников: борьба с собственной совестью рано или поздно проявит себя. И вот здесь только чуткий руководитель может помочь иностранцу, сотрудничающему с нами на основе идейной близости или по другим мотивам, хорошо настроенному к нам, сохранить в собственных глазах уважение к себе.

А.М. Сахаровский всегда четко разделял агентуру на ту, которая отстаивает свои принципы и никогда не опустится до уровня провокатора или вымогателя, и ту, которую лишь сложившиеся обстоятельства вынудили сотрудничать с нами.

В первом случае Сахаровский требовал от разведчика при его контактах с агентом по-человечески чувствовать переживаемые им моральные сомнения, стараться поддержать его и помочь преодолеть тяжелые моменты в жизни.

Однако какими бы мотивами ни руководствовался агент, идя

на сотрудничество с разведкой, он должен быть уверен, что, случись что-либо непредвиденное, руководство разведки предпримет все возможное, чтобы не оставить его в беде.

При беседах с сотрудниками Сахаровский обращал внимание на то, что у каждого агента свой потенциал, свои возможности и что значительную часть тяжести агентурной работы вынужден нести сам человек, ставший нам помогать. В то же время он подчеркивал, что при всем благожелательном отношении к агенту с нашей стороны нельзя путать разведывательную организацию с благотворительной.

В тех же случаях, когда опасность провала агента становилась реальной и его пребывание на родине или в другой стране было нежелательно, руководство Комитета госбезопасности и внешней разведки предпринимали все меры по немедленному выводу иностранца в нашу страну. Разведка обеспечивала его материально и гарантировала личную безопасность.

Доступ к выведенному в СССР агенту поначалу был весьма ограничен, так как его бдительно охраняли. В дальнейшем его трудоустраивали по его желанию или использовали для подготовки кадров разведки, а также на аналитической работе. Здесь следует отметить еще одно отличие советских спецслужб от спецслужб стран НАТО — руководство внешней разведки не требовало от агентов-эмигрантов в публичных выступлениях чернить свою страну и людей, с которыми они работали. В разведке их всегда рассматривали как профессионалов, которые с честью выполняли поставленные перед ними задачи.

Примером такого отношения к агентам-эмигрантам является вывод в СССР выдающегося советского разведчика Кима Филби.

Наша справка:

Гарольд Адриан Рассел Ким Филби родился 1 января 1912 года в Индии в семье чиновника британской колониальной администрации при правительстве раджи. Имя Ким ему дал отец в честь одного из героев Киплинга, оно осталось с ним на всю жизнь. Родители почти все время проживали в Индии, а мальчик находился на попечении бабушки в Англии. Учился в привилегированной Вестминстерской школе, которую окончил с отличием. В 1929 году поступил в Тринити-колледж Кембриджского университета. В студенческие годы Ким примыкал к прогрессивно настроенным группам в университете, активно выступал против фашизма.

В 1931 году Филби сблизился с Компартией Великобритании,

искренне считая, что только коммунизм может преградить дорогу нарождающемуся нацизму.

Прогрессивные взгляды молодого Филби привлекли к нему внимание советского разведчика-нелегала А. Дейча. В 1933 году Ким начал сотрудничать с советской внешней разведкой на идейной основе.

После окончания Кембриджского университета Филби некоторое время работал в редакции газеты «Таймс». Во время гражданской войны в Испании находился на франкистской территории в качестве военного корреспондента газеты. Передавал нам ценные сведения об обстановке в том регионе.

В 1940 году по заданию советской разведки Филби поступил на работу в британскую разведывательную службу «Сикрет интеллидженс сервис» (СИС). Уже через год Филби становится заместителем начальника контрразведки этой службы (отдел В) и отвечает за контрразведывательное обеспечение всех военных операций западных участников антигитлеровской коалиции в Европе.

В 1944 году получает повышение по службе и назначается на пост руководителя особо важного 9-го отдела СИС, занимавшегося изучением «советской и коммунистической деятельности» в Великобритании. Одновременно исполнял обязанности заместителя начальника СИС.

За время Великой Отечественной войны Ким Филби передал нам большое количество важной информации о вооруженных силах Германии, а также об отношении к СССР союзников по антигитлеровской коалиции. Он сообщил в московский Центр ценнейшие сведения о планах операций фашистских войск в районе Курска и о намерениях гитлеровцев применить на Восточном фронте новые виды боевой техники. От Филби поступали данные и о разведчиках, забрасывавшихся в СССР в годы войны.

Летом 1947 года Ким Филби выехал в Стамбул в качестве резидента британской разведки. С 1949 по 1951 год он возглавлял в Вашингтоне миссию по связи английской разведки с Центральным разведывательным управлением (ЦРУ). Установил контакты с руководством ЦРУ и ФБР, в том числе с А. Даллесом и Э. Гувером. Координировал деятельность американских и английских спецслужб в борьбе с «коммунистической угрозой». И в эти годы Филби продолжал активно работать на советскую разведку, регулярно информировал Москву о деятельности английских и американских спецслужб, направленной против СССР и его союзников в странах Восточной Европы.

В августе 1956 года Филби был направлен на работу в Бейрут

от британской разведки под прикрытием корреспондента газет «Обсервер» и «Экономист». В течение семи лет он работал в Бейруте, передавая в Центр сведения о действительных намерениях США и Великобритании в этом регионе.

В связи с угрозой провала в начале 1963 года Филби с помощью советской разведки был нелегально выведен из Бейрута в Советский Союз.

С 1963 по 1988 год работал консультантом внешней разведки по спецслужбам Запада, участвовал в подготовке разведчиков.

За большие заслуги перед нашей страной Ким Филби был награжден орденами Ленина, Красного Знамени, Отечественной войны I степени, Дружбы народов, знаком «Почетный сотрудник госбезопасности», многими медалями.

Написанная Кимом Филби книга «Моя тайная война» о его работе в советской внешней разведке издана в нашей стране и за рубежом.

Ким Филби скончался 11 мая 1988 года. Похоронен на Новокунцевском кладбище в Москве. В память о нем — выдающемся разведчике-интернационалисте — снят документальный телевизионный фильм «Выпускник Кембриджа».

Когда в 1967 году были преданы гласности сведения об истинной роли Филби, бывший сотрудник ЦРУ М. Коуплэнд, близко его знавший, заявил: «Деятельность Кима Филби в качестве офицера связи между СИС и ЦРУ привела к тому, что все чрезвычайно обширные усилия западных разведок в период с 1944 по 1951 год были безрезультатными. Было бы лучше, если бы мы вообще ничего не делали».

Выступая перед коллективом разведчиков на собрании, посвященном 100-летию со дня рождения Ф.Э. Дзержинского, Ким Филби подчеркнул: «Большая часть моей жизни позади. Оглядываясь на прошедшие годы, я думаю, что прожил их не зря. Мне хочется от себя повторить слова Феликса Дзержинского, рыцаря революции, большого гуманиста: если бы мне предстояло начать жизнь сызнова, я начал бы так, как начал».

О московском периоде жизни Филби — с 1963 по 1988 год — написано, естественно, мало, если не считать отдельных разрозненных фактов, опубликованных западными журналистами. Но стараниями руководства внешней разведки, управления нелегальной разведки, коллег по работе ему были созданы все условия для нормальной полнокровной жизни. Филби женился, работал, путешествовал, отдыхал. Увлеченно трудился над воспоминаниями. Во время многочисленных поездок по стране встречался с коллективами сотрудников территориальных органов КГБ. Он был консультантом Первого

главного управления. Было у него и любимое дело, к которому он относился с особым старанием и любовью. Он вел учебные занятия с молодыми сотрудниками нелегальной разведки. «Семинар Филби» — так назывались эти занятия—внес заметный вклад в разведывательную подготовку и воспитание молодых разведчиков.

Отвечая на вопрос о своей жизни в Советском Союзе, Ким Филби, в частности, рассказывал: «С удовольствием перечитываю классиков английской литературы. Люблю хоккей (в качестве зрителя, конечно). И еще одно хобби: кулинария. Если сомневаетесь — приходите в гости».

В январе 1988 года, незадолго до своей кончины, Ким Филби дал в Москве интервью английскому писателю и публицисту Филиппу Найтли, в котором отметил: «Что же касается возвращения на родину, то нынешняя Англия для меня — чужая страна. Здешняя жизнь — это моя жизнь и переезжать я никуда не собираюсь. Это моя страна, которой я прослужил более 50 лет. Я хочу быть похороненным здесь. Я хочу, чтобы мои останки покоились там, где я работал».

20 марта 1992 года законом Российской Федерации № 2553 было установлено звание Героя Российской Федерации и учреждена медаль «Золотая Звезда». В 1995 году первым из советских разведчиков этого звания был посмертно удостоен разведчик-нелегал Моррис Коэн. Спустя год за вклад в создание советского атомного оружия вместе с другими разведчиками звания Героя России была также посмертно удостоена боевая помощница Морриса и его супруга Леонтина Коэн.

Наша справка:

Моррис Коэн родился 2 июля 1910 года в Нью-Йорке (США) в семье выходцев из России. Его отец был родом из-под Киева, а мать родилась в Вильно. Еще до революции семья Коэнов эмигрировала в США и поселилась в Нью-Йорке, в районе Ист-Сайда. Обучаясь в колледже, Моррис прославился как отличный игрок в регби. Семья была небогатой, и полученная юным Моррисом спортивная стипендия позволила ему поступить в Колумбийский университет, который он окончил в 1935 году. Работал преподавателем истории в средней школе.

Гражданская война в Испании не оставила равнодушным Коэна. В 1937—1938 годах в составе интернациональной бригады имени Авраама Линкольна он участвовал в борьбе против испанских фашистов, был ранен в обе ноги. Отважный

американец попал в поле зрения советской внешней разведки и дал согласие оказывать ей помощь в борьбе против фашистской угрозы. В ноябре 1938 года по решению Центра Коэн был направлен в США в качестве связника нелегальной резидентуры.

Со своей будущей женой Леонтиной Терезой Петке Моррис познакомился в Нью-Йорке на антифашистском митинге. В начале 1941 года они поженились. Леонтина догадывалась о связях мужа с советской разведкой и с готовностью согласилась помогать ему в его тайной деятельности.

В 1942 году Моррис Коэн был мобилизован в американскую армию и принимал участие в войне против нацистов в Европе. В ноябре 1945 года он был демобилизован и возвратился в США. В декабре того же года с ним была восстановлена связь.

Леонтина Коэн родилась 11 января 1913 года в городе Адамс штата Массачусетс, США, в семье польского эмигранта Владислава Петке. До 13 лет училась в школе, а затем была вынуждена бросить учебу и начать зарабатывать на жизнь. Работала домработницей, официанткой, продавщицей, трудилась на фабрике кожизделий, на кондитерской фабрике. С 15 лет Лона, как ее звали друзья и близкие, стала принимать участие в работе прогрессивных групп и организаций, являлась профсоюзной активисткой, а в 1936 году вступила в ряды Компартии США.

В 1941 году вышла замуж за Морриса Коэна. Без колебаний дала согласие оказывать помощь советской разведке.

Эта удивительная супружеская пара разведчиков с конца 1930-х годов активно сотрудничала с нью-йоркской резидентурой НКВД. В 1948 году Коэны обеспечивали конспиративную связь с рядом наиболее ценных источников советской разведки, причастных к разработке американского атомного оружия. В 1949—1950 годах они входили в состав резидентуры разведчика-нелегала Фишера, действовавшего в США. С 1955 года супруги по документам новозеландских предпринимателей Питера и Хелен Крогеров находились на нелегальной работе в Англии, являясь помощниками К.Т. Молодого. В январе 1961 года они были арестованы и приговорены к 20 годам тюремного заключения. В октябре 1969 года обменяны на арестованных в СССР агентов британских спецслужб. 24 октября 1969 года Моррис и Леонтина Коэны оказались в Москве. Потребовалось время для того, чтобы обжиться в подготовленной для них Первым главным управлением трехкомнатной квартире. После освобождения они много путешествовали по нашей стране. В первую очередь это диктовалось стремлением руководства разведки сделать все возможное для восстановления и укрепления их пошатнувшегося

здоровья. В этот период они отдыхали и лечились в разных санаториях. Вместе с тем это отвечало их желанию ближе познакомиться, больше увидеть и узнать о стране, для которой они так много сделали. Они охотно делились впечатлениями об этих поездках. Отмечали и хорошее, и плохое. Рассказывали честно, искренне, доброжелательно. Они быстро привыкли к новой действительности. Россия стала их страной, и в беседах на политические, культурные и бытовые темы они всегда употребляли выражения: «у нас в стране», «наши артисты», «у наших коллег» и т.д.

До последних дней Коэны продолжали трудиться в подразделении нелегальной разведки. Выполняли специальные задания, принимали участие в подготовке молодых разведчиков-нелегалов. Для них они всегда были образцом сочетания таких важнейших для разведчика качеств, как верность, бесстрашие, чистая совесть и честь.

За конкретные результаты в разведывательной работе Моррис и Леонтина были награждены орденами Красного Знамени и Дружбы народов. Леонтина Коэн скончалась 23 декабря 1992 года. Моррис — 23 июня 1995 года.

Рассказывая об иностранных помощниках, приобретенных в период руководства разведкой А.М. Сахаровского и ставших впоследствии гражданами СССР, нельзя не сказать и о замечательном советском разведчике полковнике Джордже Блейке.

Наша справка:

Джордж Блейк родился 11 ноября 1922 года в городе Роттердаме в семье натурализованного в Нидерландах состоятельного египтянина, женатого на голландке. Его отец Альберт Уильям Бехар, выходец из Египта, получил в годы Первой мировой войны британское подданство, сражаясь в составе английской армии во Фландрии. В 1919 году он познакомился в Лондоне с молодой голландской аристократкой Кэтрин Бейдервелен. Вскоре они обвенчались и переехали на жительство в Нидерланды.

После смерти отца в 1936 году Джордж переехал в Каир к сестре матери, бывшей замужем за богатым банкиром, где окончил французский лицей и продолжил образование в английском колледже. В конце 1939 года возвратился в Роттердам.

В начальный период Второй мировой войны был активным

участником движения Сопротивления в Нидерландах. В 1942 году перебрался в Англию и ушел добровольцем служить на британский флот. Окончил военно-морское училище и был приписан к военно-морской разведке. В середине 1944 года на 22-летнего морского офицера, владевшего несколькими иностранными языками, обратили внимание представители британской разведывательной службы «Сикрет интеллидженс сервис». С августа 1944 года Дж. Блейк стал сотрудником английской разведки.

В октябре 1948 года назначен резидентом СИС в Сеуле. Весной 1951 года добровольно, по идейным соображениям установил связь с советской внешней разведкой. По возвращении в Лондон в 1953 году был назначен на руководящий пост в центральном аппарате английской разведки. На протяжении длительного времени от Дж. Блейка поступали исключительно ценные документальные материалы о деятельности спецслужб и военного министерства Англии.

Его информация о прокладке американцами тоннеля к линиям связи штаба советских войск в ГДР позволила Центру использовать этот канал для дезинформации противника.

Весной 1961 года советский разведчик был арестован, подвергнут допросам и приговорен английским судом к 42 годам тюремного заключения. 22 октября 1966 года Дж. Блейк с помощью своих английских друзей-пацифистов совершил побег из лондонской тюрьмы Уормвуд-Скрабе, а уже в декабре оказался в Москве.

Вскоре Джордж Блейк познакомился с Кимом Филби и Дональдом Маклейном, которые уже длительное время проживали в Москве. С их помощью Дж. Блейку удалось быстро адаптироваться в новых условиях. Они часто встречались, вместе отдыхали. Путешествовали по стране.

В Москве у Дж. Блейка появилась новая семья, родился сын, а теперь растет внук, которому он уделяет много внимания. Со временем он восстановил связи со своими сыновьями от первого брака. Они вместе с женами и детьми навещают Дж. Блейка и с удовольствием отдыхают на его даче в Подмосковье.

Дж. Блейк является консультантом Службы внешней разведки России. Написал книгу воспоминаний, изданную у нас в стране и за рубежом.

За большие заслуги в разведывательной деятельности полковник Блейк награжден орденами Ленина, Красного Знамени, Отечественной войны I степени, «За личное мужество», многими медалями, а также нагрудными знаками «Почетный сотрудник госбезопасности» и «За службу в разведке» (знак № 1).

Ветеран принимает активное участие в жизни коллектива разведчиков, избран почетным профессором Академии внешней разведки. Он часто встречается с коллегами, выступает перед молодежью.

В одном из своих первых интервью на московской земле Дж. Блейк подчеркивал:

«Советский Союз стал для меня второй родиной, я гражданин этой страны и вместе с ее народом вношу свой посильный вклад в перестройку советского общества. Меня волнует все, что здесь происходит, я радуюсь успехам нашей страны, переживаю неудачи. Другой судьбы не хочу и счастлив, что она сложилась у меня именно так».

Как видим, проблема адаптации к новым условиям бывших ценных источников информации советской разведки привлекала пристальное внимание со стороны ее начальника Сахаровского. Он предпринимал все меры, чтобы они не чувствовали себя в СССР в изоляции. Их подключали к обучению кадров, к подготовке информационных материалов.

Начальник разведки заботился о расходах на их содержание, интересовался их жилищными условиями. Все они были награждены государственными наградами. Сахаровский отлично понимал, что от всего этого зависит мотивация поведения людей, добровольно идущих на контакт с разведкой и даже рискующих при этом свободой и осуждением со стороны своих бывших сограждан.

Конечно же, рядом с А.М. Сахаровским трудился большой коллектив единомышленников — молодых и с большим опытом работы в разведке, готовившихся к своей первой загранкомандировке и выезжавших в резидентуры на руководящие должности. Для каждого из них Александр Михайлович должен был найти добрые слова и дельные советы, кого-то поддержать, а кого-то и «стимулировать» для ведения более активной работы.

Беседы Сахаровский предпочитал вести с глазу на глаз, при закрытых дверях. Разговоры подчас были не простыми и не легкими. И это вполне понятно: на беседы к начальнику разведки приглашают далеко не каждого. Значит, у оперработника имеются какие-либо проблемы, обсуждать которые может только руководитель разведки. Помимо такта и деликатности, он должен проявить в беседе и высокие профессиональные качества. Такова уж эта должность — начальник разведки. Она требует проницательного ума, сильной воли, решительного характера, доброго сердца и профессионализма.

За примерами далеко ходить не надо. Один из оперативных

сотрудников впервые готовился выехать на руководящую работу в резидентуру. Зная о предстоящей беседе с начальником разведки, он подготовил подробные планы работы с агентурой, делая акцент на активизацию ее работы. В ходе беседы Александр Михайлович внимательно выслушал будущего руководителя резидентуры и в конце произнес всего лишь одну фразу: «Ты побереги их, помощников». И молодой резидент понял, что не только о планах, но и о людях надо думать. Люди для Сахаровского всегда были на первом месте.

Иногда в кабинете А.М. Сахаровского происходили поистине удивительные встречи. Из воспоминаний Героя Советского Союза разведчика-нелегала Геворка Андреевича Вартаняна:

«В 1953 году мой отец, Андрей Васильевич Вартанян, 1889 года рождения, решил, наконец, оставить Иран и переселиться в Армению. В Иране он находился с 1930 года и все это время активно сотрудничал с советской внешней разведкой. Надо сказать, что организованная им резидентура содержалась исключительно на его собственные деньги. К тому времени, после трех отсидок в различных тюрьмах за неблагонадежность, он был уже состоятельным человеком, владельцем известной в Иране кондитерской фабрики, и мог себе позволить оказывать содействие нелегальной разведке не только в получении различного рода документов, но и в содержании конспиративных квартир, размещении разведчиков-нелегалов и в проведении оперативных мероприятий.

Когда началась Великая Отечественная война, отец оказывал “легальной” резидентуре финансовую помощь. На его средства был построен даже танк, который принимал участие в боевых действиях на фронте. Перед войной он одобрил мое твердое намерение связать свою жизнь с советской внешней разведкой.

В конце мая 1953 года моего отца пригласил к себе на беседу А.М. Сахаровский, который в то время являлся заместителем начальника разведки. Хотя я сопровождал отца, на беседу меня не пригласили. Она была длительной. Очевидно, отец отчитывался о проделанной работе. *Я* хорошо запомнил, как он вышел из кабинета Сахаровского: довольный, с блеском в глазах, с гордостью показал мне удостоверение персонального пенсионера и сказал, посмотрев на кабинет Александра Михайловича: “До тех пор пока в советской разведке есть такие люди — она непобедима”».

Прервем на некоторое время воспоминания Геворка Андреевича Вартаняна, чтобы сказать несколько слов о нем самом.

Из биографии разведчика:

Родился 17 февраля 1924 года в Ростове-на-Дону в семье иранского подданного, армянина по национальности, директора маслобойного завода, находившегося в станице Степной. В семье было два сына и две дочери. В 1930 году семья выехала в Иран. Геворку в то время было всего шесть лет.

Отец Геворка был связан с советской нелегальной разведкой и покинул СССР по ее заданию. Он прочно обосновался в Иране, став преуспевающим коммерсантом. Прожив шесть лет в Тавризе, семья переехала в Тегеран.

Родители Геворка были настоящими патриотами Советского Союза и в таком же духе воспитывали своих детей. Именно под влиянием отца Геворк стал разведчиком.

Геворк Вартанян связал свою судьбу с советской разведкой в 16 лет, когда в феврале 1940 года добровольно установил прямой контакт с резидентурой НКВД в Тегеране.

По поручению резидента Геворк возглавил спецгруппу по выявлению фашистской агентуры и немецких разведчиков в столице и других иранских городах. Только за два года его группа установила около 400 человек, так или иначе связанных с германской разведкой. По заданию Центра внедрился в разведшколу, созданную в Тегеране англичанами для ведения подрывной работы против СССР, и прошел в ней полный курс обучения. Принимал активное участие в обеспечении безопасности лидеров «Большой тройки» в ходе работы Тегеранской конференции в ноябре—декабре 1943 года. В 1951 году был выведен в СССР и окончил факультет иностранных языков Ереванского университета. Затем последовала многолетняя работа разведчика-нелегала в экстремальных условиях и сложной обстановке в различных странах мира, отмеченная званием Героя Советского Союза, многими орденами и медалями, а также высшими ведомственными наградами.

До последних своих дней полковник Вартанян проживал в Москве, являлся консультантом Службы, принимал активное участие в воспитании молодого поколения разведчиков. Скончался 10 января 2012 года.

Из воспоминаний Геворка Андреевича Вартаняна:

«В 1957 году, когда Александр Михайлович Сахаровский был уже начальником Первого главного управления, он пригласил меня к себе, чтобы получить мое согласие для направления нас с супругой на нелегальную работу за границу.

Беседа была не долгой. Сахаровский вспомнил отца, вспомнил мою работу в Тегеране в годы Второй мировой войны,

сказал, что наша подготовка будет короткой, поскольку у нас уже есть опыт работы в боевых условиях, и пожелал нам удачи. И действительно, через два с половиной месяца мы с супругой были уже далеко от Москвы.

В середине 1960-х годов, когда нам с супругой удалось побывать в отпуске в СССР, меня еще раз пригласил на беседу, уже с отчетом о работе, А.М. Сахаровский. Вот этот разговор был более долгим, и я тогда понял, почему отец вышел от Александра Михайловича такой довольный. Я никак не ожидал, что человек такого высокого положения может вести беседу с оперработником не как начальник с подчиненным, а как коллега с коллегой. Полное понимание сложностей в работе, мгновенная реакция на возникавшие в ходе беседы проблемы показывали, что этот человек болеет душой за разведку, за людей, которые вдали от Родины делают все от них зависящее, чтобы она чувствовала себя в безопасности. Такие беседы запоминаются на всю жизнь».

Особенно любил беседовать Александр Михайлович с молодыми оперработниками. Чаще всего такие встречи мало напоминали официальную беседу руководителя с младшим по должности. Скорее всего это был разговор двух соратников, ответственных за одно и то же дело, беседа отца с сыном перед дальней дорогой, тяжелой и опасной, которую предстояло одолеть младшему. Старший знал, что для этого одного желания мало. Как мало и тех знаний, которые молодой оперработник получил на теоретических занятиях. Необходимо помнить, что разведка — это ежедневный и ежечасный тяжелый труд. За границей оперработник вынужден постоянно находиться на острие испытаний. Сахаровский часто подчеркивал, что ошибается тот, кто думает, что разведкой может заниматься любой человек. Он считал, что разведка — это образ мышления, состояние души, своеобразный талант и умение выдерживать постоянное напряжение.

К сожалению, не избежала разведка в период, когда у ее руля находился Сахаровский, и некоторых провалов в работе. Следует подчеркнуть, что в таких обстоятельствах начальник разведки сохранял спокойствие и требовал этого от своих подчиненных. Он отдавал себе отчет в том, что против советской разведки действует искушенный и опытный противник. Выдворение из страны, шельмование — это самое простое из того, что подстерегает разведчика в его повседневной работе. Но если он сам допускает оплошность и дает в руки спецслужб противника хоть малейший повод для провокаций, то тогда они запускают против разведчика весь свой арсенал: вербовочные предложения, угрозы, запугивание, шантаж. Все это делается с целью сломить

его волю и заставить пойти на предательство. «Защитить любой ценой сотрудника, допустившего ошибку, но сумевшего противостоять противнику — главная задача коллектива, в котором он трудится», — так считал Сахаровский. Но чего не мог понять и простить Александр Михайлович — это предательства.

Природа предательства не меняется с годами. Здесь и боязнь ответственности за промахи, и ошибки в служебной деятельности, пьянство и деградация личности, любовные увлечения, финансовые нарушения. В то же время после смерти Сталина и публикации доклада Хрущева о культе личности появилась новая порода предателей—«борцов против советского тоталитаризма». Подавляющее большинство этих людей, совершивших элементарные аморальные проступки и поддавшихся нажиму со стороны спецслужб противника, пытается прикрыть свое предательство политическими мотивами и, в частности, представить себя в роли борцов с социалистической системой. Ведь предатель — это иуда, а борец — герой!

Одним из таких предателей стал О.Д. Калугин, который при Сахаровском являлся заместителем начальника контрразведывательного подразделения ПГУ.

В 1995 году вышла в свет его книга «Прощай, Лубянка!». Посмотрим, каким виделся начальник внешней разведки будущему предателю. Касаясь Сахаровского, Калугин, в частности, пишет:

«Обычно сумрачный, как будто отягощенный постоянными думами, он являл собой тип начальника, имя которого произносили с благоговением или страхом. Ни от кого в КГБ я не слышал худого или пренебрежительного мнения о шефе разведки.

По натуре Сахаровский был подозрителен и осторожен. Он первый обратил внимание на непоследовательность в поведении агента ПГУ Артамонова-Шадрина, в прошлом командира эсминца на Балтике… Он беспощадно расправлялся с теми, кто терял в его глазах доверие… Его упрямство, готовность постоять за себя и защитить разведку от нападок вызывали раздражение наверху».

Далее Калугин делает предположение:

«Думаю, что в тяжелом взгляде и необщительности Сахаровского скрывалась одна тайна, о которой у нас предпочитают помалкивать и поныне. Александр Михайлович нес на себе груз ответственности за “мокрые дела” советской разведки. При нем и с его ведома были физически ликвидированы лидер украинских националистов С. Бандера и активист НТС Л. Ребет».

К сожалению, проработав длительное время в разведке, Калугин так и не понял разницы между разведывательной

деятельностью и разведкой как государственным механизмом. Да, разведка того времени принимала участие во внешнеполитических мероприятиях, связанных с физическим устранением по решению суда советских граждан, дававших присягу служить Родине и существовавшему строю, и преступивших закон. Такие граждане могли быть отданы под суд и осуждены заочно. И если такой человек был приговорен к высшей мере наказания, то только после вынесения приговора мог быть поставлен вопрос о приведении его в исполнение.

Касаясь этой проблемы, бывший председатель КГБ Владимир Семичастный писал:

«Я сам как председатель КГБ не имел права единолично принимать решения о физической ликвидации людей. Пропаганда, утверждавшая обратное, опиралась прежде всего на принцип исполнения советского закона за пределами Родины, имевшего отношение прежде всего к беглецам из наших рядов с известными именами.

Единственный случай, о котором я знаю и который относился к временам шелепинского председательства в КГБ, когда чекисты, действительно, привели приговор в исполнение, касался Степана Бандеры, главаря эмигрантской Организации украинских националистов (ОУН).

Подробный план уничтожения этого преступника был разработан в 1959 году. Позже раскрытие его вызвало многочисленные протесты в западных странах. Адресовались они Шелепину».

Кстати, исполнителю этой операции Богдану Сташинскому в декабре 1959 года был вручен орден Красного Знамени «за успешное выполнение особо важного задания правительства».

Одновременно необходимо подчеркнуть, что, являясь частью государственного аппарата, разведка проводила оперативные мероприятия по выявлению преступника (а то, что Степан Бандера был государственным преступником, террористом, состоявшим на службе абвера и засылавшим своих боевиков в годы Великой Отечественной войны в тылы Красной Армии — неоспоримый факт. — *Примеч. авт.)* и исполнению приговора в отношении него. Но считать начальника разведки инициатором ликвидации Бандеры лишено всякого смысла. 15 июля 1971 года Александр Михайлович Сахаровский подал рапорт об отставке с поста начальника внешней разведки.

Следует отметить, что некоторые исследователи истории отечественных спецслужб связывают уход Сахаровского из разведки с предательством сотрудника ПГУ Лялина.

На самом деле переход оперативного работника лондонской

резидентуры Лялина на сторону противника произошел в сентябре 1971 года, когда начальником ПГУ уже был Ф.К. Мортин. В то же время не исключено, что Сахаровский, будучи к тому времени консультантом председателя КГБ по разведке, принимал активное участие в выработке мер по ликвидации последствий предательства Лялина. А они были достаточно жесткими.

Не исключено также, что уже тогда Александр Михайлович чувствовал приближение кризиса советской партийно-административной системы. В конце 1960-х — начале 1970-х годов Запад начал активно расшатывать идеологическую основу Советского государства. Требовалась жесткая адекватная ответная реакция со стороны политического и государственного руководства страны. Однако многоопытный Сахаровский такой реакции на происходящие события не ощущал. К тому же здоровье Александра Михайловича оставляло желать лучшего: он уже перенес два инфаркта. И Сахаровский решил уйти с поста начальника ПГУ. В то же время вплоть до февраля 1975 года он оставался тесно связан со Службой, являясь старшим консультантом председателя КГБ при СМ СССР по разведке.

Глава 9. ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ

В этой главе мы хотели бы привести воспоминания об Александре Михайловиче Сахаровском его родственников, сослуживцев и товарищей по работе, которые рассказывают о различных этапах его жизни и деятельности.

ДЕТСТВО И ЮНОСТЬ

Перед тем как предоставить первое слово Юрию Александровичу Сахаровскому, племяннику Александра Михайловича, познакомим с ним читателей.

Родился 16 июня 1931 года в поселке Антропово Костромской области.

После окончания средней школы учился в Московском химико-технологическом институте (МХТИ) имени Д.И. Менделеева и в аспирантуре этого института.

В течение ряда лет руководил отделом научно-исследовательских работ МХТИ. Ведущий ученый в области каталитических методов разделения изотопов водорода. Один из авторов и научный руководитель коллектива, разработавшего новую концепцию очистки от трития водных потоков термоядерного реактора, а также новую технологию утилизации тяжеловодных отходов, в частности, получаемых при разрядке термоядерных боеголовок. Доктор химических наук, профессор.

Ю.А. Сахаровский — Почетный химик Российской Федерации. Им опубликовано более 140 научных работ. Имеет ряд правительственных наград.

Итак, рассказывает Юрий Александрович Сахаровский:

«История рода Сахаровских уходит в прошлое ровно настолько, насколько помнил ее наш прадед Федор Вулевич. А рассказывал он, надо сказать, очень немного. Но все-таки, чтобы оценить жизненный путь человека, необходимо обратиться к его истокам, то есть к тем людям, которые еще в детстве оказывали на него наиболее сильное влияние. Впрочем, слово “влияние”, возможно, и не вполне точно отражает сущность процесса воздействия родственников на Александра. Он сам выбрал свой неповторимый жизненный путь.

Следует отметить, что взаимопонимание в семье, взаимопомощь и стремление старших родственников держаться поблизости и, хоть изредка, общаться друг с другом, сохранились у Александра Михайловича на всю жизнь.

У Федора Вулевича было три сына: Павел, Василий и Михаил. Жили они в соседних деревнях, но дружили крепко. Павел и Михаил даже своих сыновей назвали одинаково — Александрами. Когда их семьи собирались вместе, то одного из них, то есть моего отца, звали Саша-старший, а второго, героя этой книги — Саша-младший. Подростками они ничем не выделялись среди других босоногих деревенских мальчишек. Только Саша-младший все время старался ни в чем не уступать более старшим

товарищам и отличался повышенной любознательностью. За это он однажды серьезно пострадал. Дело было так.

Деревенские подростки отправились в соседний лес охотиться на белок, которых они потом сдавали местному скорняку. Охота заключалась в том, что они загоняли белку на отдельно стоящее дерево и, стуча по нему обухом топора, заставляли ее спрыгнуть на землю, где и накрывали шапкой.

В тот день с топором был Саша-старший. И когда во время удара по дереву Саша-младший из-за его плеча попытался разглядеть, спрыгнула ли белка, то получил острием топора удар по голове. К счастью рана оказалась неглубокой, и родители дружно наказали обоих Александров: одного за то, что был невнимателен, а второго — за излишнее любопытство.

Из детей Федора Вулевича наиболее склонным к перемене мест оказался Павел Федорович, мой дед. Он был, как говорится, “на все руки мастер” и смог трудоустроиться в Петрограде. В трудные и голодные годы к нему часто приезжали все остальные родственники.

Павел Федорович был на 3 года старше Михаила Федоровича и являлся как бы лидером среди братьев. Его сын — Саша-старший — сначала был рабочим в литейном цехе судостроительного завода, потом окончил комвуз и стал комсомольским работником. Затем служил в ЧОНе (части особого назначения. *—Примеч. авт.),* некоторое время плавал на гражданских судах, был старшим политруком, организовывал совхозы в Краснодарском крае, работал парторгом крупного строительства.

Когда Саша-младший приехал в 1926 году в Ленинград, Александр Павлович не только помог ему поступить в фабрично-заводское училище (ФЗУ), но и дал рекомендацию в комсомол. Отец вспоминал случай, когда уже комсомолец Саша-младший проявил смелость и находчивость при задержании троих грабителей.

Дело было на судостроительном заводе в 1928 году. Комсомолец Сахаровский был дежурным (что-то вроде комсомольского патруля) и, обходя завод, заметил в здании заводоуправления взломанную дверь в одной из комнат на третьем этаже по соседству с кассой для выдачи зарплаты рабочим. Не растерявшись, он сумел быстро закрыть дверь, подперев ее железной арматурой, и только после этого вызвал охрану. Грабители были задержаны. Этот случай позднее рассматривался среди родственников как своего рода “предзнаменование” его будущей профессии. Он показал, что Александр в критические моменты, когда надо проявить

находчивость, действует смело и не шаблонно (ведь тогда можно было просто вызвать охрану, а воры могли бы сбежать).

Надо сказать, что Павел Федорович, Василий Федорович и Михаил Федорович сумели привить своим детям активную жизненную позицию. Саша-старший стал крупным партийнохозяйственным работником, сын Василия Юрий — подполковником воздушно-десантных войск, а Саша-младший выбрал путь сначала комсомольского, а затем — партийного руководителя. А о том, что он стал чекистом, сотрудником советской внешней разведки, мы узнали значительно позже.

Александр Михайлович являлся настоящим заводилой молодежи. Он был высоким, стройным, сильным парнем, хотя сам активно спортом не занимался — времени не хватало. Но в ходе всех комсомольских мероприятий был на главных ролях. Он много читал, любил народную и классическую музыку, разбирался в театральных постановках. С ним было интересно беседовать, спорить и даже мечтать. Многие девушки в то время заглядывались на него, но он выбрал Веру Кузнецову.

Она была на один год младше Александра. Жила в одном с ним доме. Работала бухгалтером на заводе резиновых изделий “Красный треугольник”.

После демобилизации из армии в октябре 1934 года Александр сделал ей предложение, и уже 11 февраля 1935 года молодые сыграли свадьбу.

В том же году в Ленинград переехали жить родители Александра — Михаил Федорович и Анна Марковна. В 1936 году у Александра Михайловича и Веры Алексеевны родился сын Валерий. Вера Алексеевна оставила работу и занялась воспитанием сына и домашним хозяйством. Жили одной большой семьей. К ним постоянно наведывались, а иногда и подолгу гостили родственники.

Сахаровские любили собираться вместе по вечерам. Пели песни, играли в лото. Мать Веры Алексеевны научила Александра Михайловича играть в карты — в “девятку”. И хотя уже в то время у него было мало свободного времени, Александр Михайлович иногда составлял своим родственникам и друзьям компанию.

Так бы мирно и продолжалась их жизнь, если бы не началась война».

В ГОДЫ ЛИХОЛЕТЬЯ

Время летит неумолимо. Все труднее сохранить в памяти детали событий, происходивших с отдельными людьми в героическом Ленинграде. Но воссоздать хотя бы немногое из того, чем жили сотрудники разведывательного отдела УНКВД Ленинградской области, помогает рассказ сослуживца Александра Михайловича Сахаровского, ветерана внешней разведки, полковника в отставке Бориса Яковлевича Наливайко:

«В мае 1942 года я был направлен в органы госбезопасности и стал сотрудником отдела, который возглавлял Александр Михайлович Сахаровский — тогда молодой стройный майор.

Работа в его отделе была увлекательной и боевой. Отдел занимался подготовкой и заброской агентуры в тыл врага. Все, начиная с подбора кандидатов, делалось собственными силами. В длинных коридорах управления в ночное время, когда не было других сотрудников (всю войну наш отдел находился на казарменном положении — спали непосредственно в кабинетах), мы укладывали парашюты, грузили их в машины. Затем, забирая по пути агентуру, следовали на аэродром либо на передовую, если выброска осуществлялась через “зеленую” границу.

Много было и другой боевой работы. Несмотря на все тяготы и трудности, бомбежки и обстрелы, мы оставались обыкновенными молодыми людьми. Шутили, встречались с друзьями, с осени 1942 года ходили в кино в наш клуб и даже влюблялись. Последнее не обошло стороной и меня. В мае 1943 года я встретил девушку, на которой через три месяца женился, и вот уже сорок лет делю с ней все свои радости и невзгоды. По случаю свадьбы А.М. Сахаровский распорядился выдать мне из спецфонда бутылку водки, двести граммов сала и килограмм черных сухарей. В то время я был безмерно рад такому подарку».

Этот короткий рассказ свидетельствует о человечности А.М. Сахаровского, который не только не препятствовал нормальным взаимоотношениям в тяжелые годы войны, но и делал все от него зависящее, чтобы люди и в трудные годы могли отметить значительные события в своей жизни как праздники.

Сам А.М. Сахаровский, вспоминая годы, проведенные в осажденном Ленинграде, горько шутил, что ему приходилось оберегать не только людей, но и лошадей. Дело в том, что за отделом была закреплена повозка с лошадью для перевозки спецтехники. Ее охрана доставляла массу хлопот Сахаровскому и его сотрудникам, поскольку имели место неоднократные попытки «реквизировать» транспортное средство на мясо.

Сотрудники отдела А.М. Сахаровского вели борьбу с врагом достаточно эффективно. Заброшенные в тыл противника чекистские группы пускали под откос эшелоны, с риском для жизни добывали разведывательные данные. Многие из них с благодарностью вспоминали своего боевого командира. Несмотря на постоянную занятость, он находил время для личного разговора как с сотрудниками отдела, так и с теми, кому предстояло идти во вражеский тыл через линию фронта или прыгать с парашютом на партизанские костры.

Фронтовые будни не забываются. И долгие послевоенные годы Александр Михайлович и в служебных делах, и в жизни всегда опирался на тех, кто имел фронтовую закалку. Одним из таких соратников был Михаил Иванович Филимонов, о котором мы уже рассказывали в этой книге. И хотя им пришлось вместе работать и дружить уже после войны, они не раз вспоминали тяжелую фронтовую пору. Воевать им пришлось на разных фронтах, но судьба солдата и командира зависит не от того, на каком фронте он воюет, а от того, где он — в тылу или в самом пекле войны.

Вот как рассказывал автору о начале своей войны с фашистами Михаил Иванович Филимонов:

«В 1941 году я работал в аппарате НКВД в Минске начальником отделения экономического отдела. В середине июня был направлен в командировку в Брест для оказания помощи нашим сотрудникам, где и застал меня первый день войны. Точнее, не день, а тихий, летний, похожий на тысячи других рассвет.

Первое боевое задание получил в Гомеле, где в начале войны располагался центральный аппарат НКВД Белоруссии. Наша группа состояла из 6 человек, а возглавлял ее начальник Бобруйского горотдела НКВД Залогин. Задание группе ставил заместитель наркома внутренних дел БССР Мисюрев, и смысл его был простым — любыми средствами уничтожить железнодорожный мост через реку Березину в районе Бобруйска. Этот захваченный врагом мост имел стратегическое значение, и неоднократные попытки нашей авиации разбомбить его успеха не принесли.

Наблюдение за мостом в течение двух суток подтвердило, что его надежно прикрывали с земли и с воздуха мощные огневые точки и в лоб его штурмовать было безнадежно. Оставался один путь — заминировать его, пробравшись к двум центральным опорам моста в середине реки. Всю операцию отработали до мельчайших подробностей. Знали, что второй попытки не будет, а провал этой будет стоить нам жизни.

В безлунную, темную ночь мы спустили на воду плотики с толом, и они поплыли по течению, а рядом—двое из группы: Саша Маршев, следователь центрального аппарата НКВД, и я. Выбор на нас пал как на лучших пловцов. Плотики гнало по воде, и главное было направить их по течению так, чтобы не попасть под луч прожектора охраны. Нам повезло, и мост был взорван. Трагедия произошла позже.

На маршруте нашего отхода лежало село Карниловка. По полученным сведениям, немцев в округе пока не видели, они держались ближе к магистральным дорогам. Но на всякий случай решили обойти село стороной. Вдруг где-то за спинами послышался невнятный шум, донесся говор, отчетливо прозвучало крепкое непечатное выражение. По луговине на нас нестройно шла толпа гражданских лиц, вооруженных автоматами и винтовками. Стрекотнула очередь, и пули, чавкая, врезались в торфяной слой земли. Приняв группу за партизан, мы замахали пилотками, закричали, что, мол, мы свои, не стреляйте. Мы были все еще под впечатлением удачно проведенной операции и ошибку поняли слишком поздно, когда те люди (их было человек двадцать пять) подошли почти вплотную.

Мы все еще надеялись, что это недоразумение, которое вот-вот разрешится, и поэтому практически не сопротивлялись, когда нас поставили на краю торфяной канавы. Запоздалое осознание того, что перед нами бандиты, нелепость всего происходящего, неотвратимость надвигающегося, мучительная горечь и обида— все это было невыносимо. Это были дезертиры и мародеры, которые только что разграбили завод по изготовлению спирта и на нас наткнулись совершенно случайно. А мы даже не подняли автоматов, которые остались лежать у кустов. Бандиты были пьяны и торопились, поэтому вершили суд над “большевиками” быстро и споро.

Вышли “добровольцы”, сами себе скомандовали и открыли огонь. Погибли все, кроме меня и нашего командира Залогина. Он стоял чуть впереди меня слева. Пуля ударила ему в плечо, и, отпрянув назад, он столкнул меня в канаву, а следом, не удержавшись, упал и сам. Густой кустарник скрывал кромку канавы, и, выпустив несколько очередей по воде, бандиты успокоились. Тут же, у тел наших товарищей, они пили спирт и горланили песни. Угомонились они только к вечеру и ушли ночевать в деревню.

Когда бандиты ушли, я услышал стон: это был Залогин. Он потерял много крови и был очень плох. Мокрые и продрогшие, мы волочились по ночному лесу. Огонь нельзя было зажигать, да и нечем. В голове билась одна мысль: какая нелепость, как это

могло случиться? Ведь это был не бой, где смерть в какой-то мере понятна. Выполнить задание, уйти от немцев и погибнуть от рук предателей, когда все опасности, казалось, уже позади! Было безмерно больно и обидно.

Утром нас подобрала группа солдат, с которыми мы вышли из окружения лишь в конце октября 1941 года».

Михаил Иванович Филимонов за линией фронта бывал еще не раз. И не раз участвовал в дерзких и опасных операциях. Но это первое боевое крещение и нелепая гибель товарищей навсегда врезались в его память. И тот мост над Березиной тоже.

Из воспоминаний М.И. Филимонова:

«Познакомились мы с Александром Михайловичем Сахаровским в начале 1950 года перед поездкой в Румынию, куда меня направили работать в качестве советника. Уже первое впечатление о нем было самое благоприятное. Сразу было видно, что это руководитель-лидер, который будет “тянуть лямку” вместе со всеми. Несколько месяцев в Румынии мы находились без жен. И сразу же ощутили приспособленность нашего руководителя к преодолению бытовых трудностей. Он умел готовить, особенно рыбные блюда и блюда из дичи. Очевидно, это осталось у него с того времени, когда он служил на Дальнем Востоке. Все поражались, когда он учил нас приготовлению утки на костре в глине или какой-нибудь изысканной ухи.

Когда приехали жены с детьми, мы сблизились еще больше, поскольку дети были почти одногодками. Да и жены наши быстро нашли общий язык. В семейной обстановке скромность и строгость Сахаровского по отношению к себе проявлялась еще больше. На переднем плане у него всегда были внимание к жене и способность к сопереживанию по возникавшим чисто человеческим проблемам.

Следует отметить, что его жена Вера Алексеевна провела без мужа много дней: до войны, в эвакуации, в послевоенном Ленинграде, в Москве, когда муж был в командировках.

И потом, когда стал руководителем Главка, редкие часы ему удавалось проводить с семьей. “Воспитание детей — это ее заслуга”,—часто говорил Александр Михайлович (в декабре 1941 года у Сахаровских родился второй сын — Игорь. — *Примеч. авт.)*.

О человеческих чертах Сахаровского говорить достаточно просто. Подавляющее большинство сослуживцев и знакомых его уважали. Некоторые побаивались. Руководители ценили. Внешне почти всегда неулыбчивый, строгий. А душа была широкая. Он глубоко верил в людей, всегда был с ними, не слишком придавая значения разнице в чинах, возрасте.

Мы с женой любили бывать на их семейных торжествах. Это были славные вечера. Разговоры домашние, почти никогда не велись беседы на служебные темы. Александр Михайлович говорил вроде бы известные вещи, но в результате беседа оказывалась поучительной. С товарищами общался непринужденно, высказывался откровенно, иногда с юмором».

ВСПОМИНАЮТ СОСЛУЖИВЦЫ САХАРОВСКОГО

Рассказывать о жизни начальника разведки — это значит рассказывать об истории внешней разведки того периода, в течение которого он ее возглавлял.

В то же время здесь уместно процитировать генерала Кирпиченко, который сам некоторое время исполнял обязанности начальника внешней разведки, а еще в течение семнадцати лет был заместителем (1974—1991 годы), из них двенадцать лет — первым заместителем начальника Первого главного управления КГБ. А в народе говорят, что иногда «зам» бывает больше, чем «сам».

Вот что он писал в своей книге «Разведка: лица и личности»:

«Я не собираюсь давать подробные профессиональные и политические характеристики всем начальникам разведки, при которых проходила моя служба.

Каждый из них вносил посильную лепту в становление разведки, каждый отдавал себя целиком этому нелегкому делу. Да и вряд ли найдется человек, который станет серьезно утверждать, что сможет полно и объективно оценить роль и вклад в общее дело того или иного начальника разведки».

Полностью соглашаясь с Вадимом Алексеевичем, можно лишь добавить, что даже если мы попытаемся описать один день из напряженной жизни начальника разведки, нас постигнет неудача, так как невозможно рассказать о всех тех вопросах, которые ему приходится решать в течение «ненормированного» рабочего дня, длящегося, порой, по двенадцать и более часов.

Сотрудники разведки, по делам службы часто встречавшиеся с Александром Михайловичем, вспоминают, что каким бы длинным и трудным, даже «горячим» ни был его рабочий день, он всегда был приветлив, внешне спокоен. Неторопливый в оперативных вопросах, внимателен к людям. Эти черты были очень характерны для Сахаровского.

Вот что рассказывал об А.М. Сахаровском бывший начальник информационно-аналитической службы внешней разведки генерал-майор Филипп Артемьевич Скрягин:

«Меня поражало то, как Александр Михайлович вел беседу с сотрудниками. Он всегда выслушивал, не перебивая если даже речь шла о вопросе, непрямо относящемся к теме беседы.

Часто наш разговор о совершенствовании информационной работы Александр Михайлович подводил к вопросу о кадрах. Я

подробно рассказывал о людях, потому что его интересовали не только их деловые, но и личные качества. Он и сам беседовал с рядовыми работниками-информаторами, переводчиками. Приглашал исполнителей документов на доклад. У нас была общая точка зрения на то, что лишь беседуя с самим исполнителем можно глубже разобраться с вопросом, изложенным в документе, найти резервы в работе. Трудно переоценить также пользу обсуждения возникающих проблем с начальником разведки для самого исполнителя. В ходе беседы Александр Михайлович имел возможность глубже войти в проблему, лучше узнать сотрудника».

Александр Михайлович обладал исключительными аналитическими способностями, предвидел и рассчитывал возможный ход оперативных мероприятий, имел феноменальную память, стремился справедливо относиться к подчиненным.

Бывший ответственный сотрудник разведки генерал-майор Василий Алексеевич Дождалев, принимавший в свое время участие в операциях по связи с разведчиком-нелегалом К.Т. Молодым, рассказывал:

«После ареста последнего я, не зная всей сути дела, пришел в кабинет начальника разведки и взял всю вину за провал на себя. Сахаровский выслушал меня внимательно и заявил, что это вина не моя, причина совсем в другом. После этого меня не только не наказали, а, наоборот, повысили в должности».

Другой ветеран разведки, генерал-майор Владимир Павлович Бурдин, вспомнил такой случай:

«Где-то в 1963—1964 годах — а я в то время занимал должность заместителя руководителя Аппарата Уполномоченного КГБ СССР при МГБ ГДР — мне принесли на подпись оперативный документ. *Я* отказался визировать его, потому что считал мероприятие, которое предлагалось провести, неподготовленным и достаточно опасным. Я официально изложил свою позицию, однако она не была учтена.

Через некоторое время на стол А.М. Сахаровского легла бумага, в которой были указаны фамилии виновных в провале данной операции, в том числе и моя фамилия. Увидев ее, Сахаровский со словами: “Он же отказался подписывать этот документ” — вычеркнул мою фамилию из “черного” списка».

Ветеран разведки генерал-лейтенант Сергей Александрович Кондрашев на юбилейном вечере, посвященном 90-летию со дня рождения А.М. Сахаровского, характеризуя его, рассказал такой случай:

«В одной из ведущих натовских стран работал опытный и сильный разведчик Никита Стефанович Дерябкин. По прикрытию

он занимал скромную должность технического сотрудника советского посольства. А по линии разведки на него возлагались ответственные задачи по поддержанию связи с наиболее ценной агентурой.

Как-то раз после прошедшего в Москве очередного съезда КПСС в посольство с дипломатической почтой поступили две упаковки. В одной из них содержались портреты вновь избранных членов Политбюро ЦК КПСС, а в другой — запасные части к посольскому радиопередатчику. Причем упаковка с радиодеталями в ходе транспортировки была повреждена, и Москва дала указание ее возвратить. В связи с тем что дипкурьеры собирались в обратный путь, Дерябкин, принимавший участие в получении почты, быстренько написал сопроводительную записку (“возвратить за ненадобностью”) и попросил своих коллег передать упаковку дипкурьерам, а сам отправился на оперативное мероприятие.

Через несколько дней посол распорядился вывесить в актовом зале портреты нового состава Политбюро, а их не нашли... Разразился скандал. Оказалось, что именно они были случайно возвращены в Москву “за ненадобностью”. В соответствующие подразделения ЦК КПСС, МИДа и КГБ ушла телеграмма, в которой посол требовал отозвать Дерябкина из командировки.

Реакция Сахаровского была незамедлительной. В ответной телеграмме сообщалось, что за конкретные результаты в работе Н.С. Дерябкин награжден орденом Ленина и что он (Сахаровский) надеется, что руководство посольства присоединится к поздравлениям в адрес сотрудника резидентуры по этому поводу. Инцидент был исчерпан, а Н.С. Дерябкин проработал в стране еще несколько лет».

Бывший заместитель начальника внешней разведки генерал-майор Борис Александрович Соломатин рассказывал:

«Трудно было Александру Михайловичу Сахаровскому. Все-таки разведка подразделяется на тех, кто “в поле”, и тех, кто “рядом с начальством”. Я-то чаще бывал “в поле”, поэтому мне сложно судить о всех “подковерных” ситуациях, которые складывались в Центре. Но я знаю, что Александр Михайлович высоко ценил руководителей подразделений и резидентур за правильный подбор и расстановку кадров, давал объективную оценку их достоинств и недостатков. Еще хочу отметить, что директивы и указания начальника ПГУ, которые направлялись в резидентуры, были всегда конкретны, они способствовали профессиональной активности оперативного состава».

В этой связи еще один ветеран СВР вспомнил такой случай:

«Сахаровский был достаточно строг к тем руководителям резидентур и подразделений в Центре, кто хотел бы завысить значимость проведенных оперативных мероприятий и получить побольше наград. Однажды ему принесли проект приказа о награждении сотрудников за удачно проверенную операцию. Список был достаточно внушительный и поощрения значительны — от правительственных наград до “может быть повышен в должности до старшего оперуполномоченного”.

Внимательно изучив список, он предложил пересмотреть его в сторону снижения ценности наград и только по последней кандидатуре вычеркнул слова “может быть”. И, пока новый проект приказа готовился, проследил за тем, чтобы рядовой участник операции был повышен в должности».

О ветеранах, людях заслуженных, Александр Михайлович заботился и всячески их поддерживал. Бывший начальник секретариата ЛГУ рассказал о таком эпизоде из жизни начальника разведки:

«Накануне празднования 55-й годовщины органов ВЧК—КГБ Александр Михайлович узнал, что одному из старейших чекистов-разведчиков Василию Ивановичу Пудину исполнилось семьдесят лет. Александр Михайлович дал указание, а затем и проконтролировал, чтобы ветеран был включен в “юбилейный приказ” о поощрениях. Это один пример. А сколько их было... Постоянную чуткость, неформальное отношение к людям одни называют чертой характера, другие — стилем работы руководителя. Но дело не в названии. Важно, что внимание, забота о сотруднике положительно влияют на рабочую атмосферу в коллективе в целом».

Рассказывает ветеран Службы внешней разведки, заслуженный деятель культуры РСФСР, художник, автор книги «Разведка: люди, портреты, судьбы» полковник Павел Георгиевич Громушкин, который в своей книге поместил характерный карандашный портрет А.М. Сахаровского и привел некоторые, существенные на его взгляд, особенности личности начальника разведки:

«С руководителем советской внешней разведки Александром Михайловичем Сахаровским я близко познакомился в 1956 году. Неоднократно приходилось бывать у него с докладом и обсуждать оперативные дела. И всегда он был внимателен к молодым сотрудникам, тактично подсказывая конструктивные решения, стараясь не задеть достоинства человека, приободрить начинающего, ни в коем случае не подавляя своей начальствующей высотой.

Умел создать и создавал вокруг себя спокойную, деловую

обстановку; побуждал к работе мысли, к инициативе. Для меня он был Человеком с большой буквы. Вместе нам доводилось бывать у Ю.В. Андропова, докладывая о некоторых проблемах в деятельности разведки. Однажды, помнится, когда разговор весьма накалился, Александр Михайлович встал и сказал: “Юрий Владимирович, в этом случае я лично виноват, ослабил контроль за работой управления”».

Эти же качества принципиальности и честности при выполнении своего профессионального долга, которые были присущи Сахаровскому, подчеркивает в своей книге «Разведка: лица и личности» генерал Кирпиченко:

«В последнюю заграничную командировку (и единственную, кстати, в “несоциалистический” мир) начальника ПГУ сопровождал я. Дело было в марте 1970 года. Предстояли переговоры с руководством Службы общей разведки и военными контрразведчиками Египта по обеспечению безопасности прибытия в страну наших ракетчиков и военной техники.

Когда после возвращения мы докладывали Ю.В. Андропову о результатах поездки, Александр Михайлович еще раз раскрылся как прямой и честный человек. Рассказав Андропову о трудных переговорах, о том, что не получил от египетских партнеров ответов на прямо поставленные вопросы, Сахаровский заявил председателю КГБ: “Таким образом, можно считать, что мне не удалось выполнить те задачи, которые на меня возлагались, и моя миссия положительных результатов не дала!”

Надо сказать, что египетскую сторону в тот раз представляли действительно недоброжелательные собеседники: это были случайные люди, и они долго не задержались на своих постах. Что же касается заявления Сахаровского председателю КГБ, то это был единственный случай в моей служебной практике, когда руководитель такого уровня при докладе прямо заявил, что ему не удалось выполнить данное ему поручение. Обычно в таких случаях использовалась какая-нибудь спасительная формула: “Несмотря на объективные трудности, удалось достичь некоторого взаимопонимания” или “Выявлены точки соприкосновения и поле общих интересов” и тому подобное».

Сахаровский хорошо знал не только руководящий состав, но и многих рядовых работников. Не раз он удивлял руководителей центрального аппарата и зарубежных точек своей осведомленностью о таких сторонах деловых и личных качеств их подчиненных, которые не всегда были известны самим этим руководителям.

Более 16 лет, с конца 1953 года, секретарем и одновременно машинисткой-стенографисткой у Александра Михайловича

Сахаровского была Анна Ивановна Мушникова.

В органах госбезопасности Анна Ивановна работала с 1939 года. 5 июля 1941 года в составе 29-й армии войск НКВД она ушла на Калининский фронт, попала в окружение. В 1943 году принимала участие в сражении на Курской дуге. Эта мужественная женщина была награждена двумя орденами Отечественной войны II степени, многими боевыми медалями. Она с большой теплотой вспоминала о Сахаровском:

«Александр Михайлович на работе вел себя скромно, со всеми сотрудниками имел ровные отношения. Иногда возвращался в свой кабинет после встреч с председателем КГБ — сначала с Серовым, а потом с Андроповым — в плохом настроении, как говорят, “туча тучей”. Но, вызывая к себе провинившегося сотрудника, никогда на него не кричал, разбирал тот или иной промах по существу. К женщинам-сотрудницам был всегда внимателен.

К Сахаровскому нередко приходили, чтобы решить те или иные личные проблемы, и он, по возможности, помогал выполнить их просьбы, особенно по жилищному вопросу. По характеру он был, в сущности, мягким человеком, но, когда требовала служба, был тверд и принципиален. Меня ни разу не ругал, хотя были моменты, когда надо было ругать, а он просто скажет, что я не так сделала.

Но один раз он меня проучил. Один наш сотрудник, приехавший из Болгарии, дал мне для передачи Александру Михайловичу пол-литровую бутылку с болгарским розовым маслом. Это косметическое средство стоило больших денег. Я передала Сахаровскому эту бутылку. Выяснив, что это такое, Сахаровский очень строго мне сказал, чтобы я впредь ни от кого никогда и ничего не брала, никакие подарки.

Я вернула бутылку, и с тех пор мне никто не передавал подарков для Александра Михайловича».

А.М. Сахаровский очень часто должен был решать такой животрепещущий в те времена для любого человека вопрос, как жилищный. Александр Михайлович вынужден был его решать по долгу службы совместно с парткомом и месткомом, навлекая на себя гнев и ярость многих, считавших себя наиболее достойными в улучшении жилищных условий.

Ветеран Службы внешней разведки генерал-майор Владилен Николаевич Федоров вспоминал, как, будучи рядовым работником, он в 1957 году приехал из Анкары в отпуск в Москву. Перед отъездом в Союз резидент вручил ему в запечатанном конверте письмо с просьбой передать его Сахаровскому. Тот был перегружен делами, и у Федорова десять дней ушло на то, чтобы

попасть к начальнику разведки. Каждый день его «кормили завтраками», пока Владилен Николаевич не попросил у своего непосредственного руководителя разрешения самому позвонить начальнику ПГУ. Ему разрешили. Он коротко объяснил Сахаровскому причину звонка и услышал лаконичный ответ: «Заходите». В кабинете начальник разведки тут же вскрыл адресованное ему письмо. Прочитал, улыбнулся и спросил:

— Ты читал?

— Нет.

— А знаешь, что здесь написано?

— Нет.

Александр Михайлович протянул Федорову письмо:

— Читай...

В письме резидент в очень лестных словах отзывался о работе Федорова в Анкаре, что привело Владилена Николаевича в замешательство. А в заключение просил помочь выделить сотруднику квартиру.

Александр Михайлович поговорил с Федоровым о работе в Турции, вспомнил молодые годы, когда плавал по знаменитым проливам. А вскоре В.Н. Федоров получил в Москве квартиру.

Один из ветеранов вспоминал случай, когда коллега А.М. Сахаровского неправомерно хотел решить свой жилищный вопрос. Речь шла об одном из руководителей советской внешней разведки, генерал-майоре. У него с Сахаровским сложились дружеские отношения еще с времен Великой Отечественной войны. В те годы он являлся оперативным работником особого отдела НКВД Ленинградского военного округа. Проявил хорошие способности и мужество, был награжден двумя орденами. В середине 1946 года перешел на работу во внешнюю разведку и в дальнейшем руководил важнейшими направлениями ее деятельности. Долгие годы являлся заместителем начальника Первого главного управления КГБ. Имел в центре Москвы хорошую квартиру. Когда вводился новый дом, где получил квартиру сам Сахаровский и ряд ответственных сотрудников ПГУ, этот генерал изъявил желание поменять свою квартиру на равноценную квартиру в новом доме. Сахаровский отказался даже ставить вопрос об обмене, сославшись, правда, на то, что список сотрудников уже утвержден. Это, конечно, осложнило взаимоотношения между ними, но подтвердило жизненную принципиальность Александра Михайловича при решении «острых» вопросов.

Одной из характерных черт Сахаровского являлось его уважительное отношение к парторганизации и другим общественным организациям, вера в их способность вдохновлять

и мобилизовывать сотрудников на выполнение задач, стоявших перед разведкой.

Несмотря на большую служебную загрузку, он постоянно выполнял какие-то общественные поручения, активно участвовал в работе парткома ПТУ, членом которого являлся, в партийных и профсоюзных собраниях и других мероприятиях. Приведем несколько примеров.

В начале 1960-х годов в стране входила в моду производственная гимнастика. В 11 часов утра по радио передавался целый цикл упражнений, способствовавших, по мнению авторов этих передач, улучшению производительности труда. И вот однажды, сидя в президиуме профсоюзного собрания, Александр Михайлович подал реплику: «А почему бы и нам не внедрить производственную гимнастику в практику. Ведь нам нужны физически крепкие офицеры».

После этой реплики на трибуну поднялся очередной выступающий, кандидат в члены месткома, который отреагировал на реплику начальника ПГУ следующим образом: «Мысль Александра Михайловича очень верна—нам действительно нужны физически крепкие, здоровые офицеры. Но надо реально смотреть на вещи: где и в каких условиях мы можем проводить занятия? В коридорах, где пыльно и душно, или в служебных кабинетах, но тогда на каждую комнату надо иметь по инструктору».

Не после ли этого собрания вопрос о строительстве новой штаб-квартиры внешней разведки в микрорайоне «Ясенево» стал решаться более активно и целеустремленно? И сейчас внешняя разведка имеет лучший в российских спецслужбах спортивный комплекс, где созданы отличные условия для поддержания и совершенствования спортивных навыков сотрудников.

Интересен еще один случай, произошедший на партсобрании в одном из подразделений ПГУ, на котором присутствовал начальник разведки.

Партбюро подготовило достаточно острый доклад, где говорилось о недовольстве машинисток-стенографисток заработной платой, которая меньше, чем в МИДе, о неравноправном положении в подразделении мужчин и женщин, которым зачастую не присваивались воинские звания, хотя режим работы у тех и других был один и тот же, и ряд других критических замечаний в адрес руководителей ПГУ.

Следует заметить, что секретарь партбюро этого подразделения отказался выступать с таким докладом, считая его чересчур резким. И тогда поручили выступить самому молодому члену партийного бюро.

Доклад начальнику ПГУ не понравился. В ответном слове он назвал его «потребительским и с гнилым душком». Все ждали, когда последует наказание и докладчика уберут из подразделения, переведя в какое-нибудь вспомогательное, именуемое местными юмористами «отстойником». Каково же было удивление сотрудников, когда через некоторое время машинисткам прибавили заработную плату, а две женщины подразделения получили воинские звания. Да и докладчик продолжал спокойно служить.

Очевидно, за такое понимание критики сотрудники ПГУ и уважали своего начальника.

Рассказывает ветеран внешней разведки генерал-майор Георгий Александрович Орлов:

«Вспоминается одно из совещаний руководящего состава и партактива, которое проходило в конце 1967 года в конференц-зале между третьим и четвертым этажами дома № 2 на площади Дзержинского. Его еще называли “колонным залом”, поскольку там действительно с двух сторон зала стояли колонны.

По какому поводу проводилось совещание не помню, но хорошо запомнилось, что в его работе принимал участие начальник разведки ГДР Маркус Вольф. Он сидел за столом президиума вместе с руководителями ПГУ. Сахаровского за столом президиума не было, он где-то задерживался. Вдруг в ходе выступления докладчика участники совещания увидели, что М. Вольф встал и, извинившись перед председательствующим, объявил, что пришел Александр Михайлович Сахаровский и предложил пригласить его в президиум. Действительно, начальник ПГУ тихо вошел в зал и пристроился на стул у двери, а председательствующий на совещании из-за колонны его не увидел. Участники совещания встретили это предложение аплодисментами, демонстрируя видимо и уважение к Александру Михайловичу, с одной стороны, а с другой — воздавая должное позиции начальника разведки ГДР».

Отмечая основные черты характера начальника ПГУ, следует особо подчеркнуть его уважительное отношение к женщинам вообще и к женам сотрудников в частности. Он был солидарен с известной советской писательницей и одновременно замечательной разведчицей Зоей Ивановной Воскресенской-Рыбкиной, которая считала, что женам сотрудников разведки надо ставить памятники при жизни.

Сахаровский считал одним из важных участков работы руководителей подразделений изучение положения в семьях сотрудников. Он требовал, чтобы еще до принятия решения о направлении разведчика в загранкомандировку устанавливался

личный контакт с женой, выяснялось ее мнение относительно предстоящей работы мужа, региона, в который он может поехать, состояние здоровья, положение на ее работе и т.д.

Однако бывает такая ситуация, когда есть острая необходимость направить за границу именно этого, а не другого сотрудника, но жена по каким-либо причинам отказывается выезжать в длительную командировку. Тогда приходится проводить беседу с женой сотрудника и самому начальнику разведки.

Один из ветеранов СВР рассказал такой случай:

«Это была далеко не первая наша поездка за границу. Моя жена также являлась сотрудником разведки и хорошо зарекомендовала себя в предыдущих командировках. Свой отказ от предстоящей командировки она мотивировала тем, что после возвращения ее могут не зачислить на офицерскую должность в связи с достижением предельного возраста по званию, а стажа службы ей будет не хватать для получения полной пенсии. Беседа с руководством подразделения закончилась безрезультатно и тогда ее вызвал на беседу начальник ПГУ.

Узнав причину отказа, он гарантировал ей зачисление на службу на офицерскую должность. Супруга поинтересовалась у Александра Михайловича, а что если после ее возвращения должность начальника разведки будет занимать другой человек? Сахаровский не возмутился, а вызвал одного из своих заместителей и начальника кадрового подразделения и приказал записать в личное дело жены договоренность о ее зачислении по окончанию командировки на службу на офицерскую должность. “Надеюсь, что кто-нибудь из нас троих к тому времени сохранится на своей должности,” — заметил он с улыбкой. Командировка состоялась и была успешной, а после ее завершения жена продолжила службу в центральном аппарате разведки».

Мы уже отмечали отношение Сахаровского к жене: он был любящим, внимательным, заботливым супругом. С сыновьями отношения были отцовские, но без «сюсюканья». Оба сына отслужили срочную службу в армии. Александр Михайлович считал, что это необходимо для мужчины. Старший сын Валерий служил в войсках связи. Во время срочной службы получил серьезную травму позвоночника, но остался в армии. У него, как и у деда, были «золотые руки», и он связал свою дальнейшую судьбу с оперативной техникой. Младший сын Игорь после армии закончил институт, сделал успешную карьеру, но никогда не использовал положение своего отца для продвижения по служебной лестнице.

Мало кто знает, что Александр Михайлович и Вера Алексеевна воспитывали с детских лет своего племянника Диму, родители которого погибли в автокатастрофе, а он сам в ней был травмирован. Дмитрий тоже закончил институт и продолжил работать на благо Родины, безопасность которой обеспечивала в том числе и Служба, которую длительное время возглавлял его «названый» отец.

Сахаровский гордился своими сыновьями. Уже упоминавшийся Георгий Александрович Орлов рассказывал в этой связи случай, когда он и начальник секретариата ПГУ навещали Александра Михайловича в больнице на улице Грановского в 1968 году по поводу его дня рождения:

«Палата, где размещался Сахаровский, была отдельной, но небольшой, без каких-либо особых удобств и излишеств. Мы поздравили Александра Михайловича с днем рождения, вручили букет цветов и какой-то немудреный подарок. В завязавшемся разговоре стали выяснять некоторые вопросы.

Мы справились о самочувствии больного, он—о новостях в Главке. Затем разговор коснулся того, кто его навестил из родственников. Сахаровский перечислил своих близких, в том числе и детей. Когда о них зашла речь, то сразу было видно, что разговор о детях приятен отцу. Александр Михайлович, как всегда сдержанно, но все же отметил, что он доволен ими, их отношением к жизни и к работе».

Следует отметить мужественное поведение Александра Михайловича во время болезни. Как вспоминал его племянник Юрий Александрович, навещавший Сахаровского в больнице в том же 1968 году, он, только что оправившийся после инфаркта, говорил: «Надо пойти навестить Константина (Рокоссовского), плохо ему сейчас» (Маршал Советского Союза Константин Константинович Рокоссовский лежал в одной из соседних палат, скончался 3 августа 1968 года. — *Примеч. авт.)*.

А.М. Сахаровский старался много читать. По воспоминаниям родственников в больнице, например, он читал книгу Ларин «Четвертый позвонок». Он собрал хорошую домашнюю библиотеку, в которой насчитывалось более 3 тысяч различных книг. Библиотеку начал собирать еще до войны и продолжал ее пополнять до последних дней. На многих книгах имеются дарственные надписи авторов. Так, известная разведчица и писательница Зоя Воскресенская-Рыбкина на своем трехтомнике написала: «Дорогому другу и самому уважаемому моему начальнику, талантливому воспитателю коммунистов-разведчиков, с чувством огромной признательности». И дата: январь 1976 года.

Были, конечно, у Александра Михайловича и трудности, связанные с переживаниями по поводу взаимоотношений в коллективе. Ведь коллектив сотрудников разведки представляет собой достаточно противоречивый сплав людей, которые в целом являются единомышленниками, но у каждого свои достоинства и недостатки. Некоторые недостатки маскируют так, что в обычных условиях их суть видится не вдруг, не сразу и для распознания человека требуется длительное время. Часто недостатки проявляются лишь в конкретных условиях. И Сахаровский иногда ошибался в людях, которым безоговорочно верил.

Однако чаще всего интуитивное умение разбираться в людях, основанное на знании и опыте, помогало правильно варьировать кадрами. Ему было чуждо деление людей на хороших и плохих. Он предпочитал заниматься конкретным делом и судить о делах подчиненных по результатам их работы. А вышестоящее руководство подчас требовало от него не выяснения объективных и субъективных причин сложившегося положения вещей, а простого повышения спроса с подчиненных ему руководителей подразделений.

Со временем объем задач, ставившихся перед разведкой, география ее деятельности быстро расширялись. Требовалось скорейшее освоение и решение новых проблем. Все острее в работе начальника внешней разведки сказывалось отсутствие системного образования, знания иностранных языков, серьезного личного опыта работы за границей. Словом, работать Александру Михайловичу становилось все труднее и труднее.

Где-то в возрасте 60 лет здоровье стало резко сдавать: подводили и сердце, и легкие. Он сам попросил Ю.В. Андропова о замене. Когда Александр Михайлович покидал разведку, прощаясь с коллегами, он сказал: «Я оставил здесь все — здоровье, друзей и любимую работу».

В 1971—1975 годах Сахаровский работал старшим консультантом Группы консультантов при председателе КГБ СССР по разведке. С 1 февраля 1975 года находился в отставке.

За заслуги перед Родиной почетный сотрудник госбезопасности генерал-полковник Сахаровский был награжден тремя орденами Ленина, орденами Красного Знамени, Трудового Красного Знамени, Отечественной войны I степени, Красной Звезды, «Знак Почета», многими медалями. Его труд был также отмечен высокими наградами ряда зарубежных государств.

Несмотря на то что с 1975 года А.М. Сахаровский находился на заслуженном отдыхе, всеми своими помыслами он оставался в разведке. С радостью откликался на различные приглашения на мероприятия в ПГУ и КГБ, испытывая удовлетворение от общения

со старыми соратниками.

Скончался Александр Михайлович 12 ноября 1983 года. Похоронен на Новодевичьем кладбище в Москве.

С ВЕРОЙ В БУДУЩЕЕ (заключение)

Декабрь 1977 года. В фойе Центрального клуба КГБ имени Ф.Э. Дзержинского было многолюдно, шумно и празднично. Среди присутствующих — много ветеранов. С сединою на висках, а то и вовсе седые, с орденами на груди они собираются в небольшие группы, оживленно разговаривают. Здесь можно услышать не только воспоминания о минувших днях, но и рассуждения о настоящем, мысли о будущем.

А собрались они на торжественное собрание, посвященное 60-летаю органов ВЧК—КГБ и выступать на нем от их имени должен комсомолец двадцатых годов, коммунист с тридцатых, чекист с сороковых, пятнадцать с лишним лет возглавлявший советскую внешнюю разведку генерал-полковник Александр Михайлович Сахаровский.

И вот он на трибуне: высокий, подтянутый, энергичный, взволнованный. Его добрый, прямой, открытый взгляд устремлен в зал, где сидят его соратники, чекисты среднего и молодого поколения, гости. Его голос тверд, слова звучат убежденно и страстно:

«Дорогие товарищи, друзья!

Мне оказана высокая честь от имени ветеранов-чекистов выступить на торжественном собрании, посвященном 60-летию советских органов государственной безопасности...

Оглядываясь на пройденный путь, мы можем с гордостью сказать, что деятельность органов ВЧК—КГБ, с первых лет Советской власти и до наших дней, была полностью посвящена беззаветному служению советскому народу...

Большая часть моей сознательной жизни была отдана работе в органах государственной безопасности, и я счастлив этим. На глазах чекистов старшего поколения в ожесточенных схватках с врагом закладывались основы органов ВЧК—КГБ, формировались славные чекистские традиции, закалялись чекистские кадры...

В этот торжественный день особо теплые поздравления хочется передать молодым чекистам. Вы — наши преемники, наша смена и надежда. На вас в будущем ляжет вся полнота ответственности за судьбы нашей любимой Родины.

Будьте достойными продолжателями дела старшего поколения чекистов. Настойчиво овладевайте чекистской профессией. Помните, что никогда еще империалистические разведки не были столь коварными и изощренными, как в настоящее время. Свято храните и приумножайте славные чекистские традиции — крепко держать в своих руках щит и меч

революции».

Обращение к молодежи, которым Александр Михайлович закончил свое выступление, прозвучало с особой теплотой. И это было не случайно. Сахаровский весь свой период работы начальником ПГУ особое внимание уделял молодым сотрудникам, ибо в них он видел будущее разведки. И сделал для их подготовки и воспитания очень много.

Следует отметить, что еще в 1932 году при Иностранном отделе НКВД впервые были созданы курсы для разведывательной подготовки лиц, не состоявших ранее в органах госбезопасности.

На основе этих курсов в октябре 1938 года была создана небольшая, в несколько десятков человек, Школа особого назначения (ШОН) при Иностранном отделе НКВД, слушателями в которую стали набираться гражданские лица, имеющие высшее образование.

Наша справка:

3 октября 1938 года нарком внутренних дел издал приказ о создании Школы особого назначения (ШОН) для централизованной подготовки разведывательных кадров. Слушатели школы набирались в основном из гражданских лиц, имевших высшее образование. Первым начальником ШОН был В.Х. Шармазанашвили.

С помощью оперативных работников центрального аппарата внешней разведки, за плечами которых были многие годы напряженной и результативной деятельности за границей, руководству школы удалось в сжатые сроки организовать учебный процесс. Первыми преподавателями ШОН были замечательные разведчики-практики П.М. Журавлев, В.М. Зарубин, В.И. Пудин, П.А. Судоплатов и другие, имевшие большой опыт загранработы. Первые выпускники ШОН сыграли заметную роль в активизации разведывательной работы накануне и в годы Великой Отечественной войны.

В 1943 году по решению ГКО в целях дальнейшего совершенствования разведывательной деятельности на базе ШОН была создана Разведывательная школа НКГБ (РАШ) с двухгодичным сроком обучения. Усложнение поставленных перед разведкой задач в послевоенное время потребовало серьезного корректирования основных направлений и приоритетов разведывательной работы. Соответственно этому потребовалось и совершенствование подготовки разведывательных кадров.

В сентябре 1948 года на базе РАШ создается Высшая

разведывательная школа (ВРШ, или, как ее называли, Школа № 101). В октябре 1968 года она была награждена орденом Красного Знамени. В 1969 году было принято решение поднять учебное подразделение внешней разведки на новую качественную ступень, создав трехгодичный институт со статусом высшего учебного заведения. Институт унаследовал от ВРШ звание «Краснознаменный», а в марте 1984 года ему было присвоено имя Ю.В. Андропова. Краснознаменный институт (КИ) просуществовал четверть века. В начале 1990-х годов была проведена дальнейшая реорганизация этого учебного заведения и на его базе была создана Академия внешней разведки (АВР).

А.М. Сахаровский, сам не имея законченного высшего образования, прекрасно понимал, что для того, чтобы добиться успехов в будущем, необходимо глубоко осмысливать пройденный путь и на этой основе определять новые первоочередные задачи и намечать пути их решения. В этой связи он много внимания уделял вопросу состояния научных исследований в разведке, требовал отчетов о достигнутых результатах в этой области, призывал ставить перед разведывательной наукой конкретные задачи на ближайшее будущее и на перспективу.

Следует отметить, что лишь в 1950-х годах в учебном заведении внешней разведки появились фундаментальные учебники и пособия по таким направлениям разведывательной деятельности, как вербовка агентуры, связь в разведке, работа с агентурой, наружное наблюдение.

К конце 1950-х — начале 1960-х годов стало уделяться внимание изучению агентурно-оперативной обстановки в разведываемых странах, была создана кафедра страноведения.

Понимая, что исследовательская работа в должных масштабах не может вестись без учета практики разведывательной деятельности, а следовательно, без участия оперативных подразделений ПГУ, руководство разведки вышло с предложением создать в ее центральном аппарате специальное научно-исследовательское подразделение, которое смогло бы стать организатором научно-исследовательской работы в разведке в целом. В 1966 году такое подразделение было создано, а уже в 1967 году был утвержден первый план научно-исследовательской работы Первого главного управления и Высшей разведывательной школы.

В марте 1968 года состоялась первая научно-теоретическая конференция, обсудившая состояние научных исследований и наметившая пути дальнейшего развития этой работы в разведке.

Выступая на этой конференции с заключительным словом,

А.М. Сахаровский говорил о своем видении науки в разведке. В частности, он обратил внимание на следующие моменты:

«Разведывательная наука—наука прикладная, основными целями ее является использование результатов исследований в практической работе разведки и успешное их влияние на ее деятельность. У нас, к сожалению, пока нет современной научной системы учета оперативных и информационных материалов, а научно-исследовательскую работу можно вести лишь на базе систематизации, анализа и обобщения фактического материала, который за многие годы своей деятельности в большом количестве накопила советская разведка. В связи с этим нам нужно безотлагательно приступить к разработке, а затем и к внедрению научной системы учета, накопления, обработки, поиска и выдачи оперативных и информационных материалов, которая отвечала бы нуждам аналитической и научно-исследовательской работы и помогла бы в решении актуальных вопросов работы разведки.

Научно-исследовательская работа в разведке не может дать готовых решений на все случаи жизни. Она может дать лишь общее направление, пути, методику решения той или иной задачи. Практическое решение ее будет зависеть от подготовки, опыта, учета всего многообразия элементов конкретной обстановки и творческого подхода к делу оперативного работника. Поэтому нужно, чтобы каждый разведчик глубоко изучил все то, что является результатом анализа и обобщения опыта, и научился творчески применять этот результат в своей практической деятельности.

Высшая разведывательная школа и оперативные подразделения ПГУ должны развивать у молодых разведчиков здравый смысл, способность, опираясь на полученные знания, самостоятельно анализировать складывающуюся агентурнооперативную обстановку и быстро принимать правильные решения».

Интересно отметить, что Сахаровский органически связывал обучение с достижением интеллектуального превосходства советского разведчика над противником.

Он рассматривал интеллект человека как способность, опираясь на жизненный опыт и приобретенные обыденные и научные познания, интуитивно проникать в сущность общественных процессов и в сущность конкретной личности.

Сахаровский считал, что обучение сотрудника, сама работа в разведке несомненно способствуют развитию его интеллекта, обеспечивают его интеллектуальное превосходство над рядовым представителем капиталистического мира. Одновременно он

предупреждал, что при общении советского разведчика с опытным сотрудником спецслужб противника нельзя быть на сто процентов уверенным в его интеллектуальном превосходстве. Противник также может обладать достаточно сильным интеллектуальным потенциалом.

Особенно Сахаровский ценил те направления, темы и формы обучения, которые развивают способности людей к выработке самостоятельных суждений, к совершенствованию гибкого, глубокого, диалектического мышления. Он не любил, когда на совещаниях, особенно руководящего состава, звучали ссылки на ухудшение агентурно-оперативной обстановки в разведываемых странах. В одном из таких случаев Сахаровский следующим образом аргументировал свою позицию:

«Вот здесь товарищи убедительно говорили о больших трудностях, которые обусловлены сложной обстановкой. Действительно, трудностей много. Однако у нас нет оснований надеяться, что положение изменится для нас в лучшую сторону. Наоборот, опыт показывает, что трудности будут постоянно возрастать. Поэтому может быть сделан только один вывод: надо активно работать по преодолению этих трудностей.

Мы ведем непримиримую борьбу с опытным и коварным врагом. В этой борьбе победит тот, кто будет лучше к ней подготовлен, кто сумеет быстрее изучить и правильно оценить обстановку, своевременно выявить слабые стороны противника, правильно и быстро их использовать, кто превзойдет противника в настойчивости, изобретательности и смелости. В духе этих требований и надо воспитывать оперативных работников. С этих позиций нужно подходить к разработке и внедрению в практику новых форм и методов разведывательной работы».

Одной из серьезных причин, которые затрудняли достижение более качественного уровня в практической работе разведки, Сахаровский видел в живучести консерватизма среди значительной части ее оперативного и руководящего состава. В этой связи он подчеркивал:

«Привычка мыслить и пользоваться старыми категориями, настороженность и недоверие к новому, отношение к сложившейся практике, организации и формам работы как к чему-то раз и навсегда данному являются большим злом, с которым нужно бороться решительнее, если мы действительно хотим улучшить работу разведки.

Нам надо ломать силу привычки. Надо психологически готовить весь наш оперативный состав к активному применению передовых, научных методов работы в разведке. От некоторых товарищей еще нередко можно услышать такие заявления: “Вот

когда я работал за границей, никакой науки не требовали, а у меня были вербовки, была ценная информация. Теперь же этого нет, потому что просто не умеют сотрудники работать". Такие товарищи не учитывают, что они подходят к данному вопросу с меркой 1950-х годов, не принимают во внимание, что условия работы в то время были совершенно другие.

Они не учитывают того, что империалистические разведки, и особенно американская, много сделали для усиления координации работы контрразведывательных служб всех капиталистических государств. Американцы передают своим союзникам списки выявленных ими советских разведчиков, сведения о формах и методах нашей деятельности, что в значительной мере усложнило нам работу. Противник стал сильнее, и это надо учитывать. Поэтому организация работы на научной основе является одним из средств, без которого невозможно преодолеть препятствия, стоящие на нашем пути».

Знакомясь с выступлениями А.М. Сахаровского (а некоторым из них уже почти пятьдесят лет), невольно удивляешься тому, насколько они актуальны сегодня и, без всякого сомнения, будут актуальны в будущем. Причина, видимо, заключается в том, что вся его работа на посту начальника Первого главного управления была направлена на то, чтобы готовить оперативный и руководящий состав разведки к трудностям и испытаниям в борьбе с противником, думать о завтрашнем дне. Сахаровский понимал простую истину: защита безопасности государства есть защита безопасности каждого, ибо каждый человек имеет право на социальную справедливость, на сохранение его чести и достоинства.

В то же время он понимал, что зло многолико, что у каждого государства, как и у части людей, есть свои недоброжелатели. Вот почему он считал, что каждый из нас, как и все мы вместе, нуждается в защите. Его главным девизом и жизненной программой были слова Ленина: «Всякая революция лишь тогда чего-нибудь стоит, если она умеет защищаться».

В эмблеме органов госбезопасности присутствуют два основных элемента: щит и меч. И главным из них Сахаровский считал щит. Вся его жизнь—это защита существующего строя, настоящего и будущего Отечества.

В последние годы широкое распространение получила «ревизия» истории нашего государства, его органов безопасности, в том числе и их составной части—внешней разведки. Поборники «новых взглядов» стараются навязать обществу надуманные версии об агрессивности органов государственной безопасности.

Безусловно, сознание того, что чекистам-разведчикам

длительное время пришлось работать под руководством таких одиозных личностей, как Ягода, Ежов, Берия и им подобных, наводит на определенные размышления. Но все же внешнюю разведку следует отождествлять не с ними, а с Дзержинским, Артузовым, Фитиным, Сахаровским.

Феликс Эдмундович Дзержинский, без сомнения, относится к выдающимся деятелям Советского государства. Он был одним из главных организаторов Октябрьской революции и одним из главных ее защитников.

С 1917 года Дзержинский возглавлял Всероссийскую чрезвычайную комиссию по борьбе с контрреволюцией и саботажем — знаменитую ВЧК. Под его руководством были разгромлены заговорщики во главе с Локкартом. Он лично руководил исключительно ценными источниками — Филипповым и Султановым, информация от которых докладывалась непосредственно руководству страны. Да, при нем было насилие. Однако судить о репрессиях того времени — дело довольно сложное. Это был период Гражданской войны и иностранной военной интервенции. Было чрезвычайно важно защитить само государство и органы власти, необходимые для его функционирования. Находясь во главе ВЧК, он проявил столь необходимое в то время умение решать общегосударственные задачи.

Став в 1924 году председателем Высшего совета народного хозяйства, Дзержинский дал первые импульсы возрождению промышленности, способствовал ее развитию на основе новой экономической политики. Он являлся председателем созданной при ВЦИК Комиссии по улучшению жизни детей и ликвидации беспризорности.

Артур Христианович Артузов работал в органах ВЧК с 1919 года. Принимал непосредственное участие в разработке и проведении многих ответственных чекистских операций. Являлся высокообразованным человеком с широким политическим кругозором и большим опытом успешной борьбы с контрреволюцией и шпионажем. Свободно владел четырьмя иностранными языками. Под его руководством советская разведка добилась весомых результатов, а операции «Трест» и «Синдикат», которые он разработал и возглавил, стали хрестоматийными в истории отечественных спецслужб.

Высокий интеллект и выдающиеся организаторские способности Павла Михайловича Фитина позволили ему в годы Великой Отечественной войны не только успешно решать текущие задачи разведки, но и обеспечивать политическое руководство страны достоверной информацией о стратегических

замыслах германского командования, о перспективах открытия Второго фронта в Европе, о планах союзников СССР по антигитлеровской коалиции на послевоенный период.

В сложные годы холодной войны Сахаровский умело руководил коллективом разведчиков, работавших в Центре и в резидентурах. Он много внимания уделял совершенствованию форм и методов разведывательной деятельности, а также подготовке кадров разведки.

Сегодня отдельные представители «демократической интеллигенции» любят рассказывать о том, как они страдали от органов госбезопасности и в годы Сталина, и в годы Андропова. Но лишь некоторые из них имеют на это право. Остальным следовало бы строже относиться к своей собственной совести и не выдавать желаемого за действительное.

Охаивателей советских органов государственной безопасности сейчас предостаточно. Это и отдельные журналисты, историки, политики. Очерняют историю органов госбезопасности и некоторые литераторы, кинодеятели, телеведущие. Во многих российских средствах массовой информации ощущался и ощущается большой спрос на таких авторов-фальсификаторов, как Резун (Суворов), Гордиевский, Калугин и других представителей «новой волны» борцов против собственного государства.

В свое время русский писатель, публицист и историк, автор 12-томного труда «История государства Российского» Николай Михайлович Карамзин писал:

«Историк должен ликовать и горевать со своим народом. Он не должен, руководимый пристрастием, искажать факты, преувеличивать счастье или умалять в своем изложении бедствие. Он должен быть прежде всего правдив, но может и даже должен все неприятное, все позорное в истории своего народа передавать с грустью, а о том, что приносит честь — о победах, о цветущем состоянии, говорить с радостью, с энтузиазмом».

Конечно, не все, что задумывалось политическим руководством страны, руководством внешней разведки, могло быть выполнено по объективным и субъективным причинам. В то же время, объективности ради, следует подчеркнуть, что успешных операций, в ходе которых с самой лучшей стороны проявили себя как руководители разведки, так и их непосредственные исполнители было значительно больше, чем неудач.

Даже самые ярые противники Советского государства, руководители спецслужб западных государств отмечали, что советская разведка 1950-х — 1970-х годов действовала весьма

успешно. А возглавлял ее в то время А.М. Сахаровский. Его природный ум, принципиальный подход к делу и организаторские способности во многом способствовали успешному выполнению задач, стоявших перед разведкой.

В Зале истории внешней разведки в ее штаб-квартире в «Ясеневе» хранится письмо одного из ветеранов, датированное 13 августа 1984 года. В нем говорится:

«Отмечая сейчас 75-летие со дня рождения Александра Михайловича Сахаровского, хотелось бы обратиться ко всем, кто работал с Сахаровским, знал его, с предложением создать коллективный очерк о нем — чекисте-руководителе, человеке-труженике. Это было бы хорошей памятью Сахаровскому, помогло бы сотрудникам, особенно молодым руководителям, в их работе. С Александра Михайловича надо брать пример, как в отношении к служебному долгу, так и в поведении в жизни ветерана, наставника, старшего товарища, руководителя».

Тогда написать книгу о Сахаровском было невозможно. Но прошло время, и воспоминания его сослуживцев, друзей и родственников очень пригодились.

В Зале истории внешней разведки есть Мемориальная доска, на которой среди 75 фамилий выдающихся разведчиков и руководителей разведки за 95 лет ее существования золотыми буквами вписана и фамилия А.М. Сахаровского. В одном из разделов Зала находится стенд с его фотографиями, а также витрина с орденами и медалями, полученными как на фронте, так и в годы тайной войны с противниками нашего государства. А еще в Костромской области, в Антроповском районе, в селе Палкино есть школьный музей, в котором ученики по крохам собирают материалы и экспонаты, рассказывающие о своем знаменитом земляке. Следовательно, память об Александре Михайловиче Сахаровском будет жить.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ФОРМЫ ВНЕШНЕЙ РАЗВЕДКИ РСФСР, СССР и РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Иностранный отдел (ИНО) ВЧК при СНК РСФСР 20.12.1920—06.02.1922

Иностранный отдел (ИНО) Государственного политического управления (ГПУ) при НКВД РСФСР 06.02.1922—02.11.1923

Иностранный отдел (ИНО) Объединенного Государственного политического управления (ОГПУ) при СНК СССР 02.11.1923—10.07.1934

Иностранный отдел (ИНО) Главного управления государственной безопасности (ГУГБ) НКВД СССР 10.07.1934—25.12.1936

7-й (разведывательный) отдел ГУГБ НКВД СССР 25.12.1936—09.06.1938

5-й (разведывательный) отдел Первого управления НКВД СССР 09.06.1938—29.09.1938

5-й (разведывательный) отдел ГУГБ НКВД СССР 29.09.1938—03.02.1941

Первое (разведывательное) управление НКГБ СССР 03.02.1941—20.07.1941

Первое (разведывательное) управление НКВД СССР 20.07.1941—14.04.1943

Первое (разведывательное) управление НКГБ СССР 14.04.1943—15.03.1946

Первое главное управление (ПГУ) МГБ СССР 15.03.1946—30.05.1947

Комитет информации (КИ) при СМ СССР 30.05.1947—29.01.1949

Комитет информации (КИ) при МИД СССР 29.01.1949—02.11.1951

Первое главное управление (ПГУ) МГБ СССР 02.11.1951—05.01.1953

Первое управление Главного разведывательного управления (ГРУ) МГБ СССР 05.01.1953—05.03.1953

Второе главное управление (ВГУ) МВД СССР 05.03.1953—13.03.1954

Первое главное управление (ПГУ) КГБ при СМ СССР 13.03.1954—05.07.1978

Первое главное управление (ПГУ) КГБ СССР 05.07.1978—22.10.1991

Центральная служба разведки (ЦСР) СССР 22.10.1991—18.12.1991

Служба внешней разведки (СВР) РСФСР 18.12.1991—25.12.1991

Служба внешней разведки (СВР) Российской Федерации с 25.12.1991

Приложение 2. РУКОВОДИТЕЛИ ВНЕШНЕЙ РАЗВЕДКИ РСФСР, СССР И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

20.12.1920— 20.01.1921 Давыдов (Давтян) Яков Христофорович (исполняющий обязанности)

20.01.1921— 10.04.1921 Катанян Рубен Павлович

10.04.1921— 06.08.1921 Давыдов (Давтян) Яков Христофорович

06.08.1921— 13.03.1922 Могилевский Соломон Григорьевич

13.03.1922— 27.10.1929 Трилиссер Михаил (Меер) Абрамович

27.10.1929— 01.12.1929 Мессинг Станислав Адамович (исполняющий обязанности)

01.12.1929— 01.08.1931 Мессинг Станислав Адамович

01.08.1931—21.05.1935 Артузов (Фраучи) Артур Христианович

21.05.1935—17.02.1938 Слуцкий Абрам Аронович

17.02.1938— 09.06.1938 Шпигельглас Сергей Михайлович (исполняющий обязанности)

09.06.1938— 02.11.1938 Пассов Зельман Исаевич

02.11.1938— 02.12.1938 Судоплатов Павел Анатольевич (исполняющий обязанности)

02.12.1938— 13.05.1939 Деканозов Владимир Георгиевич

13.05.1939— 15.06.1946 Фитин Павел Михайлович

15.06.1946— 07.09.1946 Кубаткин Петр Николаевич

07.09.1946— 19.09.1949 Федотов Петр Васильевич

19.09.1949—05.01.1953 **Савченко** Сергей Романович

05.01.1953— 05.03.1953 Питовранов Евгений Петрович

05.03.1953— 28.05.1953 Рясной Василий Степанович

28.05.1953— 17.07.1953 **Коротков** Александр Михайлович (исполняющий обязанности)

17.07.1953— 23.06.1955 Панюшкин Александр Семенович

23.06.1955— 12.05.1956 Сахаровский Александр Михайлович (исполняющий обязанности)

12.05.1956— 15.07.1971 Сахаровский Александр Михайлович

15.07.1971—13.01.1974 Мортин Федор Константинович

13.01.1974— 26.12.1974 Крючков Владимир Александрович (исполняющий обязанности)

26.12.1974— 01.10.1988 Крючков Владимир Александрович

01.10.1988— 06.02.1989 Кирпиченко Вадим Алексеевич (исполняющий обязанности)

06.02.1989— 22.09.1991 Шебаршин Леонид Владимирович
22.09.1991— 30.09.1991 Гургенов Вячеслав Иванович (исполняющий обязанности)
30.09.1991— 09.01.1996 Примаков Евгений Максимович
10.01.1996—20.05.2000 Трубников Вячеслав Иванович
20.05.2000—08.10.2007 Лебедев Сергей Николаевич
09.10.2007 — н/в Фрадков Михаил Ефимович

Приложение 3. РУКОВОДИТЕЛИ ВНЕШНЕЙ РАЗВЕДКИ (краткие биографические сведения)

За всю историю внешней разведки нашего государства высокий и ответственный пост ее руководителя занимали 29 человек. Созданный 20 декабря 1920 года Иностранный отдел ВЧК возглавил профессиональный революционер и дипломат Яков Христофорович Давыдов. В 1930-х годах у руководства внешней разведки стоял видный политический и военный деятель, один из организаторов советской контрразведки Артур Христианович Артузов. В годы военного лихолетья внешней разведкой руководил Павел Михайлович Фитин, самый молодой из ее начальников, назначенный на этот пост в 31 год. Первым Директором Службы внешней разведки России был академик Евгений Максимович Примаков. С 9 октября 2007 года российскую внешнюю разведку возглавляет видный государственный деятель Михаил Ефимович Фрадков...

Некоторые из начальников разведки возглавляли ее лишь несколько месяцев, другие — несколько лет. Но всех их объединяло то, что это были яркие личности с обостренным чувством долга и преданности делу, талантливые организаторы и руководители, самоотверженные люди.

В своих мемуарах ветеран разведки генерал-лейтенант В.А. Кирпиченко писал: «Начальник разведки должен быть в курсе всех более или менее значительных событий, происходящих в мире, и даже предвидеть эти события, чувствовать различные тенденции, давать им оценку и в необходимых случаях предлагать возможные решения возникающих политических проблем. Работа в качестве начальника разведки практически не оставляет времени для личной жизни, как бы ни были высоки организаторские таланты того или иного руководителя».

ДАВЫДОВ (ДАВТЯН) Яков Христофорович

Родился 10 октября 1888 года в селе Верхние Акулисы Нахичеванского края в семье мелкого торговца. В 1907 году окончил 1-ю Тифлисскую гимназию. В годы учебы в гимназии вступил в партию большевиков, находился под негласным надзором полиции.

В 1907 году поступил в Петербургский университет. В том же году был избран членом Петербургского комитета РСДРП. В 1908

году эмигрировал в Бельгию, где поступил на учебу в Политехнический университет. Вел пропагандистскую работу среди русских политэмигрантов.

В Россию возвратился в августе 1918 года. Работал заместителем председателя Московского губсовнархоза. В начале 1920 года направляется на работу в Наркомат иностранных дел, где занимает пост заведующего отделом Прибалтийских стран и Польши. Член коллегии НКИД.

20 декабря 1920 года назначен исполняющим обязанности начальника Иностранного отдела ВЧК (внешней разведки). С апреля по август 1921 года—начальник внешней разведки.

При назначении в ИНО ВЧК в целях конспирации поменял фамилию на Давыдова. Работу в разведке совмещал с работой в Наркомате иностранных дел.

В конце августа 1921 года был переведен на дипломатическую работу. Возглавлял советские дипломатические представительства в ряде стран. Находясь в Китае, совмещал дипломатическую деятельность с разведывательной, являясь главным резидентом ИНО ОГПУ в этой стране.

В 1937 году был обвинен в принадлежности к так называемому «троцкистско-зиновьевскому блоку». 28 июля 1938 года по приговору Особого совещания НКВД расстрелян. Реабилитирован 25 апреля 1957 года.

КАТАНЯН Рубен Павлович

Родился в 1881 году в Тифлисе в семье служащего, армянин. Отец был учителем гимназии, мать — домохозяйка.

В 1906 году окончил юридический факультет Московского университета. В 1903 году вступил в члены московской студенческой группы РСДРП. Принимал активное участие в студенческом революционном движении. С 1912 года находился под негласным надзором полиции.

До Октябрьской революции занимался адвокатской практикой, сотрудничал в газетах социал-демократического направления. После октябрьских событий—редактор газеты «Красный воин» 11-й армии (город Астрахань), заместитель начальника политуправления Красной Армии, заведующий агитпропом центрального аппарата РСДРП (большевиков). Участвовал в организации Московской чрезвычайной комиссии.

С января по апрель 1921 года являлся начальником внешней разведки.

С 1922 года — генеральный консул в Берлине. Затем по собственному желанию перешел на прокурорскую работу:

трудился в Прокуратуре РСФСР, затем в Верховном Суде СССР и в Прокуратуре СССР. Курировал деятельность органов госбезопасности.

Награжден орденом Ленина и нагрудным знаком «Почетный чекист». Имел звание профессора Московского университета.

В 1938 году был репрессирован. С 1938 по 1948 год и с 1950 по 1955 год находился в заключении, а с 1948 по 1950 год—в ссылке. Реабилитирован в 1955 году. Скончался 6 июня 1966 года в Москве.

МОГИЛЕВСКИЙ Соломон Григорьевич

Родился в 1885 году в семье коммерсанта. Учился на юридическом факультете Петербургского университета.

В 1904 году за революционную деятельность был арестован полицией. Выпущенный под залог, в конце того же года выехал в Женеву, где встречался с Лениным. По его рекомендации был введен в Женевскую группу большевиков.

Возвратившись в Россию, в 1916 году был призван в армию. Участник боев на Западном фронте.

После Февральской революции избирается членом Московского комитета РСДРП (большевиков). Активный участник Октябрьской революции. После ее победы работал в органах юстиции в Иваново-Вознесенске, Москве и Киеве. До 1919 года был членом Военного трибунала 12-й армии.

В 1919 году решением Оргбюро ЦК РКП(б) был направлен в распоряжение ВЧК. С октября 1919 года руководил следственной частью Особого отдела Московской чрезвычайной комиссии, а в 1920 году был назначен особоуполномоченным Особого отдела ВЧК.

С августа 1921 года по март 1922 года являлся руководителем внешней разведки.

В мае 1922 года направлен на работу в качестве полномочного представителя ГПУ в Закавказье. Одновременно был председателем Закавказского ГПУ.

22 марта 1925 года погиб в авиационной катастрофе в Грузии.

ТРИЛИССЕР Михаил (Меер) Абрамович

Родился 1 апреля 1883 года в Астрахани в семье сапожника. Окончил городское реальное училище. Работал в Одессе. В 1901 году вступил в члены Южной революционной группы социал-демократов.

В период революции 1905 года находился в Казани, где вел революционную пропаганду и агитацию среди военнослужащих казанского гарнизона. Затем по указанию ЦК партии большевиков был направлен в Петроград. Работал в военном комитете, руководил финляндской военной организацией РСДРП.

В июле 1907 года был арестован царской полицией и около двух лет находился под следствием. В 1909 году приговорен к 8 годам каторжных работ. В ноябре 1914 года выслан на вечное поселение в Сибирь.

После Февральской революции 1917 года работает редактором иркутской газеты «Голос социал-демократа», а затем в военной организации иркутского комитета большевиков. В октябре 1917 года избирается во ВЦИК Центросибири.

В августе 1921 года по предложению Дзержинского направляется на работу в центральный аппарат ВЧК и назначается на должность начальника закордонной части Иностранного отдела.

С марта 1922 по октябрь 1929 года возглавлял внешнюю разведку. С 1926 года одновременно являлся заместителем председателя ОГПУ.

С декабря 1929 года работал в Наркомате рабоче-крестьянской инспекции РСФСР, в Комиссии советского контроля, в Исполкоме Коминтерна.

Награжден орденом Красного Знамени.

23 ноября 1938 года арестован. 1 февраля 1940 года осужден Военной коллегией Верховного Суда СССР к высшей мере наказания и на следующий день расстрелян. Реабилитирован в 1956 году.

МЕССИНГ Станислав Адамович

Родился в 1890 году в Варшаве в семье музыканта и акушерки. Из-за материальных затруднений в семье рано начал трудовую деятельность.

Член партии большевиков с 1908 года, активный участник революционного движения. Неоднократно арестовывался царской охранкой. После Октябрьской революции был секретарем Сокольнического исполкома и председателем Сокольнической районной ЧК. С декабря 1918 года—член коллегии и заведующий секретно-оперативным отделом Московской ЧК. В июле 1920 года утвержден членом Коллегии ВЧК, с января 1921 года — председатель Московской ЧК.

В ноябре 1921 года назначается председателем Петроградской ЧК. С октября 1922 года—командующий войсками

ГПУ Петроградского округа. Затем председатель Ленинградского ГПУ и заместитель председателя ОПТУ

В октябре—ноябре 1929 года исполнял обязанности начальника внешней разведки, а с декабря 1929 года по август 1931 года возглавлял внешнюю разведку.

Награжден орденом Красного Знамени.

В 1931 году был переведен на руководящую должность в Наркомат внешней торговли. Затем являлся председателем Советско-Монгольско-Тувинской торговой палаты НКВТ СССР, членом Президиума Торгово-промышленной палаты СССР.

15 июня 1937 года арестован и обвинен в шпионаже в пользу Польши. 2 сентября 1937 года осужден Особым совещанием к высшей мере наказания и в тот же день расстрелян. Реабилитирован посмертно 6 октября 1956 года.

АРТУЗОВ (ФРАУЧИ) Артур Христианович

Родился 16 февраля 1891 года в селе Установо Кашинского уезда Тверской губернии в семье швейцарца-сыровара, эмигрировавшего в Россию.

После окончания в 1909 году с золотой медалью новгородской мужской гимназии поступил на металлургический факультет Петербургского политехнического института. В 1917 году получил диплом инженера-металлурга с отличием и был направлен на Урал, в техническое бюро профессора В.Е. Грум-Гржимайло. Однако вскоре отказался от карьеры инженера и целиком посвятил себя политической деятельности. Свободно владел четырьмя иностранными языками.

В 1918 году работал в комиссии по установлению советской власти в северных районах страны. Принимал участие в боях с английскими интервентами под Архангельском.

С 1919 года в органах госбезопасности: заместитель начальника Особого отдела ВЧК, начальник Контрразведывательного отдела ГПУ, помощник начальника Секретнооперативного управления ОПТУ.

С августа 1931 года по май 1935 года возглавлял советскую внешнюю разведку. С 1934 года одновременно являлся заместителем начальника военной разведки. Воинское звание — корпусной комиссар.

Награжден двумя орденами Красного Знамени и двумя нагрудными знаками «Почетный чекист».

Арестован 13 мая 1937 года как активный участник «антисоветского заговора в НКВД». 21 августа того же года как «шпион польской и других разведок» осужден тройкой НКВД к

высшей мере наказания и в тот же день расстрелян. Реабилитирован посмертно 7 марта 1956 года.

СЛУЦКИЙ Абрам Аронович

Родился в 1898 году в селе Парафиевка Борзиянского уезда Черниговской губернии в семье железнодорожника. Окончил гимназию в городе Андижане. В 1914—1916 годах работал учеником слесаря, затем учеником конторщика на хлопковом заводе в Андижане. В 1916—1917 годах служил вольноопределяющимся в 7-м Сибирском стрелковом полку. В 1917 году вступил в партию большевиков.

Активный участник революционного движения и Гражданской войны. В органах ВЧК с 1920 года. В 1929 году с должности помощника начальника Экономического управления ОГПУ был назначен помощником начальника Иностранного отдела. В 1931—1935 годах — заместитель начальника Иностранного отдела. Руководил работой по линии научно-технической разведки. Одновременно в 1931—1933 годах являлся главным резидентом ИНО ОПТУ по странам Европы. Действуя под прикрытием должности сотрудника торгпредства СССР в Берлине, неоднократно выезжал в спецкоманди-ровки в США, Францию, Швецию и Испанию.

С мая 1935 по февраль 1938 года возглавлял советскую внешнюю разведку. Комиссар госбезопасности 2-го ранга.

Награжден двумя орденами Красного Знамени, двумя нагрудными знаками «Почетный чекист» и именным маузером.

17 февраля 1938 года внезапно скончался в кабинете заместителя наркома внутренних дел СССР М.П. Фринов-ского. Похоронен на Новодевичьем кладбище в Москве. В апреле 1938 года посмертно исключен из партии как «враг народа».

ШПИГЕЛЬГЛАС Сергей Михайлович

Родился 29 апреля 1897 года в местечке Мосты Гродненской губернии в семье бухгалтера. После окончания 1-го Варшавского реального училища поступил на юридический факультет Московского университета. В 1917 году с третьего курса был призван в армию. Служил в чине прапорщика в 42-м запасном полку.

С января 1919 года работал в органах Военного контроля, а затем — в Особом отделе ВЧК. С 1922 года являлся сотрудник Иностранного отдела. Владел французским, немецким и польским языками. До 1926 года работал в Монголии, с

территории которой вел активную агентурную работу по Китаю и Японии. Затем находился на нелегальной работе во Франции. С октября 1936 года являлся заместителем начальника внешней разведки. С конкретными оперативными заданиями неоднократно выезжал в спецкомандировки в Китай, Германию, Францию и Испанию.

С февраля по июнь 1938 года исполнял обязанности руководителя советской внешней разведки. Одновременно преподавал в Школе особого назначения (ШОН) Главного управления государственной безопасности НКВД СССР.

2 ноября 1938 года арестован. За «измену Родине, участие в заговорщической деятельности, шпионаж и связь с врагами народа» осужден Военной коллегией Верховного Суда СССР к высшей мере наказания. 29 января 1941 года расстрелян.

В ноябре 1956 года определением Военной коллегии Верховного Суда СССР приговор отменен и дело прекращено за отсутствием состава преступления.

ПАССОВ Зельман Исаевич

Родился в 1905 году в городе Старая Русса в семье приказчика. Окончил школу 2-й ступени. В 1919 году в 14-летнем возрасте вступил в РККА. Служил рядовым-курьером во 2-й Старо-Русской караульной роте. Затем работал делопроизводителем военного коменданта, секретарем военкома батальона связи 56-й стрелковой дивизии.

В органах госбезопасности с мая 1922 года: сотрудник аппарата уполномоченного ГПУ по Старо-Русскому уезду, сотрудник Новгородского и Псковского губернских отделов ОГПУ, уполномоченный Особого отдела 16-й стрелковой дивизии. В январе 1927 года вступил в ВКП(б).

В 1929 году окончил Высшую пограничную школу ОГЛУ. Затем до 1936 года служил на руководящих должностях в центральном аппарате ОГПУ. В 1936—1938 годах — в Контрразведывательном отделе (КРО) ГУГБ НКВД СССР. В разведку пришел с должности начальника этого отдела.

С июня по ноябрь 1938 года руководил советской внешней разведкой. Старший майор госбезопасности.

Награжден орденом Ленина, нагрудным знаком «Почетный чекист», именным оружием и золотыми часами.

23 октября 1938 года арестован по обвинению в антисоветской заговорщической деятельности в органах НКВД. 15 февраля 1940 года осужден к высшей мере наказания и в тот же день расстрелян.

СУДОПЛАТОВ Павел Анатольевич

Родился 7 июля 1907 года в городе Мелитополе. Рано остался без родителей. В 1919 году уехал в Одессу, беспризорничал.

В середине 1920 года в качестве воспитанника полка РККА был определен помощником телеграфиста роты связи 123-й стрелковой бригады 41-й дивизии 14-й армии. Участвовал в боях на Украине и на Польском фронте. Окончил курсы подготовки политработников. Затем служил в Житомирско-Волынском и в Харьковском губернских отделах ГПУ

С февраля 1932 года работал в центральном аппарате ОГПУ. С апреля 1933 года — во внешней разведке. В 1935— 1938 годах находился на нелегальной работе в Германии и Финляндии.

В ноябре—декабрю 1938 года исполнял обязанности начальника внешней разведки.

С мая 1939 года — заместитель начальника внешней разведки. В годы Великой Отечественной войны одновременно являлся начальником 4-го управления НКВД—НКГБ СССР. Руководил партизанскими и разведывательно-диверсионными операциями в тылу противника. Генерал-лейтенант.

Награжден орденом Ленина, тремя орденами Красного Знамени, орденами Суворова 2-й степени и Отечественной войны 1-й степени, двумя орденами Красной Звезды, многими медалями, а также нагрудным знаком «Заслуженный работник НКВД».

В августе 1953 года был арестован. 12 сентября 1958 года был приговорен к тюремному заключению сроком на 15 лет. После освобождения занялся литературной деятельностью, опубликовал несколько книг мемуаров.

Реабилитирован в феврале 1992 года. Скончался 24 сентября 1996 года.

ДЕКАНОЗОВ Владимир Георгиевич

Родился в 1898 году в Баку в семье контролера Нефтяного управления. Окончил 1-ю Тифлисскую гимназию, учился на медицинских факультетах Саратовского и Бакинского университетов. В мае 1920 года вступил в партию большевиков. Принимал участие в революционном движении в Закавказье.

С июня 1921 года — в органах госбезопасности. До 1931 года служил на руководящих должностях в ГПУ Азербайджана и Грузии. В 1931—1938 годах — на ответственной партийной и государственной работе в Грузинской ССР.

В ноябре 1938 года был переведен на работу в НКВД СССР. С

декабря 1938 года по май 1939 года возглавлял советскую внешнюю разведку. Комиссар госбезопасности 3-го ранга.

С мая 1939 года — заместитель наркома иностранных дел СССР. С ноября 1940 года вплоть до начала Великой Отечественной войны — полпред СССР в Германии. Затем вновь являлся заместителем министра иностранных дел, работал в Комитете по радиовещанию при СМ СССР. 10 апреля 1953 года назначается министром внутренних дел Грузии.

Награжден орденами Ленина, Красного Знамени, Отечественной войны 1-й степени, орденом Трудового Красного Знамени ГрузССР, несколькими медалями, нагрудным знаком «Почетный чекист».

30 июня 1953 года был арестован по так называемому «делу Берии». 23 декабря 1953 года осужден Специальным судебным присутствием Верховного Суда СССР к высшей мере наказания и в тот же день расстрелян.

ФИТИН Павел Михайлович

Родился 28 декабря 1907 года в селе Ожогино Ялуторовского уезда Тобольской губернии в крестьянской семье.

В период учебы в школе и после ее окончания занимался комсомольской работой. В 1927 году вступил в ВКП(б).

После окончания в 1932 году инженерного факультета Сельскохозяйственной академии имени К.А. Тимирязева работал заведующим редакцией индустриальной литературы издательства «Сельхозгиз». В 1934—1935 годах служил в Красной Армии. После демобилизации работал заместителем главного редактора «Сельхозгиза».

В марте 1938 года был направлен по партийному набору на учебу в Центральную школу НКВД. После окончания специальных ускоренных курсов в ноябре того же года зачисляется стажером в центральный аппарат внешней разведки и вскоре становится заместителем ее руководителя.

С мая 1939 по июнь 1946 года руководит советской внешней разведкой. Комиссар госбезопасности 3-го ранга.

Награжден двумя орденами Красного Знамени, орденом Красной Звезды, орденом Красного Знамени Тувы, многими медалями, нагрудным знаком «Заслуженный работник НКВД».

В конце июня 1946 года по распоряжению Берии освобождается от занимаемой должности. Работает на руководящих постах в МТБ—МВД.

В ноябре 1953 года увольняется из органов внутренних дел.

Скончался 24 декабря 1971 года.

КУБАТКИН Петр Николаевич

Родился в 1907 году в поселке Кольберовский рудник Успенского уезда Елизаветградской губернии в шахтерской семье.

С 1921 по 1927 год работал на шахте. В 1927—1929 годах находился на комсомольской работе.

В органах госбезопасности с сентября 1929 года. В 1929—1932 годах служил в пограничных войсках. С 1932 по 1937 год работал в подразделениях госбезопасности Одесской области. В 1937 году окончил Центральную школу НКВД СССР. Затем служил в подразделениях центрального аппарата НКВД. В 1939 году — секретарь парткома ГУГБ НКВД СССР.

В 1939—1941 годах руководил управлением госбезопасности Московской области. С августа 1941 по июнь 1946 года возглавлял управление госбезопасности Ленинградской области. Одновременно в 1945 году являлся уполномоченным НКГБ СССР по 2-му Прибалтийскому фронту.

С июня по сентябрь 1946 года возглавлял советскую внешнюю разведку. Генерал-лейтенант.

С 1946 по 1949 год работал начальником УМГБ Горьковской области. В апреле 1949 года назначен заместителем председателя Саратовского облисполкома.

Награжден орденами Ленина, Красного Знамени, Кутузова 1-й степени, Кутузова 2-й степени, Трудового Красного Знамени, двумя орденами Красной Звезды, медалями, а также нагрудным знаком «Заслуженный работник НКВД».

23 июля 1949 года арестован в связи с так называемым «ленинградским делом». 27 октября 1950 года расстрелян.

Реабилитирован посмертно 26 мая 1954 года.

ФЕДОТОВ Петр Васильевич

Родился в 1900 году в Петербурге в семье кондуктора конки. В 1915 году окончил петроградское училище имени Д.И. Менделеева. До 1919 года работал в экспедиции Главпочтамта Петрограда. В 1919—1921 годах служил в Красной Армии.

С 1921 года в органах государственной безопасности. До 1937 года служил в подразделениях ВЧК—ОГПУ—НКВД на Северном Кавказе. С ноября 1937 года — в центральном аппарате ГУГБ НКВД СССР. До войны возглавлял Секретнополитический отдел. С февраля 1941 по сентябрь 1946 года являлся начальником контрразведывательного управления. Генерал-лейтенант.

С сентября 1946 года по сентябрь 1949 года руководил советской внешней разведкой.

Позднее вновь возглавлял контрразведывательное управление органов госбезопасности, работал на руководящих должностях в МВД СССР. В 1956—1959 годах — заместитель начальника Редакционно-издательского отдела Высшей школы КГБ.

Награжден двумя орденами Ленина, четырьмя орденами Красного Знамени, орденами Кутузова 1-й степени, Красной Звезды, «Знак Почета», медалями, а также нагрудными знаками «Почетный чекист» и «Заслуженный работник НКВД».

В 1959 году лишен генеральского звания и уволен из органов государственной безопасности «за нарушения социалистической законности в сталинский период».

Скончался в 1963 году.

САВЧЕНКО Сергей Романович

Родился в 1904 году в городе Скадовске Днепровского уезда Таврической губернии в крестьянской семье. Окончил земское училище и гимназию. Работал ночным сторожем, конторщиком, приемщиком зерна.

В органах госбезопасности с 1922 года. Окончив Высшую пограничную школу ОГПУ, служил на командных должностях в погранвойсках. Одно время преподавал в пограничном училище спецдисциплины. В 1943—1949 годах — нарком-министр государственной безопасности УССР.

С сентября 1949 по январь 1953 года являлся начальником советской внешней разведки. Генерал-лейтенант. В ноябре 1951 года одновременно назначен заместителем министра государственной безопасности СССР.

5 января 1953 года освобождается от должности начальника внешней разведки, но до 11 марта продолжает оставаться на посту заместителя министра госбезопасности. В связи с тем, что в ходе реорганизации органов госбезопасности, проведенной после смерти Сталина, МГБ влилось в МВД и внешняя разведка организационно стала Вторым главным управлением МВД, 17 марта 1953 года Савченко был назначен первым заместителем начальника внешней разведки.

В сентябре того же года переведен на должность начальника одного из управлений этого министерства.

Награжден двумя орденами Ленина, четырьмя орденами Красного Знамени, орденами Кутузова 2-й степени, Богдана Хмельницкого 2-й степени, Красной Звезды, медалями, а также нагрудным знаком «Заслуженный работник НКВД».

В феврале 1955 года уволен в запас. Скончался в 1966 году.

ПИТОВРАНОВ Евгений Петрович

Родился 20 марта 1915 года. Окончил Московский институт инженеров транспорта и Высшую партийную школу.

В 1938 году решением ЦК ВКП(б) направлен на работу в органы госбезопасности и назначен на должность заместителя начальника отдела Горьковского областного управления НКВД. С 1942 по 1945 год являлся начальником областных управлений госбезопасности в Горьком, затем в Кирове и в Куйбышеве. В 1943 году ему было присвоено воинское звание генерал-майор.

В 1945—1946 годах — министр госбезопасности Узбекистана. С 1946 — начальник управления контразведки, заместитель министра госбезопасности СССР.

С января по март 1953 года возглавлял советскую внешнюю разведку.

В 1953—1957 годах являлся представителем КГБ при МТБ ГДР. По возвращении из ГДР возглавлял одно из управлений КГБ. В 1961 году командирован в Китай руководителем представительства КГБ.

С 1962 по 1966 год генерал-лейтенант Питовранов являлся начальником Высшей школы КГБ.

В 1966 году уволен в запас. Скончался в 2000 году.

РЯСНОЙ Василий Степанович

Родился в 1904 году. Получил среднее образование. До 1937 года находился на советской и партийной работе, служил в Красной Армии. В 1937 году направлен на работу в органы государственной безопасности.

В 1941—1943 годах возглавлял Управление НКВД Горьковской области. С 1943 года являлся наркомом внутренних дел Украины. 15 января 1946 года назначен заместителем наркома внутренних дел Советского Союза, курировал подразделения по борьбе с бандитизмом и шпионажем, строительство крупнейших гидротехнических сооружений (Волго-Донской канал, Куйбышевская и Сталинградская ГЭС и др.). С февраля 1952 года — заместитель министра госбезопасности. Генерал-лейтенант.

С марта по май 1953 года руководил советской внешней разведкой.

В 1953—1956 годах возглавлял Управление МВД по городу Москве и Московской области. 5 июля 1956 года уволен из органов МВД.

Скончался 12 декабря 1995 года.

КОРОТКОВ Александр Михайлович

Родился в Москве 22 ноября 1909 года. В 1928 году был принят на работу в ОГПУ в качестве монтера по лифтам хозяйственного отдела этой организации. В начале 1933 года был рекомендован на работу в ИНО ОГПУ и в том же году направлен по линии нелегальной разведки в Париж. Во Франции работал до 1938 года, добился конкретных вербовочных результатов.

Во время бериевских «чисток» в 1939 году был уволен из разведки без объяснения причин. Пошел на беспрецедентный по тем временам шаг, написав письмо руководству НКВД, в котором просил объяснить причины своего увольнения. Неожиданно был восстановлен на службе и направлен заместителем резидента в Берлин. Там он восстановил связь с наиболее ценными агентами.

Незадолго до нападения Германии на СССР направил в Центр аналитическое письмо, из которого следовало, что война неизбежна и начнется в ближайшее время.

В первые дни войны, рискуя жизнью, сумел несколько раз выехать из посольства в город для проведения встреч с агентурой. В годы Великой Отечественной войны работал в центральном аппарате, осуществлял операции по организации связи, руководил подготовкой нелегалов.

В 1946 году назначен заместителем начальника внешней разведки и одновременно руководителем ее нелегального управления.

С мая по июль 1953 года исполнял обязанности начальника внешней разведки.

В 1957 году направлен в Берлин в качестве представителя КГБ при МГБ ГДР.

За большие заслуги в деле обеспечения государственной безопасности генерал-майор Коротков награжден орденом Ленина, шестью орденами Красного Знамени, орденом Отечественной войны I степени, двумя орденами Красной Звезды, многими медалями, а также нагрудным знаком «Почетный сотрудник госбезопасности».

Скончался в 1961 году.

ПАНЮШКИН Александр Семенович

Родился 14 августа 1905 года в городе Самаре в рабочей семье. Учился в церковно-приходском училище, а после революции — в средней школе.

В 1921 году ушел добровольцем в Красную Армию, воевал на фронтах Гражданской войны.

С 1924 по 1927 год учился в Ленинградской кавалерийской школе РККА. После ее окончания направляется на службу в пограничные войска на Дальний Восток. До 1934 года служил в 59-м Приморском кавалерийском пограничном отряде ОГПУ вначале в должности помощника начальника погранзаставы, а затем — комендантом погранучастка.

В 1935—1938 годах учится в Военной академии РККА имени М.В. Фрунзе. После окончания академии направляется на работу в НКВД. Назначается на должность помощника начальника отделения, а в декабре 1938 года становится начальником спецотдела.

В июле 1939 года Панюшкин направляется в Китай уполномоченным Совнаркома по реализации торгового соглашения с этой страной и в том же месяце назначается Чрезвычайным и Полномочным Послом СССР. Одновременно является главным резидентом НКВД и руководит деятельностью ряда резидентур в Китае.

Возвратившись в Москву в 1944 году, он был назначен заместителем заведующего отделом международной информации ЦК партии и работал в этой должности до мая 1947 года.

В 1947 году возвратился на работу во внешнюю разведку и был назначен Главным секретарем Комитета информации при СМ СССР.

В октябре 1947 года был направлен Чрезвычайным и Полномочным Послом СССР в США, являясь одновременно главным резидентом внешней разведки в этой стране.

В июле 1952 года возвратился в Москву и получил назначение на должность посла СССР в КНР. На этот раз он не совмещал дипломатическую должность с разведывательной работой. В Китае находился до мая 1953 года.

В июле 1953 года был избран в состав ЦК КПСС и назначен на должность руководителя советской внешней разведки. Одновременно осенью этого же года назначен по совместительству председателем комиссии ЦК по выездам за границу. В должности начальника внешней разведки находился до июня 1955 года. Генерал-майор.

В 1955 году перешел на работу в ЦК КПСС. В июле 1959 года назначен на должность заведующего отделом дипломатических и внешнеторговых кадров ЦК.

В 1962 году вышел на пенсию.

Награжден тремя орденами Ленина, орденом Октябрьской Революции, двумя орденами Красного Знамени, орденом Красной Звезды, многими медалями, а также нагрудным знаком «Почетный чекист» (1939 год).

Скончался 11 ноября 1974 года.

САХАРОВСКИЙ Александр Михайлович

С июня 1955 года исполнял обязанности начальника советской внешней разведки.

С мая 1956 по июль 1971 года являлся начальником советской внешней разведки.

МОРТИН Федор Константинович

Родился 2 мая 1918 года в селе Красная Поляна Маресевского района Горьковской области. Окончил сельскую среднюю школу, в 1937 году—Арзамасский государственный учительский институт. Преподавал в родном селе физику и математику.

В 1939—1940 годах был секретарем районного комитета комсомола, в 1940—1941 годах — директором районной средней школы. В 1941—1942 годах работал заведующим орготделом районного комитета партии. С июля 1942 года— на различных должностях в политотделах действующей армии. С августа 1945 года являлся слушателем Военнодипломатической академии Советской Армии.

По окончании академии направлен на работу во внешнюю разведку. В 1947—1950 годах выезжал в долгосрочную загранкомандировку.

С 1950 по 1954 год находился на ответственной работе в аппарате ЦК КПСС.

В октябре 1954 года переведен на работу в органы государственной безопасности на должность заместителя начальника внешней разведки. С 1958 по 1971 год являлся первым заместителем начальника внешней разведки. В 1966—1967 годах в этой должности возглавлял Высшую разведывательную школу.

С июля 1971 года по январь 1974 года руководил советской внешней разведкой. Генерал-лейтенант.

С 1975 года до выхода в отставку по возрасту в 1982 году работал в группе консультантов при председателе КГБ СССР.

Награжден двумя орденами Ленина, орденами Красного Знамени, Отечественной войны I степени, Трудового Красного Знамени, двумя орденами Красной Звезды, многими медалями, нагрудным знаком «Почетный сотрудник госбезопасности». Скончался 1 января 1991 года.

КРЮЧКОВ Владимир Александрович

Родился 29 февраля 1924 года в Царицыне (Волгограде). В период Великой Отечественной войны работал разметчиком на оборонном заводе (1941—1943 гг.) и комсоргом ЦК ВЛКСМ в строительно-монтажной части (1943—1944 гг.).

В 1944—1946 годах на руководящей работе в горкоме комсомола Волгограда. С 1946 по 1950 год — следователь районной прокуратуры и прокурор следственного отдела Волгоградской областной прокуратуры.

В 1949 году окончил Всесоюзный заочный юридический институт. В 1950—1951 годах работал прокурором Кировского района Волгограда.

В 1951—1954 годах учился в Высшей дипломатической школе МИД СССР. С 1954 по 1959 год находился на дипломатической работе в Венгрии.

В 1959—1967 годах работал референтом, заведующим сектором, помощником секретаря ЦК КПСС.

С 1967 по 1971 год являлся помощником председателя КПБ и начальником Секретариата КГБ. В 1971 году назначен на должность первого заместителя начальника внешней разведки и работал на ней до 1974 года.

С января по декабрь 1974 года исполнял обязанности начальника внешней разведки, а затем по октябрь 1988 года руководил советской внешней разведкой. С 1978 года одновременно являлся заместителем председателя КГБ. С 1986 года член ЦК КПСС.

В октябре 1988 года в звании генерала армии возглавил КГБ. С сентября 1989 года — член Политбюро ЦК КПСС.

Награжден двумя орденами Ленина, орденами Октябрьской Революции, Красного Знамени, двумя орденами Трудового Красного Знамени, орденом «Знак Почета», многими медалями, а также нагрудным знаком «Почетный сотрудник госбезопасности».

В связи с августовскими событиями 1991 года был арестован и содержался в следственной тюрьме. В дальнейшем был амнистирован.

Скончался 23 ноября 2007 года.

КИРПИЧЕНКО Вадим Алексеевич

Родился 25 сентября 1922 года в Курске. С 1940 по 1946 год служил в армии. Участник Великой Отечественной войны.

В 1946 году поступил на арабское отделение Московского института востоковедения.

По завершении учебы в 1952 году направлен на работу во внешнюю разведку. Уже через два года он—заместитель резидента в Египте. В 1962—1964 годах возглавлял резидентуру в Тунисе, в 1970—1974 годах являлся резидентом внешней разведки в Египте.

Семнадцать лет (1974—1991 годы) был заместителем, из них 12 лет — первым заместителем начальника Первого главного управления КГБ (внешняя разведка).

С октября 1988 года по февраль 1989 года исполнял обязанности начальника внешней разведки.

С 1991 года—руководитель Группы консультантов Службы внешней разведки Российской Федерации.

За образцовое выполнение служебного долга награжден орденами «За заслуги перед Отечеством» IV степени, Ленина, Октябрьской Революции, двумя орденами Красного Знамени, орденами Отечественной войны I степени, Красной Звезды, «Знак Почета», многими медалями, 8 иностранными орденами, а также нагрудными знаками «Почетный сотрудник госбезопасности» и «За службу в разведке».

С 1997 года генерал-лейтенант Кирпиченко находился в отставке, но продолжал работать в Группе консультантов и вести активную общественную деятельность. Выступал с докладами и лекциями на международных конференциях и семинарах по проблемам разведки. Руководил авторским коллективом сборника «Очерки истории российской внешней разведки» и группой сотрудников СВР, создающей документальные фильмы о разведке. Являлся автором двух книг, многих статей и очерков по проблемам разведки, опубликованных в российских и зарубежных средствах массовой информации. Лауреат Премии СВР России в области литературы и искусства за 1999 год.

Скончался 3 декабря 2005 года.

ШЕБАРШИН Леонид Владимирович

Родился 24 марта 1935 года в Москве в рабочей семье.

После окончания с серебряной медалью средней школы в 1952 году Шебаршин поступил на индийское отделение Института востоковедения. В связи с закрытием института в 1954 году переведен в Московский государственный институт международных отношений, который закончил в 1958 году. Был распределен в Министерство иностранных дел и направлен на работу в Пакистан в качестве переводчика. Свободно владел английским языком, урду, фарси, хинди.

Во внешней разведке с 1962 года. По линии разведки

находился в трех длительных загранкомандировках: в Пакистане, Индии и Иране. Прошел путь от оперативного работника до резидента.

С 1983 года—на руководящих должностях в центральном аппарате разведки. В апреле 1987 года становится заместителем начальника внешней разведки (по странам Ближнего и Среднего Востока и Африки).

С января 1989 по сентябрь 1991 года руководил советской внешней разведкой. Одновременно являлся заместителем председателя КГБ СССР. Генерал-лейтенант. С 22 по 23 августа 1991 года временно исполнял обязанности председателя КГБ СССР.

Награжден орденами Красного Знамени и Красной Звезды, многими медалями, а также нагрудными знаками «Почетный сотрудник госбезопасности» и «За службу в разведке».

В сентябре 1991 года вышел в отставку. Занимался литературной деятельностью. Автор нескольких книг по проблемам внешней разведки.

Скончался 30 марта 2012 года.

ГУРГЕНОВ Вячеслав Иванович

Родился 1 июля 1935 года в Грозном. В 1959 году окончил восточный факультет Московского государственного института международных отношений и, как специалист по Индии, был направлен на работу в Генеральное консульство СССР в Калькутте. Во внешней разведке—с 1963 года. По линии разведки находился в двух долгосрочных загранкомандировках. Прошел путь от оперативного работника до резидента.

С 1984 года — на руководящих должностях в центральном аппарате внешней разведки. В 1989 году назначен заместителем начальника ПГУ КГБ СССР. В сентябре 1991 года исполнял обязанности начальника внешней разведки. Затем, вплоть до кончины, являлся заместителем директора СВР.

За успешную работу по обеспечению государственной безопасности генерал-лейтенант Гургенов был награжден орденом «Знак Почета», многими медалями, нагрудным знаком «За службу в разведке» и именным боевым оружием.

Скончался 22 августа 1994 года. Его имя занесено на Мемориальную доску Зала истории внешней разведки.

ПРИМАКОВ Евгений Максимович

Родился 29 октября 1929 года в Киеве. Детство и юность

провел в Тбилиси. В 1953 году окончил Московский институт востоковедения, в 1956 году — аспирантуру Московского государственного университета. Доктор экономических наук, профессор, владеет английским и арабским языками.

С 1953 по 1962 год работал в Гостелерадио СССР корреспондентом, редактором, главным редактором в Главном управлении радиовещания на зарубежные страны. В 1962—1965 годах был обозревателем, заместителем редактора газеты «Правда» по отделу Азии и Африки. В 1965—1970 годах— собственный корреспондент «Правды» на Ближнем Востоке.

В 1970—1977 годах работал заместителем директора Института мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) АН СССР. С 1977 по 1985 год — директор Института востоковедения АН СССР. В 1985—1989 годах являлся директором ИМЭМО АН СССР.

С 1974 года — член-корреспондент, а с 1979 года — академик АН СССР. С декабря 1991 года — академик РАН.

В 1989—1991 годах — член ЦК КПСС, кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС.

В 1988—1989 годах избирался членом Верховного Совета СССР и народным депутатом СССР. С июня 1989 по сентябрь 1990 года являлся председателем Совета Союза Верховного Совета СССР.

В марте—декабре 1990 года входил в состав Президентского Совета, где занимался вопросами внешней политики. В 1991 году стал членом Совета Безопасности СССР.

С сентября 1991 по январь 1996 года руководил внешней разведкой. В октябре—декабре 1991 года возглавлял Центральную службу разведки. С декабря 1991 года являлся Директором Службы внешней разведки Российской Федерации.

В январе 1996 года назначен министром иностранных дел России. Позднее являлся Председателем Кабинета министров России, депутатом Государственной Думы, руководителем думской фракции.

Награжден орденами «За заслуги перед Отечеством» 3-й степени, Трудового Красного Знамени, Дружбы народов, «Знак Почета». Лауреат Государственных премий СССР и России.

ТРУБНИКОВ Вячеслав Иванович

Родился 25 апреля 1944 года в рабочей семье в городе Иркутске, где родители находились в эвакуации. После войны семья возвратилась в Москву. Окончив с золотой медалью среднюю школу, поступил в Московский государственный

институт международных отношений на восточное отделение, изучал хинди и английский языки.

Получив диплом в 1967 году, был принят на работу во внешнюю разведку. Неоднократно выезжал в долгосрочные загранкомандировки в страны Южной Азии. Прошел путь от оперативного работника до резидента. Работал под журналистским и дипломатическим прикрытиями. Член Союза журналистов с 1973 года.

В 1990 году возглавил одно из подразделений центрального аппарата разведки. В январе 1992 года назначен первым заместителем Директора Службы внешней разведки.

С января 1996 по май 2000 года — Директор Службы внешней разведки России. Генерал армии.

Награжден орденом «За заслуги перед Отечеством» 4-й степени, двумя орденами Красной Звезды, медалями, а также нагрудными знаками «Почетный сотрудник госбезопасности» и «За службу в разведке».

ЛЕБЕДЕВ Сергей Николаевич

Родился 9 апреля 1948 года в городе Джизак Узбекской ССР в семье рабочего. Там же в 1965 году окончил с золотой медалью среднюю школу.

В 1970 году окончил Черниговский филиал Киевского политехнического института по специальности инженера-механика. Был оставлен для работы в институте, а спустя короткое время избран секретарем Черниговского горкома комсомола. В 1971—1972 годах проходил службу в Советской Армии.

С 1973 года в органах государственной безопасности. Во внешней разведке—с 1975 года. Окончил одногодичный факультет Краснознаменного института КГБ (ныне—Академия внешней разведки). В 1978 году защитил диплом с отличием в Дипломатической академии МИД СССР. Владеет немецким и английским языками.

Неоднократно выезжал в долгосрочные загранкомандировки — в ГДР, ФРГ, объединенную Германию. Прошел путь от оперативного работника до резидента. В 1998—2000 годах являлся официальным представителем Службы внешней разведки в США.

20 мая 2000 года Указом Президента Российской Федерации назначен Директором Службы внешней разведки России. Воинское звание — генерал армии.

Имеет ряд государственных наград, а также высшую

ведомственную награду — Почетный знак «За службу в разведке».

ФРАДКОВ Михаил Ефимович

Родился 1 сентября 1950 года в селе Курумоч Красноярского района Куйбышевской области в семье служащего.

В 1972 году с красным дипломом окончил Московский станко-инструментальный институт по специальности «инженер-механик».

В 1973—1975 годах являлся сотрудником аппарата экономического советника посольства СССР в Индии.

С 1975 по 1998 год работал в системе внешнеэкономических связей страны, пройдя путь от сотрудника Всесоюзного объединения «Тяжпромэкспорт» до министра внешнеэкономических связей и торговли России.

В 1999—2000 годах занимал пост министра торговли России. Затем—первого заместителя секретаря Совета Безопасности России. Курировал экономическую безопасность.

С марта 2001 года по март 2003 года руководил Федеральной службой налоговой полиции России. Затем являлся полномочным представителем России при Евросоюзе в ранге федерального министра и специальным представителем Президента России по вопросам развития отношений с Евросоюзом.

В 2004—2007 годах занимал пост Председателя Правительства Российской Федерации.

С 9 октября 2007 года — Директор Службы внешней разведки Российской Федерации.

Приложение 4. ЛЕТОПИСЬ СОВЕТСКОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ И МЕРОПРИЯТИЙ СССР ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА (хронология событий: 1954—1971 гг.)

1954 год

25 января —18 февраля — совещание министров иностранных дел СССР, Англии, США и Франции в Берлине по вопросам уменьшения международной напряженности.

6 марта — Пленум ЦК КПСС принял развернутое решение о путях улучшения деятельности органов безопасности, кардинальной перестройке их работы, искоренения применявшихся ранее незаконных методов, об опоре на общественность, о подконтрольности государственным и партийным органам.

13 марта — Указом Президиума Верховного Совета СССР образован Комитет государственной безопасности при Совете Министров СССР (КГБ при СМ СССР). Внешняя разведка стала Первым главным управлением Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР (ПГУ КГБ при СМ СССР). Председателем КГБ был назначен генерал-полковник Серов Иван Александрович. Начальником ПГУ — Панюшкин Александр Семенович.

Совет Министров утвердил «Положение о Первом главном управлении КГБ при СМ СССР», которое закрепляло его право на ведение разведывательной деятельности за рубежом, определяло структуру внешней разведки, ее функции, задачи, штатный состав.

14 марта — советская разведка в Лондоне добыла подлинные документы Багдадского пакта, содержавшие планы нанесения ядерных ударов по СССР и его союзникам, а также создания «атомных заслонов» на пути советских войск в Турции, Иране, Пакистане и даже Северной Африке.

26 марта — опубликовано заявление Советского правительства о предоставлении Германской Демократической Республике полного суверенитета во внутренних и внешних делах.

26 апреля — 21 июля — совещание в Женеве министров

иностранных дел СССР, Великобритании, КНР, США, Франции и других заинтересованных государств по корейскому и индокитайскому вопросам.

30 июня — принято решение ЦК КПСС *«О* мерах по усилению разведывательной работы органов государственной безопасности за границей». В нем были определены приоритетные направления работы внешней разведки.

В ПГУ создано подразделение, которое должно было заниматься разработкой спецслужб противника и обеспечением безопасности разведывательной деятельности резидентур (внешняя контрразведка).

24 июля — Советское правительство направило ноты правительствам Франции, Великобритании и США по вопросу коллективной безопасности в Европе.

29 ноября — 2 декабря — в Москве состоялось совещание восьми европейских стран по вопросу обеспечения мира и безопасности в Европе.

1955 год

25 января — Указ Президиума Верховного Совета СССР о прекращении состояния войны между СССР и Германией.

7 мая — Указ Президиума Верховного Совета СССР об аннулировании договоров с Англией о союзе в войне против гитлеровской Германии и ее сообщников в Европе и о сотрудничестве и взаимной помощи после войны от 26 мая 1942 года и договора о союзе и взаимной помощи с Францией от 10 декабря 1944 года, поскольку эти страны пошли на прямое нарушение своих обязательств и фактически разорвали их.

11 мая — Варшавское совещание восьми европейских государств по вопросам обеспечения мира и безопасности в Европе.

В ходе совещания был подписан Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи между СССР, Польшей, Румынией, Венгрией, Чехословакией, Албанией, Германской Демократической Республикой и Болгарией (Варшавский договор).

18 июля—совещание в Женеве глав правительств СССР, США, Англии и Франции.

14 сентября — заключение соглашения об установлении дипломатических отношений между СССР и Федеративной Республикой Германией.

20 сентября — подписание Договора об отношениях между

СССР и ГДР.

27 октября — 16 ноября — совещание министров иностранных дел СССР, Англии, США и Франции в Женеве по вопросам европейской безопасности и разоружения и по германскому вопросу.

1956 год

28 января—государства—участники Варшавского договора на заседании Политического консультативного комитета в Праге приняли декларацию, в которой заявили о готовности сотрудничать со всеми другими странами в проведении мер, направленных на обеспечение европейской безопасности и на устранение угрозы новой войны в Европе.

Участники совещания высказались за создание системы коллективной безопасности в Европе, установление в этом районе зоны ограничения и контроля над вооружениями, разрешение споров, возникающих между странами НАТО и Варшавского договора, только мирными средствами.

2 февраля—на полигоне Капустин Яр проведено первое испытание советской жидкостной управляемой баллистической ракеты Р-5М (ОКБ С.П. Королева) с ядерной боеголовкой РДС-4 (с уменьшенным зарядом активного вещества). За 11 минут ракета пролетела 1200 километров и долетела до участка земли (ядерный взрыв малой мощности) в Приараль-ском районе Каракумов. 21 июля 1956 года была принята на вооружение.

27 марта — Советский Союз внес в Подкомитет Комиссии ООН по разоружению предложения об ограничении и сокращении вооружений обычного типа и вооруженных сил всех государств. Они предусматривали сокращение под международным контролем в течение 1956—1958 годов войск СССР, США и КНР до 1—1,5 миллиона человек, Англии и

Франции — до 650 тысяч, остальных стран — до 150 тысяч человек, создание в Европе зоны ограничения и инспекции вооружений, безотлагательное прекращение испытаний ядерного оружия, уменьшение военных бюджетов.

12 мая — начальником ПГУ КГБ при СМ СССР назначен А.М. Сахаровский, который практически исполнял эти обязанности с 23 июня 1955 года, являясь по должности первым заместителем начальника внешней разведки.

16 июля — Верховный Совет СССР обратился к парламентам всех стран с призывом принять действенные меры к прекращению гонки вооружений, последовать примеру Советского Союза, в

одностороннем порядке сократившего свои вооруженные силы.

16—23 августа — Лондонская конференция по вопросу о Суэцком канале.

19 октября — подписание в Москве советско-японской декларации о прекращении состояния войны и о восстановлении дипломатических и консульских отношений и протокола о развитии торговли.

23 октября — 4 ноября — Советский Союз в интересах защиты мировой социалистической системы, руководствуясь обязательствами по Варшавскому договору, по просьбе Венгерского народного правительства оказал ему помощь в подавлении мятежа, организованного западными державами, и в локализации политического кризиса.

29 октября — 6 ноября — Советский Союз решительно выступил в защиту Египта против агрессии Англии, Франции и Израиля на Ближнем Востоке. Благодаря активным действиям СССР и других социалистических государств, решительному сопротивлению египетского народа была ликвидирована агрессия и потушен опасный очаг мировой войны.

30 октября—принята Декларация правительства Союза ССР об основах развития и дальнейшего укрепления дружбы и сотрудничества между Советским Союзом и другими социалистическими государствами. В ней говорилось, что страны должны в своих отношениях основываться на полном равноправии, уважении территориальной целостности и государственной независимости, невмешательстве во внутренние дела друг друга.

17 ноября — заявление Советского правительства по вопросу о разоружении и уменьшении международной напряженности.

2 декабря — начало вооруженной борьбы на Кубе против диктатуры Батисты.

1957 год

11 января — ЦК КПСС принял решение о начале строительства на северо-западе страны, в районе близ станции Плесецкая в Архангельской области, объекта «Ангара»—ракетного испытательного полигона. 1 января 1960 года там был поставлен на боевое дежурство первый ракетный комплекс с МБР Р-7. В настоящее время на базе полигона создан космодром «Плесецк». В марте 1966 года с космодрома стартовал первый космический аппарат «Космос-112».

16 марта — заявление МИД СССР в связи с планами западных

держав по созданию Евратома и Европейского экономического сообщества («Общий рынок»). Договор о создании ЕЭС был подписан в Риме 25 марта.

10 мая — Верховный Совет СССР принял Обращение к конгрессу США и парламенту Великобритании по вопросу о запрещении испытаний ядерного оружия. Советский Союз предлагал создать межпарламентский комитет трех держав для обмена мнениями о возможных путях прекращения испытаний ядерного оружия и его запрещения. Парламенты США и Англии не поддержали советское предложение.

27 августа—ТАСС опубликовал сообщение об успешном проведении в СССР испытаний межконтинентальной баллистической ракеты. Ее создание усилиями советских ученых, инженеров и рабочих дало возможность решить проблему запуска искусственных спутников Земли и полета человека в космос. Вместе с тем этот научно-технический успех еще более укрепил оборонную мощь СССР.

В октябре—ноябре — Советский Союз принял меры по дипломатическим каналам и в ООН в защиту Сирии, над которой нависла угроза агрессии со стороны США и ряда государств багдадской военной группировки. Энергичное выступление СССР в поддержку Сирии помешало этим странам осуществить свои замыслы.

4 октября — в Советском Союзе был запущен первый в мире искусственный спутник Земли. Народы всех стран были восхищены достижениями советской науки и техники. В то же время в свете этого события правящие круги США и других ведущих капиталистических стран развернули небывалую гонку вооружений, ссылаясь на свое отставание от СССР в области ракетной техники и космических исследований.

14—16 ноября — Международное совещание коммунистических и рабочих партий социалистических стран в Москве.

16—19 ноября — Международное совещание коммунистических и рабочих партий в Москве.

21 декабря — Верховный Совет СССР принял постановление по вопросам внешней политики Советского правительства, в котором выдвигалась конкретная программа мер, направленных на сохранение и упрочение мира. Она предусматривала отказ от применения и испытаний ядерного оружия, отказ от размещения его на территории обоих германских государств, существенное сокращение численности войск, соглашение о ненападении между странами НАТО и Варшавского договора, договоренность о поддержании мира на Ближнем и Среднем Востоке, прекращение

пропаганды войны.

1958 год

8 января — Советское правительство направило правительствам всех стран предложения по вопросу ликвидации холодной войны и ослабления международной напряженности. Советские предложения предусматривали созыв совещания глав правительств стран Востока и Запада с целью рассмотрения широкого круга проблем: безотлагательное и повсеместное прекращение испытаний ядерного оружия; отказ от применения ядерного и ракетного оружия; создание в Европе зоны, свободной от всех этих видов оружия; заключение пакта о ненападении между странами НАТО и Варшавского договора; ликвидация на чужих территориях военных баз; сокращение численности иностранных войск, находящихся на территориях германских государств и других европейских стран; предупреждение внезапного нападения; прекращение пропаганды войны; пути ослабления напряженности на Ближнем и Среднем Востоке; расширение торговли и других связей и контактов между государствами. Западные страны отказались принять советские предложения.

20 февраля—заявление Советского правительства по вопросу о создании безатомной зоны в Центральной Европе.

5 марта — опубликован меморандум Советского правительства по вопросу создания безатомной зоны в Центральной Европе.

16 марта—Советское правительство выдвинуло предложения о запрещении использования космического пространства в военных целях, о ликвидации иностранных военных баз на чужих территориях и о международном сотрудничестве в области изучения космического пространства.

31 марта — Верховный Совет СССР принял постановление о прекращении в одностороннем порядке испытаний ядерного оружия. В постановлении указывалось, что оно будет соблюдаться в том случае, если другие ядерные державы сделают то же самое. В связи с тем, что США и Англия не только не прекратили, а увеличили количество испытаний ядерного оружия, Советское правительство 5 октября 1958 года заявило, что действия западных держав освобождают СССР от односторонне взятых обязательств.

24 мая — в Москве прошло совещание Политического консультативного комитета государств — участников

Варшавского договора. Оно под держало предложение Советского Союза о созыве конференции глав правительств стран Востока и Запада для разрядки международной напряженности. Политический консультативный комитет рассмотрел проект пакта о ненападении между странами НАТО и Варшавского договора. Однако натовские страны не приняли это предложение.

В июле—октябре — Советский Союз решительно выступил против интервенции США в Ливане и Англии — в Иордании. Энергичные действия СССР, под держанные другими миролюбивыми государствами, заставили агрессоров покинуть эти арабские страны.

31 октября—в Женеве начались переговоры представителей СССР, США и Англии по вопросу о прекращении испытаний ядерного оружия. Советский Союз на первом же заседании внес проект Договора о полном прекращении испытаний на вечные времена. Западные державы всеми способами тормозили выработку соглашения, и только пять лет спустя, 5 августа 1963 года, был подписан Договор о прекращении испытаний ядерного оружия в космосе, атмосфере и под водой.

25 декабря—председателем КГБ при СМ СССР назначен Шелепин Александр Николаевич.

1959 год

9 января — на заседании Президиума ЦК КПСС было утверждено положение о КГБ и его органах, в котором говорилось, что «Комитет государственной безопасности при Совете Министров СССР и его органы на местах являются политическими органами, осуществляющими мероприятия Центрального Комитета партии и Правительства по защите социалистического государства от посягательств со стороны внешних и внутренних врагов, а также по охране государственных границ СССР. Комитет государственной безопасности работает под непосредственным руководством и контролем Центрального Комитета КПСС».

10 января—Советское правительство признало Временное правительство Республики Кубы.

23 января—заявление Советского правительства в связи с переговорами трех держав по вопросу о прекращении испытаний атомного и водородного оружия.

21 апреля — нота Советского правительства правительству США с осуждением мероприятий по вооружению ФРГ и ряда других стран — участниц НАТО ядерным оружием.

11 мая — 20 июня и 13 июля — 5 августа — совещания в Женеве министров иностранных дел СССР, США, Англии и Франции при участии представителей ГДР и ФРГ по германскому вопросу.

Советский Союз внес на рассмотрение совещания проект мирного договора и предложения по урегулированию положения в Западном Берлине на основе признания его самостоятельной политической единицей и предоставления ему статуса вольного демилитаризованного города с международными гарантиями. Западные страны отклонили советские предложения. Со своей стороны они выдвинули «План мира», в основе которого лежала идея ликвидации социалистического государства — ГДР и присоединения его территории к ФРГ.

18 сентября — Советское правительство выдвинуло на XIV сессии Генеральной Ассамблеи ООН предложение о всеобщем и полном разоружении.

31 октября — опубликовано обращение Верховного Совета СССР к парламентам всех стран мира с призывом приложить все усилия для осуществления всеобщего и полного разоружения.

1960 год

3 января — начало переговоров в Женеве между СССР, США и Англией о прекращении испытаний ядерного оружия.

27 января — Советское правительство направило правительству Японии памятную записку в связи с подписанием 19 января 1960 года Японией и Соединенными Штатами Америки договора о взаимном сотрудничестве и безопасности. Этому вопросу были также посвящены памятные записки советского правительства от 24 февраля и 22 апреля, нота от 20 мая 1960 года. Во всех вышеперечисленных документах разоблачалась агрессивная сущность японо-американского договора. Японское правительство было предупреждено об опасности втягивания страны в ракетно-ядерную войну. Советский Союз выражал готовность заключить договор о мире и дружбе с участием Японии, СССР, США, КНР и других тихоокеанских стран.

13 июля — Советское правительство выступило с заявлением в связи с начавшейся интервенцией против Республики Конго. В этом и последующих заявлениях, а также в выступлениях представителей Советского Союза в ООН при обсуждении данного вопроса разоблачались замыслы империалистических агрессоров и выдвигалось решительное требование прекратить интервенцию против независимой Республики Конго.

23 **сентября** — СССР внес на рассмотрение XV сессии Генеральной Ассамблеи ООН проект Декларации о предоставлении независимости колониальным странам и народам. 14 декабря 1960 года Генеральная Ассамблея приняла Декларацию о предоставлении независимости колониальным странам и народам, включавшую в себя основные положения советского проекта. В документе признавалось право всех народов на самоопределение, указывалось на необходимость прекращения любого вооруженного действия или репрессий против зависимых народов, выдвигалось требование немедленной передачи всей власти народам этих территорий. Провозглашение Генеральной Ассамблеей Декларации явилось важным внешнеполитическим успехом Советского Союза, который неизменно под держивал освободительное движение угнетенных народов.

Наряду с проектом Декларации о предоставлении независимости колониальным странам и народам Советский Союз в тот же день внес новый проект основных положений Договора о всеобщем и полном разоружении. В нем предусматривалось решение проблемы ракетно-ядерного разоружения под строгим международным контролем. Уже на первом этапе разоружения намечалась ликвидация всех средств доставки ядерного оружия и иностранных военных баз, на втором этапе — запрещение ядерного, химического, биологического и других видов оружия массового уничтожения. Одновременно предлагалось осуществить значительное сокращение вооруженных сил и вооружений обычного типа.

7 декабря — опубликовано заявление Советского правительства о положении в Конго в связи с арестами в стране и истязаниями ее премьер-министра Патриса Лумумбы и других патриотически настроенных конголезских деятелей.

27 декабря—заявление Советского правительства по поводу Декларации Генеральной Ассамблеи ООН о предоставлении независимости колониальным странам и народам.

1961 год

2 февраля — состоялся первый успешный пуск межконтинентальной баллистической ракеты Р-16 с дальностью полета до 1300 километров. Ракета была разработана в КБ М.К. Янгеля.

14 февраля — заявление Советского правительства в связи с убийством премьер-министра Конго Патриса Лумумбы.

12 апреля — советский летчик-космонавт Ю.А. Гагарин впервые в истории человечества осуществил на корабле «Восток» полет в космос. В Обращении ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Советского правительства к Коммунистической партии и народам Советского Союза, к народам и правительствам всех стран мира, ко всему прогрессивному человечеству, опубликованном в связи с этим знаменательным событием, в частности, говорилось:

«В этот торжественный день мы вновь обращаемся к народам и правительствам всех стран с призывным словом о мире.

Пусть все люди, независимо от рас и наций, цвета кожи, от вероисповедания и социальной принадлежности, приложат все силы, чтобы обеспечить прочный мир во всем мире».

18 апреля — послание главы Советского правительства президенту США Дж. Кеннеди и заявление Правительства СССР в связи с вторжением американских наемников на Кубу.

27 мая—опубликовано заявление Советского правительства о положении в Анголе.

6 июля — в Москве подписан Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между СССР и КНДР.

9 августа — Советское правительство направило правительству США ноту по вопросу прекращения ядерных испытаний.

14 августа — правительства государств — участников Варшавского договора опубликовали заявление, в котором говорилось, что они обратились к Народной палате и правительству ГДР, ко всем гражданам ГДР с предложением установить на границе с Западным Берлином такой порядок, который способствовал бы предотвращению подрывной деятельности против социалистического лагеря. Германская Демократическая Республика, руководствуясь этими рекомендациями, установила надежный контроль на границе с

Западным Берлином. Осуществление этих защитных мер укрепило безопасность ГДР и других социалистических государств Европы.

29 **сентября** — опубликован меморандум Советского правительства по вопросу об испытаниях ядерного оружия.

11 **октября**—на Семипалатинском полигоне осуществлен первый подземный ядерный взрыв.

28 **ноября** — опубликовано заявление Советского правительства в связи с возобновлением переговоров о прекращении испытаний ядерного и термоядерного оружия.

1962 год

19 **февраля** — заявление Правительства СССР в связи с подготовкой США новых провокаций против Кубы.

16 **марта** — опубликован советский проект Договора о всеобщем и полном разоружении под строгим международным контролем.

5 **апреля** — на совещании Комитета 18-ти государств в Женеве советская делегация внесла проект декларации о запрещении пропаганды войны.

7 **июня**—на заседании Политического консультативного комитета государств — участников Варшавского договора в Москве были рассмотрены вопросы германского мирного урегулирования. В принятой декларации говорилось, что государства — участники Варшавского договора стоят за мирное решение проблем, разделяющих государства. «Но в случае, если ответом на их такую миролюбивую политику будут действия, направленные против интересов их безопасности, против суверенных прав Германской Демократической Республики, против интересов мира, то они полны решимости достойным образом оградить свою безопасность и защитить мир всеми имеющимися в их распоряжении средствами».

9—14 июля — в Москве состоялся Всемирный конгресс за всеобщее разоружение и мир.

12 июля—в связи с подготовкой интервенции США против Кубы начались морские перевозки на Кубу советских войск (план «Анадырь»). Размещение на острове советских воинских подразделений и оборудование ракетных позиций привели к так называемому Карибскому кризису и угрозе развязывания третьей мировой войны.

13 июля — опубликовано заявление ТАСС по вопросу об усилении гонки вооружений и о происходящем между СССР и западными державами обмене мнениями по вопросу германского мирного урегулирования.

3 сентября — опубликовано советско-кубинское коммюнике об оказании Кубе помощи вооружением, а также экономической и технической помощи.

12 сентября — опубликовано заявление ТАСС о провокационных действиях США против Кубы.

21 сентября—министр иностранных дел СССР А. А. Громыко внес на рассмотрение сессии Генеральной Ассамблеи ООН проект Договора о всеобщем и полном разоружении под строгим международным контролем.

27—28 октября — обмен посланиями между Председателем Совета Министров СССР и Президентом США по кубинскому вопросу.

24 декабря—на Семипалатинском полигоне осуществлен последний наземный ядерный взрыв.

25 декабря — на Новоземельском полигоне осуществлен последний воздушный ядерный взрыв.

1963 год

12 февраля — Советский Союз внес в Комитет 18-ти государств по разоружению проект Декларации об отказе от использования иностранных территорий для размещения стратегических средств доставки ядерного оружия. В этом документе предлагалось ликвидировать расположенные на чужих территориях базы подводных лодок, оснащенных ракетно-ядерным оружием, и стратегические ракетные установки; вывести из иностранных портов авианосцы, имеющие на борту самолеты с ядерным оружием; перевести на свою территорию ракеты дальностью действия от 1500 километров и выше, а также стратегические бомбардировщики, предназначенные для доставки ядерного оружия. Предложения СССР не были приняты США и их союзниками по НАТО.

8 апреля—Советское правительство направило участникам Североатлантического союза ноты относительно планов создания многосторонних ядерных сил НАТО. В нотах разоблачалась подлинная цель этих планов—открыть бундесверу доступ к ракетно-ядерному оружию и еще активнее развернуть подготовку к ядерной войне. В качестве альтернативы атомному вооружению ФРГ и всякому распространению ядерного оружия предлагалось всеобщее и полное разоружение, запрещение ядерного оружия и уничтожение его запасов.

20 мая — Советский Союз направил правительствам США, Англии и всех средиземноморских стран ноты в связи с размещением в Средиземном море американских атомных подводных лодок, оснащенных ядерными ракетами «Пола-рис». Предостерегая от опасных последствий действий американской военщины, Советское правительство представило на рассмотрение этих стран предложение объявить район

Средиземного моря зоной, свободной от ракетно-ядерного оружия и находящейся вне сферы его применения.

5 августа — представители СССР, США и Англии подписали в Москве Договор о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, в космическом пространстве и под водой. Подписание документа явилось результатом упорной борьбы СССР и других миролюбивых государств за прекращение испытаний атомного

оружия. Договор был открыт для подписания всеми странами.

17 октября—по инициативе Советского Союза XVIII сессия Генеральной Ассамблеи ООН приняла резолюцию, призывающую все государства воздерживаться от вывода на орбиту вокруг Земли объектов с ядерным оружием или другими видами оружия массового уничтожения, их установки на небесных телах или размещения в космическом пространстве каким-либо иным способом.

21 октября — опубликовано заявление ТАСС по поводу создания в рамках НАТО многосторонних ядерных сил.

1964 год

30 января — опубликовано заявление ТАСС о поддержке Советским Союзом законных стремлений народа Кипра обеспечить свою независимость и осуждающее попытки иностранного вмешательства во внутренние дела Республики Кипр.

25 февраля — министр обороны СССР Малиновский и начальник Генерального штаба Бирюзов представили Хрущеву совершенно секретный документ (составленную на основе строго документированных разведданных докладную записку), из которого следовало, что США и НАТО активно развертывают свой ядерный щит в Европе. Так, по данным советской разведки за период с января 1963 года по январь 1964 года, было установлено наличие 6 складов ядерного оружия на территории ФРГ, Нидерландов и Греции, 27 ядерных бомб — в Турции, 16 — в Греции и т.д. В связи с этим руководство СССР вынуждено было скорректировать свою оборонную политику.

21 апреля — Советское правительство опубликовало заявление о сокращении производства расщепляющихся материалов для военных целей. Правительства США и Англии сделали аналогичные заявления.

10 июля—Советский Союз внес в ООН меморандум «О некоторых мерах по усилению эффективности ООН в обеспечении международного мира и безопасности». В документе содержались конкретные предложения по ликвидации в ООН наслоений периода холодной войны, предлагалось более широкое использование мирных средств для урегулирования международных споров, а также применение к нарушителям, в случае необходимости, принудительных мер как невоенного, так и военного характера, при условии строгого соблюдения Устава ООН.

6 **августа** — Советский Союз в специальном заявлении решительно осудил начавшуюся агрессию США против Демократической Республики Вьетнам и потребовал ее немедленного прекращения.

7 **декабря** — глава советской делегации на XIX сессии Генеральной Ассамблеи ООН внес на рассмотрение международного форума Меморандум Советского правительства о мерах по дальнейшему смягчению международной напряженности и ограничению гонки вооружений.

1965 год

19 января — состоялось совещание Политического консультативного комитета государств—участников Варшавского договора. Участники совещания со всей решительностью выступили против опасных планов создания многосторонних ядерных сил НАТО как формы передачи ФРГ ядерного оружия. Они выдвинули конкретные предложения, направленные на обеспечение европейской безопасности, подчеркнув, что этой цели служили бы реализация предложений о замораживании ядерных вооружений и создании безатомной зоны в Центральной Европе.

Государства—участники Варшавского договора отметили, что они по-прежнему готовы заключить пакт о ненападении с государствами — членами НАТО, который в большой мере содействовал бы разрядке напряженности в Европе и во всем мире. Политический консультативный комитет обратился с предложением созвать совещание европейских государств для обсуждения мер, направленных на обеспечение коллективной безопасности в Европе.

4 марта — заявление Советского правительства правительству США в связи с расширяющимся американским вмешательством во внутренние дела Вьетнама, Лаоса и Камбоджи.

10 мая — опубликовано Обращение ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и правительства Советского Союза к правительствам, парламентам и народам всех стран по случаю двадцатилетия со Дня Победы над фашистской Германией. Документ призвал правительства всех стран принять действенные меры по устранению угрозы новой войны и активизировать усилия для урегулирования нерешенных проблем, оставшихся в наследство от Второй мировой войны.

24 сентября — советская делегация внесла на рассмотрение

Генеральной Ассамблеи ООН проект Декларации о недопустимости вмешательства во внутренние дела государств, об ограждении их независимости и суверенитета и проект Договора о нераспространении ядерного оружия.

В проекте Декларации отмечалось, что все государства в своих международных отношениях должны руководствоваться принципом взаимного уважения и невмешательства во внутренние дела других государств по любым причинам — экономического, политического или идеологического характера.

В проекте Договора о нераспространении ядерного оружия, в частности, предусматривалось, что его участники обязуются не передавать ядерное оружие в какой бы то ни было форме во владение или распоряжение государств или группы государств, не обладающих ядерным оружием.

9 декабря — Верховный Совет СССР принял заявление в связи с агрессией США во Вьетнаме, в котором призвал парламенты и правительства всех стран предпринять необходимые усилия, чтобы добиться прекращения американцами боевых действий против Вьетнама.

1966 год

10 января — подписана Ташкентская декларация. Руководители Индии и Пакистана согласились с необходимостью не прибегать к силе и решать свои споры мирными средствами. Обе стороны заявили о своем стремлении восстановить дипломатические, экономические и торговые связи, содействовать взаимопониманию и дружбе между народами. Состоявшаяся по инициативе Советского правительства Ташкентская встреча привела к ликвидации индо-пакистанского военного конфликта.

16 февраля — Советское правительство направило правительству США памятную записку по вопросу о полетах американских самолетов с ядерным оружием на борту над территориями чужих стран и открытым морем.

30 мая — заявление ТАСС о военных провокациях США против Республики Куба.

1 июля — опубликовано заявление Советского правительства в связи с бомбардировками авиацией США районов Ханоя и Хайфона.

5 июля—в Бухаресте подписана Декларация об укреплении мира и безопасности в Европе, принятая на состоявшемся здесь совещании руководителей коммунистических и рабочих партий и

глав правительств стран — участниц Варшавского договора.

В Декларации подчеркивалась необходимость укрепления мира в Европе и предлагался ряд конкретных мер для осуществления этой цели, в частности, указывалось что радикальным путем к этому был бы одновременный роспуск существующих военных союзов, или же в качестве шага на пути к этому — достижение договоренности о ликвидации военных организаций этих союзов.

Государства—участники совещания выдвинули предложение о созыве общеевропейского совещания для обсуждения вопросов обеспечения безопасности в Европе и налаживания общеевропейского сотрудничества.

6 июля — участники совещания приняли заявление в связи с агрессией США во Вьетнаме, в котором осудили американский империализм и обязались оказывать ДРВ всю необходимую помощь.

20 августа — министерство иностранных дел СССР передало временному поверенному в делах Великобритании в СССР советский проект заявления сопредседателей Женевского совещания 1954 года по Индокитаю в связи с посягательством вооруженных сил США на независимость, нейтралитет и территориальную целостность Камбоджи.

15 декабря — опубликовано заявление Советского правительства, осуждающее варварские бомбардировки Ханоя американской авиацией.

1967 год

27 января — в Москве, Вашингтоне и Лондоне страны-депозитарии —СССР, США и Англия — подписали Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства (затем он был открыт для подписания другими государствами).

Этот документ разрабатывал основные правовые принципы деятельности государств в космосе. В частности, в нем было подчеркнуто, что государства — участники Договора обязуются не выводить на орбиту вокруг Земли объекты с ядерным оружием или с любыми другими видами оружия массового уничтожения, не устанавливать такое оружие на небесных телах и не размещать такое оружие в космическом пространстве каким-либо иным образом.

4 февраля — заявление Советского правительства, в котором содержался резкий протест против антисоветской кампании,

развернутой в Китае.

9 февраля—Советское правительство направило правительству ФРГ ноту протеста в связи с возрождением в стране нацизма и милитаризма и претензиями ФРГ «говорить от имени всего немецкого народа».

24—26 апреля — в Карловых Варах состоялась Конференция европейских коммунистических и рабочих партий, наметившая развернутую программу борьбы за упрочение мира на Европейском континенте. Это была первая в истории европейского рабочего движения региональная конференция коммунистических и рабочих партий как социалистических, так и капиталистических стран. Она обратилась ко всем миролюбивым и прогрессивным силам и движениям с призывом организовать массовые действия, направленные на обеспечение коллективной безопасности в Европе. Конференция приняла обращение в поддержку вьетнамского народа и призвала развернуть борьбу за безоговорочное прекращение агрессии во Вьетнаме. Также было принято заявление, осуждающее военный переворот в Греции и призывающее к развертыванию широкого движения солидарности с греческим народом.

24 мая — опубликовано заявление Советского правительства о положении на Ближнем Востоке в связи с провокациями Израиля против Сирии. Советское правительство предупредило, что агрессия в районе Ближнего Востока встретится не только с объединенной силой арабских стран, но и с решительным противодействием Советского Союза и других миролюбивых государств.

6 июня — заявление Советского правительства в связи с вооруженной агрессией Израиля против Объединенной Арабской Республики.

7 июня—по инициативе СССР Совет Безопасности ООН принял резолюцию, требующую от Израиля прекратить огонь и все военные действия в ОАР 7 июня 1967 года в 20.00 по Гринвичу.

9 июня—в Москве собрались руководители коммунистических и рабочих партий и правительств ряда социалистических государств. Они рассмотрели положение, сложившееся на Ближнем Востоке, заявив о своей солидарности со справедливой борьбой арабских народов и готовности оказать им необходимую помощь.

10 июня — ввиду отказа Израиля прекратить агрессию против арабских стран и грубого нарушения им решений Совета Безопасности ООН, Советское правительство разорвало с Израилем дипломатические отношения.

11—12 июля — в Будапеште состоялось совещание руководителей коммунистических и рабочих партий и глав правительств ряда социалистических государств. Участники совещания обменялись мнениями о событиях на Ближнем Востоке и вновь заявили о своей решимости поддерживать дружеские арабские страны в их справедливой борьбе против израильской агрессии и за безоговорочный вывод израильских войск с захваченных ими арабских территорий.

24 августа — делегация СССР в Комитете 18-ти государств по разоружению внесла на рассмотрение проект Договора о нераспространении ядерного оружия.

22 сентября — Советский Союз внес на рассмотрение XXII сессии Генеральной Ассамблеи ООН проект резолюции о необходимости ускорения разработки определения агрессии в свете современной международной обстановки, а также проект Конвенции о запрещении применения ядерного оружия.

4 ноября — Обращение Центрального Комитета КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР в связи с пятидесятилетием Великого Октября.

19—21 декабря — в Варшаве состоялось совещание министров иностранных дел европейских социалистических стран. Участники совещания подробно рассмотрели развитие положения на Ближнем Востоке и подчеркнули, что вывод израильских войск со всех оккупированных территорий арабских государств является главным и непременным условием восстановления и упрочения мира в этом районе. Было высказано мнение о необходимости содействовать политическому урегулированию проблемы Ближнего Востока.

30 декабря — опубликовано Обращение Центрального Комитета КПСС, Президиума Верховного Совета СССР, Совета Министров СССР и советских дипломатических представительств за рубежом в связи с пятидесятилетием советской дипломатической службы. В документе отмечался крупный вклад советской внешней политики и дипломатии в защиту всеобщего мира и безопасности народов.

1968 год

18 января — в Женеве возобновил работу Комитет 18-ти государств по разоружению. Делегация СССР внесла на рассмотрение Комитета проект Договора о нераспространении ядерного оружия, включая статью о международном контроле за его соблюдением. Аналогичный проект Договора внесла

делегация Соединенных Штатов.

21 февраля — Министерство иностранных дел СССР заявило решительный протест правительству Соединенных Штатов в связи с преступным актом против посольства СССР в Вашингтоне, в здание которого была брошена бомба.

31 мая — сопредседатели Комитета 18-ти — СССР и США — внесли на рассмотрение Генеральной Ассамблеи ООН уточненный и дополненный проект Договора о нераспространении ядерного оружия, учитывающий предложения и замечания, высказанные в ходе обсуждения проекта в Политическом Комитете Генеральной Ассамблеи ООН.

20 июня — Советский Союз внес в ООН предложение запретить использование дна морей и океанов в военных целях.

13 августа — на заседании Комитета 18-ти государств по разоружению в Женеве представитель СССР внес от имени Советского правительства предложение о том, чтобы Комитет рассмотрел пути и средства обеспечения выполнения всеми государствами Женевского протокола 1925 года о запрещении применения химического и бактериологического оружия.

21 августа — опубликовано заявление ТАСС о вступлении на территорию Чехословакии по просьбе чехословацкого руководства советских воинских частей и подразделений армий Болгарии, Венгрии, ГДР и Польши с целью «помочь трудящимся этой страны отстоять свои социалистические завоевания от посягательств внутренних и внешних врагов».

29—30 октября — совещание министров обороны государств — участников Варшавского договора по вопросам укрепления Организации Варшавского договора.

6 ноября — опубликовано заявление ТАСС относительно нового обострения обстановки на Ближнем Востоке в связи с опасными вооруженными провокациями Израиля против ОАР, Иордании, Сирии и Ливана.

1969 год

21 января—Советское правительство поддержало предложение Франции провести встречу представителей СССР, Франции, США и Великобритании в Совете Безопасности ООН для поисков в контакте с Генеральным секретарем ООН средств содействия установлению справедливого и прочного мира на Ближнем Востоке.

28 февраля — опубликовано заявление ТАСС по поводу новых агрессивных актов против арабских государств, совершенных за

последнее время Израилем.

2 марта — начался вооруженный конфликт на советско-китайской границе в Забайкалье. Пограничными подразделениями Иманского (ныне Дальнереченского) пограничного отряда отражена вооруженная провокация китайцев на реке Уссури в районе острова Даманский.

14—15 марта — отбито повторное нападение китайских провокаторов в районе острова Даманский.

17 марта — Политический Консультативный комитет государств—участников Варшавского договора учредил Комитет министров обороны, Объединенные вооруженные силы и Объединенное командование Варшавского договора.

19 сентября—министр иностранных дел СССР А. А. Громыко направил Генеральному секретарю ООН письмо с просьбой включить в повестку дня XXIV сессии Генеральной Ассамблеи ООН вопрос «Об укреплении международной безопасности» в качестве важного и срочного вопроса. К письму был приложен проект «Обращения ко всем государствам мира», которое правительство СССР было намерено внести на рассмотрение сессии.

24 ноября — Советский Союз ратифицировал Договор о нераспространении ядерного оружия. В этот же день Договор был ратифицирован США.

22 декабря — в Москве открылось заседание Комитета министров обороны стран Варшавского договора, на котором рассматривались вопросы обеспечения безопасности границ и вопросы состояния союзнических армий.

1970 год

5 марта — вступил в силу Договор о нераспространении ядерного оружия. В Москве, Вашингтоне и Лондоне состоялись акты сдачи на хранение ратификационных грамот странами-депозитариями.

30 апреля — опубликовано заявление ТАСС в связи с ˆпрекращающимися вооруженными провокациями Израиля против Ливана.

14 мая — главы правительств 8 социалистических стран — членов Совета экономической взаимопомощи (СЭВ) рассмотрели вопрос о положении в Индокитае в связи с вооруженными действиями на территории Камбоджи.

16 июня — в Женеве возобновил свою работу Комитет по разоружению. В повестку дня были включены вопросы,

касающиеся рассмотрения проекта Договора о запрещении размещения на дне морей и океанов и в его недрах ядерного оружия, а также Конвенции о полном запрещении химического и бактериологического оружия.

14 августа—в Вене закончились начатые 16 апреля переговоры делегаций СССР и США по вопросам ограничения стратегических вооружений. Как указывалось в принятом коммюнике, была достигнута договоренность о том, что переговоры между делегациями СССР и США будут возобновлены 2 ноября в Хельсинки.

24 ноября—опубликовано заявление ТАСС в связи с бомбардировками 21 ноября американской авиацией территории ДРВ.

18 декабря — в Хельсинки закончился очередной этап переговоров между делегациями СССР и США по вопросу ограничения стратегических вооружений.

1971 год

15 января — Советское правительство предложило правительству КНР заключить Договор о неприменении силы в отношениях между двумя странами.

11 февраля — в Москве, Лондоне и Вашингтоне представителями трех стран-депозитариев — СССР, Великобритании и США — был подписан Договор о запрещении размещения на дне морей и океанов и в его недрах ядерного оружия и других видов оружия массового уничтожения.

26 февраля — опубликовано заявление правительства СССР в связи с расширением агрессивных действий США против Лаоса.

28 февраля — опубликовано заявление правительства СССР в связи с отказом правительства Израиля вывести свои войска с оккупированных арабских территорий.

30 марта—9 апреля—работа XXIV съезда КПСС. Приняты: обращение съезда «Свободу и мир народам Индокитая» и заявление «За справедливый и прочный мир на Ближнем Востоке».

19 августа — опубликовано сообщение о подписании в Москве соглашения об оказании Советским Союзом безвозмездной дополнительной помощи ДРВ с целью укрепления ее обороноспособности.

3 сентября — в Западном Берлине подписано четырехстороннее соглашение между СССР, Францией, США и Великобританией по вопросам, относящимся к Западному

Берлину.

30 сентября — в Вашингтоне подписаны соглашения между СССР и США «О мерах по уменьшению опасности возникновения ядерной войны» и «О мерах по усовершенствованию линий прямой связи».

30 ноября — 1 декабря — в Варшаве состоялось совещание министров иностранных дел государств—участников

Варшавского договора по вопросу подготовки к созыву общеевропейского совещания.

6 декабря — опубликовано заявление ТАСС в связи с военными столкновениями на индийско-пакистанской границе.

16 декабря — XXVI сессия Генеральной Ассамблеи ООН приняла резолюцию, одобряющую советское предложение о созыве Всемирной конференции по разоружению.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Авторский коллектив. Летопись советской внешней политики (1917—1967). М.: Издательство политической литературы, 1968.

Авторский коллектив. Очерки истории российской внешней разведки. Т. 5. М.: Международные отношения, 2003.

Антонов В.С. Служба внешней разведки: история, люди, факты. М.: Кучково поле, 2013.

Антонов Владимир, Карпов Владимир. Ветераны внешней разведки России (краткий биографический справочник). М.: Типография СВР России, 1995.

Антонов В.С., Прокофьев В.И. Календарь памятных дат российской внешней разведки. М.: СВР, 2000.

Антонов Владимир, Прокофьев Валерий. Служба внешней разведки России: памятные даты. М.: СВР, 2004.

Антонов Д., Жобер А., Ковальсон Л. Заговоры ЦРУ. М.: Международные отношения, 2003.

Артемов В.Л. Психологическая война в стратегии империализма. М.: Международные отношения, 1983.

Бейли Дж., Кондрашов А., Мерфи Д. Поле битвы — Берлин: ЦРУ против КГБ в холодной войне. М.: Терра — Книжный клуб, 2000.

Берге Иван. Историческое недоразумение: «холодная война» (1917—1990). М.: Международные отношения, 1996.

Блейк Джордж. Иного выбора нет. М.: Международные отношения, 1996.

Бобков Ф.Д. КГБ и власть. М.: Ветеран МП, 1995.

Вайда П. Опасный враг. М.: Международные отношения, 1980.

Вачнадзе Г.Н. Белая книга холодной войны. М.: Молодая гвардия, 1985.

Витковский АД. СССР против США. Тайная война сверхдержав. М.: Эксмо, Алгоритм, 2012.

Вольф Маркус. Игра на чужом поле. М.: Международные отношения, 1998.

Гасанов Р.М. Шпионаж особого рода. М.: Мысль, 1989.

Гелен Райнхард. Война разведок. Тайные операции спецслужб Германии (1942—1971). М.: Центрполиграф, 1999.

Громушкин П.Г. Разведка: люди, портреты, судьбы. М.: Добросвет-2000, 2002.

Громыко А. А., Пономарев Б.Н. История внешней политики СССР. Т. 2 (1945—1985). М.: Наука, 1986.

Даллес Аллен. Искусство разведки. М.: Международные отношения, 1992.

Долгополов Н.М. Главный противник. Тайная война за СССР. М.: Эксмо, Алгоритм, 2012.

Донован Джеймс. Незнакомцы на мосту. М.: Международные отношения, 1992.

Дроздов Юрий. Записки начальника нелегальной разведки. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2000.

Жуков Ю. Повесть о грязных трюках. М.: Советская Россия, 1978.

Иванов О., Попов Г, Прокофьев В. Руководители ИНО— ПГУ— СВР (1920—2000). М.: Академия СВР, 2000.

Кац Владислав. Над пропастью всю жизнь. Очерки о разведчиках. Саратов: Приволжское книжное издательство, 2003.

Кирпиченко Вадим. Разведка: лица и личности. М.: Гея, 1998.

Колпакиди А.И. Энциклопедия секретных служб России. М.: «Издательство Астрель» — «Издательство АСТ» — «Транзиткнига», 2003.

Колпакиди А., Лемехов О. Главный противник. ЦРУ против России. М.: Вече, 2002.

Колпакиди А., Прохоров Д. КГБ: Приказано ликвидировать. М.: Яуза, Эксмо, 2004.

Колпакиди А.И., Прохоров Д.П. КГБ: Спецоперации советской разведки. М: Олимп — Астрель — АСТ, 2000.

Корниенко Г.М. «Холодная война». Свидетельство ее участника. М.: Международные отношения, 1995.

Крючков Владимир. Личное дело. М.: Олимп, 1996.

Маслов Сергей. Тайны и судьбы мастеров разведки. М.: Вече, 2012.

Млечин Леонид. Председатели КГБ. Рассекреченные судьбы. М.: Центрполиграф, 1999.

Млечин Л.М. Особая папка СВР. М.: Эксмо, Яуза, 2003.

Найшли Филипп. Ким Филби — супершпион КГБ. М.: Республика, 1992.

Павлов Виталий. Руководители Польши глазами разведчика. М.: Терра — Книжный клуб, 1998.

Полмар Норман, Аллен Томас. Энциклопедия шпионажа. М.: Крон-пресс, 1999.

Прокофьев В. Внешняя разведка: боевое содружество. Минск: Беларусь, 2002.

Тешкин Юрий. Андропов и другие. Ярославль: Верхняя Волга, 1998.

Феклисов Александр. Признание разведчика. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 1999.

Фёльфе Хайнц. Мемуары разведчика. М.: Политиздат, 1992.

Филби Ким. Моя тайная война. М.: Воениздат, 1980.

Фурсенко Александр, Нафтоли Тимоти. Адская игра. М.: Гея итэрум, 1999.

Холлоиг Э., Лайтан В. «Холодная война» против Венгрии. 1956. М.: Прогресс, 1985.

Шебаршин Л.В. Из жизни начальника разведки. М.: Международные отношения, 1994.

Широнин Вячеслав. КГБ—ЦРУ. Секретные пружины перестройки. М.: Ягуар, 1997.

Яковлев Н.Н. ЦРУ против СССР. М.: Правда, 1983.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Михаил Федорович Сахаровский в период службы в армии. 1916 г.

Александр Сахаровский — секретарь бюро ВЛКСМ 2-го полка связи. Ленинград, апрель 1933 г.

Саша Сахаровский (крайний слева) с родителями и родственниками

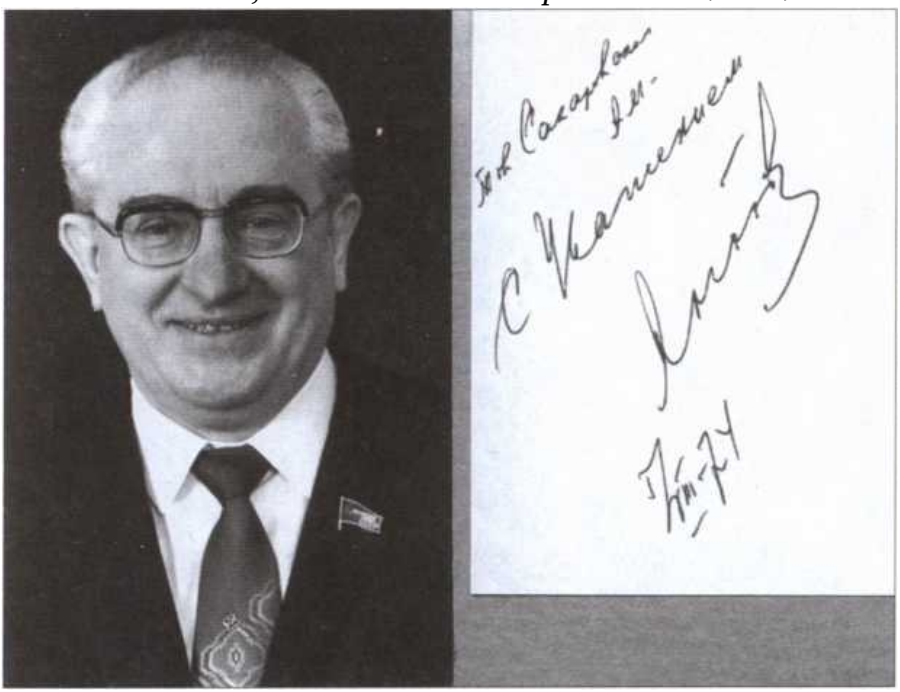
Супруга А. Сахаровского — Вера Алексеевна. 1936 г.

А.М. Сахаровский — сотрудник У НКВД по Ленинграду и Ленинградской области. 1939 г.

А.М. Сахаровский (первый ряд, третий слева) с сотрудниками фронтовой оперативной группы. Славковичи, июль 1944 г.

Полковник Сахаровский. Москва, 1949 г.

А.С. Панюшкин, начальник внешней разведки в 1954-1955 гг.



Ю.В. Андропов, председатель КГБ в 1967-1982 гг. Москва, 1974 г.

Генерал-майор А.М. Коротков

Генерал-майор И. И. Агаянц

П.Г Громушкин, долгое время работавший под руководством А.М. Сахаровского

Генерал-лейтенант В.А. Кирпиченко

А.М. Сахаровский (в центре) в Каире. 1970 г.

А.И. Микоян вручает орден Ленина А.М. Сахаровскому

КГБ
ПРИ СМ СССР
(личная подпись)

КОМИТЕТ ГОСБЕЗОПАСНОСТИ
ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР

УДОСТОВЕРЕНИЕ

Товарищ Сахаровский
Александр Михайлович
приказом КГБ при СМ СССР
№ 0233 от 23 декабря 1957 г.
награжден нагрудным знаком
ПОЧЕТНОГО СОТРУДНИКА ГОСБЕЗОПАСНОСТИ
№ 84 за достигнутые
успехи в работе и
безупречную службу

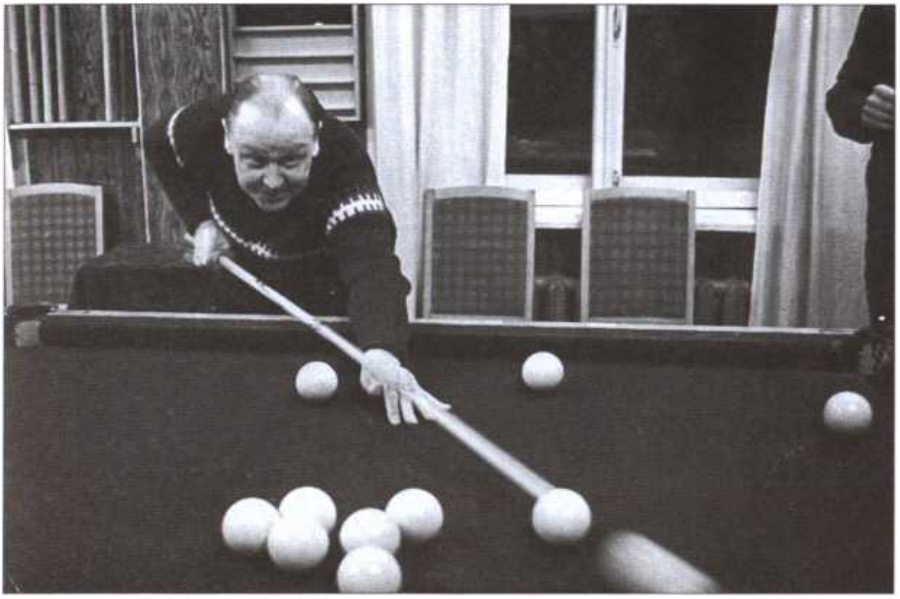
ПРЕДСЕДАТЕЛЬ Комитета госбезопасности при Совете Министров СССР И. Серов

29 апреля 1958 г.

Удостоверение к нагрудному знаку «Почетный сотрудник госбезопасности»

В редкие часы отдыха. На рыбалке

На охоте



Точный удар

Александр Михайлович с сыновьями Валерием и Игорем

В семейном кругу. Последнее фото А.М. Сахаровского, сделанное 3 сентября 1983 г.

Генерал-полковник А.М. Сахаровский. Москва, 1975 г.